
ОГОНЁК

№ 31 АВГУСТ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 31 (2248)

1 АВГУСТА 1970

2 АВГУСТА — ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА

Тася и Валя, дежурные.

О. КУПРИН, Д. УХТОМСКИЙ

Фото авторов.

Это чувство знакомо каждому, потому что каждый когда-либо садится в поезд и становится пассажиром. И едет. В пути — станции. Большие и маленькие. На больших станциях принято выскакивать из вагона и бежать в киоск за газетами или в буфет за пивом. На маленькой станции торопиться некуда: поезд стоит минуту или две, а то и вовсе проскакивает без остановки. Мелькнет окруженное лесом крошечное вокзальное зданьице на взгорке, стожок сена, собака, гоняющая кур, а поезд умчится дальше, останется позади и эта станция и чья-то неведомая для вас жизнь. Несколько минут будет еще стоять перед глазами эта картина, и захочется когда-нибудь взять да и приехать сюда и прожить тут денек-другой, просто так, без всякой цели...

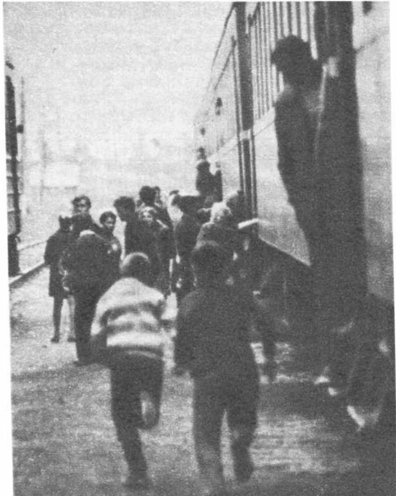
Мы не спали всю ночь, стояли у окна и выбирали станцию. Поезд вез нас по одной из веток Свердловской железной дороги на север, сквозь белые ночи к полярному дню. Изучили расписание. Вечером будут станции Блочная, Кабельная, Кислотный, к утру — Углеуральская и Обогатитель. Названия, прямо скажем, без лирики. Зато ночью — Ярино, Тихая, Дивья, Парма. Все, как нам сказали, маленькие. Все красивые. Только выбирай.

Вечерний скорый.

Дивья... Откуда такое имя! От слова «диво»! Или от «дивий» — дикий, глухой!

Объявлена посадка.

Мы едем, едем, едем!

На перрон сошли лишь мы. Больше ни одного пассажира. Отгрохотал по рельсам наш поезд. Ушла в вокзальный домик девушка в сером форменном костюме и красной фуражке — дежурная по станции. Огляделись. Густой лес подступал к самому железнодорожному полотну, он один был мрачен и черен в прозрачной белой ночи. А вокзальчик на пригорке светлый-светлый.

Вот какая ты, тихая станция с загадочным и красивым именем — Дивья!

Через десять минут мы знали, что дежурную зовут Валей, что через несколько дней она уезжает в отпуск в Севастополь и что сегодня утром на станции получка.

Потом было не до разговоров: прибыл сборный поезд. Сборный потому, что составлен он из вагонов, идущих в разные адреса. Собственно говоря, на станции вагоны вагонами не называют. Говорят: коробка. Несколько «коробок» нужно оставить на Дивьей и несколько прицепить к поезду, чтобы шли они, куда им положено. Привезли сюда гравий для асфальто-битумного завода, а увозят лес из соседнего леспромхоза. За спиной у маленькой станции, оказывается, был довольно солидный поселок. Кроме завода и леспромхоза, тут еще нефтепромысел.

А нам следовало наконец представиться начальнику станции.

— Начальника нет,— сказала Валя.— Есть исполняющий обязанности. Придет в шесть по московскому. Вообще-то может и не прийти. Сегодня суббота. Выходной у начальника. А вот и Тася, сменщица моя. Ура!

Сменщица была высокая, тоненькая, стройная, с задорными и любопытными глазами. Сменщице очень хотелось казаться серьезной, и потому, принимая дежурство, она словно и не замечала нас. Наконец смена принята. Как эстафета, передана красная фуражка.

Фамилию исполняющего обязанности мы уже знали — Гудзь. Тася — тоже Гудзь.

— Однофамильцы?

— Племянница я начальника.

— Стало быть, семейственность?

— Где-то, может, и семейственность, а у нас — династия.

— Сколько вам лет?

— Девятнадцать. — Помолчала, потом добавила: — Скоро исполнится девятнадцать. А нашу Галю вы уже знаете?

Галя пришла через полчаса, миловидная женщина лет тридцати пяти. Пошепталась о чем-то с Тасей, обернулась к нам.

— Вы меня ждете?

Оказалось, что мы действительно ждем ее, Галю, то есть Галину Александровну Гудзь. Она и есть исполняющий обязанности...

Месяц назад на Дивьей произошло ЧП — сошел с рельсов электровоз. Правда, все уладилось довольно быстро, никаких осложнений, а тем более жертв не было, но, как положено, нагрянули инспекторы и ревизоры. Афанасия Михайловича Боталова отстранили от должности начальника. Давно, говорят, хотели это сделать, а тут как раз такой случай...

Галина Александровна Гудзь была раньше дежурной по станции, теперь попросили исполнять обязанности начальника. Бывший начальник Боталов занял ее место, стал дежурным.

— Во вторник вызывают меня в отделение дороги. Предлагают сдавать экзамены на начальника.— Галя (будем ее называть так же, как и сослуживцы) покачала головой, вздохнула.— И не знаю, соглашаться мне или нет... Ой, вы меня извините! Дочка дома взаперти сидит. Проснулась наверняка. Покормлю и через десять минут буду. Муж-то в санатории.

Убежала. Мы вышли на перрон. Солнце поднялось уже довольно высоко, а на станции опять ни души. Пусто. Тихо. В лесу, что тут же за полотном, птицы дают утренний концерт. И оттого тишина получается звенящей и живой. Даже куриное кудахтанье и петушиные вопли кажутся необходимыми составными частями этой умиротворяющей тишины.

На лесную опушку по тропинке гуськом потянулась компания, человек десять. С сумками. Расстелили одеяла, уселись в кружок. Разговаривают о чем-то. Голосов не слышно. Суббота сегодня. Выходной.

Железная дорога работает без выходных. Сейчас хорошо — лето, белые ночи. Стрелочники на постах, как на дачах, живут. Зато зимой... Место тут вьюжное, стрелки за смену надо обмести раз двадцать. Тася тоже работала стрелочницей. Бывало, придет зимой в дежурку после смены и разревется: «Уйду я с вашей железки! Уйду! Уйду я! Уйду!» Не ушла. Курсы дежурных закончила, в железнодорожный техникум поступать готовится. Сейчас сидит у телефона и скучает. Экзамены вступительные скоро, учебник бы полистать. Нельзя. На дежурстве разрешается читать только инструкции.

Галя дома, кормит дочку. Валя после ночной смены, наверное, видит десятый сон. А вот Боталов, интересно, чем занят? О чем думает? Ведь непросто это — пойти в подчинение к бывшей своей подчиненной. Сложная штука — психология человеческая, отношения людские.

По перрону суетливо прыгают воробьи. Железнодорожные пути лениво пересекла кошка, чернобелая, как шлагбаум.

Чего только не узнаешь за день на маленькой станции! И то, что леспромхозу везет в нынешнем году на резонансную ель, из которой делают скрипки и которая стоит гораздо дороже остального леса, и то, что Боталову предлагают другую работу, где оклад вдвое больше, и то, что завтра в железнодорожный магазин привезут комбикорма, и то, что у кассира Анастасии Даниловны Бродович красивая любовь.

О красивой любви мы потом узнали от самой Анастасии Даниловны, только ни слова «красота», ни слова «любовь» она не произнесла, конечно. Просто о жизни был разговор. Будущего своего мужа Бориса Сергеевича встретила она в поезде, когда ехала на курорт. Пришлись они друг другу по сердцу. Он железнодорожник, и она с ним железнодорожницей стала. Был у них однажды семейный совет и решили, что нельзя нынче на железной дороге с пятиклассным образованием. У Анастасии как раз и были те пять классов, дальше учиться война помешала. И пошла она на сороковом году в школу. С молодежью вместе за парту села. Посмеивались

МОСКВИЧИ ЗОВУТ!..

«XXIV съезду партии — ударный труд!» — этот лозунг стал в нынешние дни боевым девизом миллионов.

Инициаторами предсъездовского соревнования выступили москвичи. На их призыв откликнулась вся страна. Ленинградские машиностроители, горняки Донбасса и Кузбасса, металлурги Магнитогорска и Липецка, строители, химики, земледельцы становятся на ударную вахту в честь XXIV съезда КПСС.

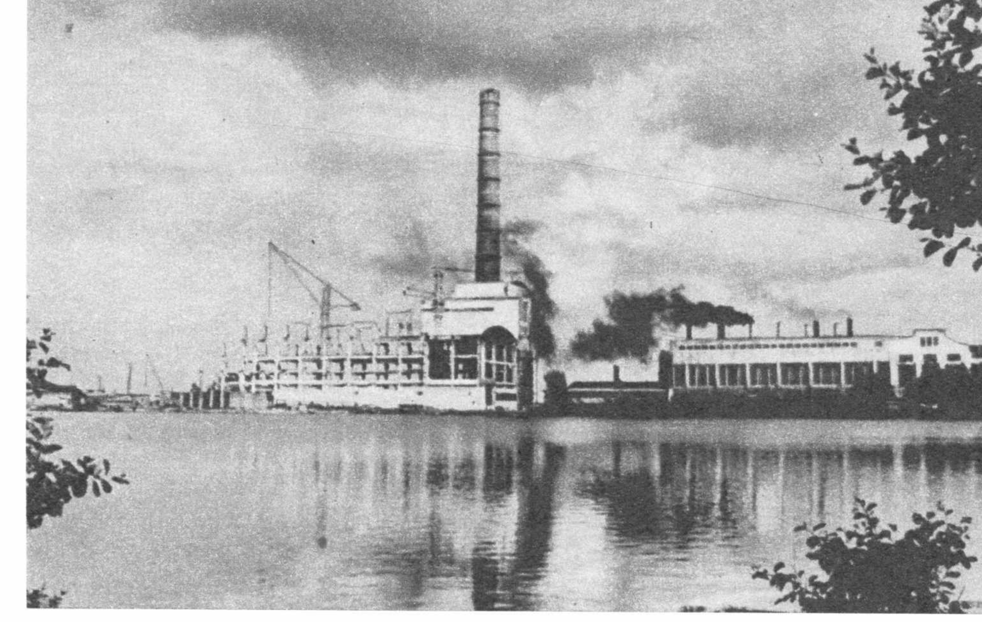
Корреспондент «Огонька» побывал на московском заводе «Красный пролетарий», коллектив которого является одним из инициаторов всенародного предсъездовского соревнования. Программа деятельности краснопролетарцев весьма конкретна. 60 металлорежущих станков сверх плана! Дать сверхплановой продукции более чем на полмиллиона рублей. Выполнить поставки станков для «Сельхозтехники» к 1 октября. Сотни тонн сэкономленного металла, подготовка к выпуску новых высокопроизводительных машин...

На снимке: партгрупорг участка, бригадир бригады коммунистического труда Иван Стенин (крайний справа) с шлифовщиками Владимиром Черновым, Николаем Храпковым и Николаем Протавцевым. Бригада И. Стенина первой в цехе стала на предсъездовскую вахту.

Фото Д. Ухтомского.

"ШАТУРКА" ПУЩЕНА!

Так отмечал «Огонек» пуск Шатурской электростанции в 1925 году.

Шатурская ГРЭС имени В. И. Ульянова-Ленина сегодня.

Фото автора.

ЛЕНИНСКОЙ «ШАТУРКЕ» — 50 ЛЕТ

Идея создания Шатурской электростанции, первой в Советской России, родилась сразу же после Октября. Владимир Ильич Ленин предложил немедленно приступить к ее строительству.

...Со всех концов съезжались в Шатуру мастера своего дела. Из Рязани — плотники, из Нижнего Новгорода — кладчики, из Владимира — каменщики. Не пугали строителей ни болота, ни комары, ни стаи голодных волков. Кормились люди воблой и горохом. Время было суровое — война, эпидемии, интервенция, голод. Строители электростанции тоже боролись за республику. С рассвета до темноты стучали топоры, визжали пилы.

Ленин всегда помнил об этом строительстве и помогал строителям. 25 июля 1920 года опытную электростанцию сдавали в эксплуатацию. В этот торжественный и праздничный день М. И. Калинин вручил шатурцам грамоту ВЦИК, в которой выражалась благодарность всем труженикам за огромный успех. Газета «Правда» поздравляла шатурцев и писала, что пуск электростанции смело можно поставить в один ряд с самыми выдающимися победами Красной Армии.

В 1925 году была пущена первая очередь ГРЭС, построенной по плану ГОЭЛРО. Как ни удивительно прошлое Шатурской ГРЭС, но еще более интересно ее настоящее и будущее. На смену ручному труду здесь пришла автоматика. На станции в шутку говорят: единственный вид ручного труда у нас все же остался — кнопки вручную нажимаем.

Рядом со старым зданием электростанции строится огромный современный корпус. В нем установят три энергоблока мощностью по 200 тысяч киловатт каждый. Это — будущее станции. «Шатурка» станет крупнейшей торфяной электростанцией в стране.

Ученые думают и о дальнейшем расширении «Шатурки», общую мощность станции они хотят довести до 1,1—1,3 миллиона киловатт.

М. ДИГОРОН

над нею некоторые, пенсионеркой называли. Зато учителя хвалили и в пример ставили. Смотрите, дескать, молодые, человек уж в летах и детишек двое, а как старается, потому что в школу не шалости ради пришел, а ради знаний. И все три года, пока не закончила жена восьмой класс, Борис Сергеевич вел домашнее хозяйство.

Галя в своем кабинете выдавала зарплату, и мы за каких-нибудь полчаса увидели всех, кто работает на станции. Не приходил только Боталов.

— На рыбалку уехал или по дому чем занимается,— объяснила Галя.— Боюсь я идти на эту должность. Вот он отдежурил ночь — и двое суток свободен. Делай что хочешь. А у начальника забот полон рот. Ответственность, знаете, какая? С другой стороны, интересно... Просто и не знаю, что делать... Работы с каждым годом больше. За то время, что я здесь, пассажирское движение выросло в шесть с лишним раз,— закончила она не без гордости.

Боталов дежурил в воскресенье. Познакомились. У бывшего начальника на правой руке нет указательного пальца. Воевал? Да, воевал. На фронт ушел восемнадцатилетним мальчишкой. Вернее, не сразу на фронт, сначала в минометно-пулеметную школу. Выйти оттуда должен был офицером. Двух месяцев не доучился. Собрали курсантов, объявили: положение тяжелое, кто хочет кончать школу, пусть кончает, кто хочет быстрее на фронт — уедет завтра, но не офицером, а сержантом. Уехать захотели все. И прошел Боталов всю войну пулеметчиком.

Железнодорожником стал сразу после победы, в сорок пятом. Долго работал дежурным по станции на большой и оживленной магистрали. Надоело. Тишины захотелось, он по ней во время войны скучал, она ему по ночам во сне снилась, тишина. Приглядел одну тупиковую станцию. Природа — мечта. Речка рядом, а значит, и рыбалка. Хотел пойти дежурным и с начальником станции уже сговорился. Приехал в отделение оформляться, а там говорят: занято уже место, в Дивью поезжайте начальником. Что делать, поехал в Дивью. Потом уж выяснилось, что место то занимать никто не собирался, просто в Дивьей с кадрами был зарез. А уж как не хотел он начальником... Теперь отстранили. Обиделся? На кого? Люди не перестали его уважать оттого, что случилось с ним такое, по-старому называют начальником, по имени-отчеству величают. Уйти? Вон диспетчером на завод приглашают, оклад вдвое больше. Только куда он от дороги уйдет? Четверть века ей отдано. Квартира у него железнодорожная, ведомственная. Шестеро детишек вот тут вырастил. Трое разлетелись кто куда. Трое еще при нем. А начальника из него не получилось. Не из всякого, стало быть, человека начальники получаются.

Был у нас длинный разговор на эту тему с кассиром Анастасией Даниловной. Поездов в скором времени не предвиделось, можно и побеседовать.

— Я так считаю: начальник — это характер человеческий, а не должность. Твердый должен быть характер и справедливый. Раньше как получалось: провинился кто если из нас, Афанасию-то Михайловичу вызвать бы нарушителя в кабинет да пропесочить от души. А он этого не делал. Вроде бы как стеснялся. Свои, мол, все люди. Или обидеть не хотел? Электровоз тот с рельсов на стрелке сошел. Неисправная стрелка была. Путейцы, видно, плохо отладили ее. Боталов у них работу принял. Может, проверил плохо, может, и путейцев — свои ведь тоже люди — обидеть не хотел. А отвечает он. С кого спрашивать имеют право, тому и право дано требовать с других. На работе обижаться не положено. Может, в учреждении каком и не так заметно, что начальник вовсе никакой не начальник. На иной работе можно кому-то и ошибку простить по-дружески или еще что. А у нас нельзя. На железной дороге и порядок должен быть железным. Наши ошибки, знаете, чем кончаются? То-то и оно. И начальник требовать обязан с любого, неважно, чужой он человек или друг закадычный.

— Новый-то начальник сможет?

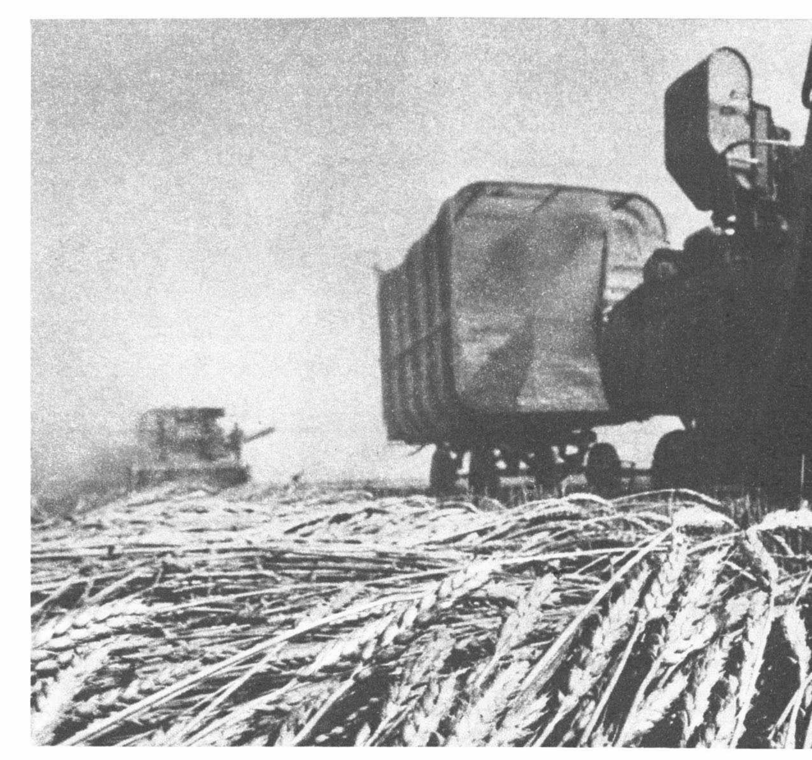
— Галя-то? Я так думаю, что сможет. Крепкий она человек. Вон какой скандал на асфальто-битумном устроила. Мы им гравий возим. Они сыплют его где попало. Афанасий-то Михайлович говорил им, чтоб оградили они опору контактной сети. Разбить может гравием опору-то. Те все обещали. Известно, пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Галя на заводе такой шум устроила — в тот же день заборчиком опору окружили.

Время к полночи, а за лесом все никак не мог догореть закат. В поселке рассыпался переборами баян, женские голоса завели какую-то грустную песню. Песня звучала все громче, плыла сюда, к станции, и вскоре мы увидели певцов. Железнодорожники с баяном, с гитарой пришли проводить последний поезд. Была тут и Галя, были Тася и Валя, без пяти минут отпускница, короче говоря, почти весь небольшой штат станции. Друзья. Завтра утром снова придут они на станцию, и одна станет начальником, другие — дежурными, стрелочниками, кассирами, уборщицами. Пойдет работа, четкая и размеренная, потому что иной тут быть не может. Работа на берегу стальной реки, на маленьком капилляре громадной транспортной системы страны. Поезда, поезда... Вся жизнь — в поездах. Жизнь заводов, колхозов, строек. Судьбы миллионов людей. И их судьбы — двадцати человек со станции Дивья.

Прибытие — отправление. Пассажиры, грузы, встречи и прощания. По этой дороге отправится через несколько дней в отпуск в Севастополь Валя Аписарова. По этой дороге во вторник увезет поезд Галю — сдавать экзамены на начальника станции. И как раз во вторник утром дежурным по станции будет Боталов. Он и даст отправление тому поезду. А утром уедем мы. Мелькнет крошечное вокзальное зданьице на пригорке, окруженное лесом, стожок сена... Дивья.

Агроном-семеновод Василий Иванович Давискиба.

ИДЕТ ХЛЕБ УКРАИНЫ!

- ДНЕМ И НОЧЬЮ
- ЧЕТКИЙ РИТМ ЖАТВЫ
- ЕСТЬ ТРЕХСОТПУДОВЫЙ УРОЖАЙ!

...До позднего вечера девять комбайнов бригадира Петра Макаровича Помпущенко добирали хлеб с поля. Возле комбайна отца, тракториста тридцатых годов, Петра Федоровича Михайлика,— комбайн сына, Федора. Он шофер, но в страду всегда садится за штурвал комбайна. Сегодня намолот коммуниста Федора Михайлика — один из самых высоких в колхозе.

От тока к комбайнам снуют машины. В кузове — девчушки-школьницы. Помогают разгружать зерно. Есть тут и десятиклассницы. Последние школьные каникулы у Нади Белозер — тоненькой девочки в сложенной из газеты шапке. «Отцова дочка,— говорит агроном и кивает в сторону помощника комбайнера Якова Белозера.— И работой в отца...»

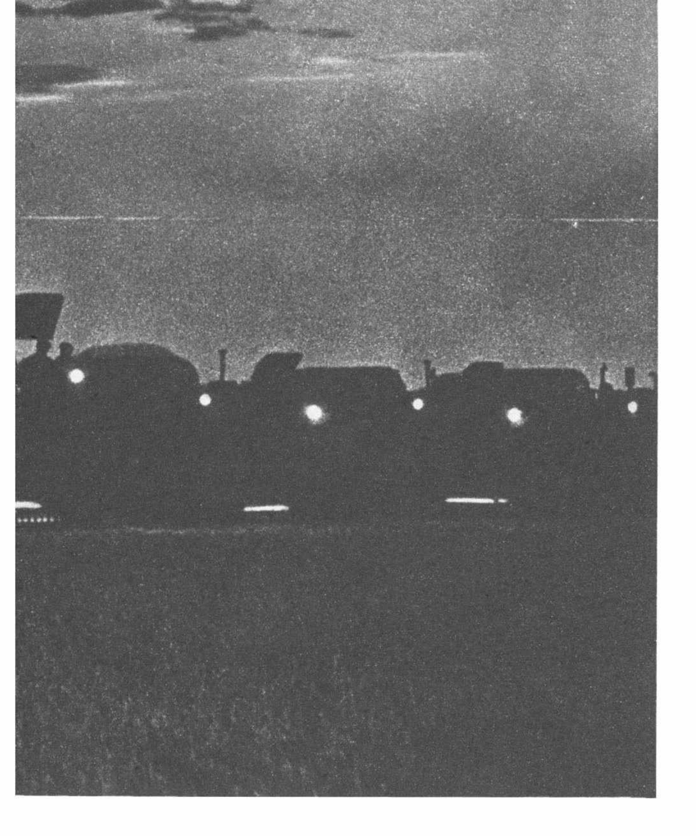
Хлеб, убирают последний хлеб в колхозе «Заря коммунизма», Новоархангельского района, Кировоградской области. И вот уже выстроились в линейку на машинной площадке комбайны, сбросили пропыленные куртки комбайнеры, подставив лица и ладони под струи воды. Последний хлеб убран.

— Пшеница не подвела — сорок пять центнеров на круг! — говорит председатель колхоза Герой Социалистического Труда Леонид Иосифович Шлифер.—Давно ли было время, когда хлебороб мечтал вырастить стопудовый урожай. А теперь — вот он — вдвое, втрое больший. Триста пудов золотого зерна с гектара!

А таких гектаров в колхозе одиннадцать тысяч, восемь с половиной из них чистой пахоты.

Идет хлеб Украины!

Фото Л. Шерстенникова.

Галя Антонова и Рая Деордица возят хлеб.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПЕРВОЕ В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ

Николай ПАСТУХОВ

Местечко Сибоней, утопающее в густых банановых зарослях, внешне мне показалось ничем не примечательным.

— Но Сибоней,— сказал нам сотрудник отдела печати МИД Кубы Карлос Санчес,— сыграл важную роль в истории кубинской революции. Здесь находится ферма, куда в июле 1953 года тайно стекались юные смельчаки со всех концов острова. Днем они отсиживались в колодцах и сараях фермы, а ночью готовились к штурму казармы Монкада.

Небольшой домик на ферме ныне превращен в музей. Его экспонаты, документы и фотографии рассказывают о многом, помогают понять загадку западного полушария пятидесятых годов — успех революции в маленькой латиноамериканской стране, расположенной у самого порога могучей империалистической державы — Соединенных Штатов Америки.

10 марта 1952 года Батиста вновь осуществил контрреволюционный переворот на Кубе. Пришедшая к власти военная диктатура стала прямым выразителем экономических, политических и милитаристских интересов США. Батиста и его ближайшее окружение — миллионеры-латифундисты противопоставили себя всему народу и опирались только на штыки наемной армии.

Именно в этот период влияние могучего социалистического содружества, международного коммунистического и рабочего движения, обострение противоречий империалистической системы ускорили распространение революционных идей на Кубе, способствовали подготовке на острове национального восстания.

На рассвете 26 июля 1953 года менее двухсот кубинских революционеров во главе с Фиделем Кастро с оружием в руках вышли из местечка Сибоней, что расположено в семнадцати километрах от Сантьяго-де-Куба — столицы провинции Ориенте, и направились на штурм Монкады. Обращаясь к своим товарищам накануне операции, Фидель Кастро сказал: «Если мы победим, мы осуществим чаяния Хосе Марти. Если мы будем побеждены, наша борьба послужит примером народу Кубы, и ее продолжат другие».

— Почему,— спросил я Карлоса Санчеса,— революционеры избрали для штурма именно казарму Монкада?

— О,— ответил он,— для этого было много причин. От Гаваны до Сантьяго-де-Куба восемьсот километров, и в случае успеха штурма Батиста не смог бы так быстро перебросить сюда карательные войска. Во-вторых, провинция Ориенте всегда была традиционным оплотом мамби (партизан), боровшихся против внешних и внутренних угнетателей. Не случайно была выбрана и дата — 26 июля. В этот день в Сантьяго-де-Куба проводился всенародный карнавал, что давало возможность незаметного передвижения людей... Поедем,— предложил он,— маршрутом участников штурма 26 июля, посмотрим на Монкаду.

Уже издали мы увидели крепость, которая вздымала свои зубчатые стены и блокгаузы с бойницами в самом центре Сантьяго-де-Куба. Она была построена, чтобы властвовать над городом и держать его в рабской покорности. Вот почему удар по крепости являлся одновременно ударом по всему диктаторскому режиму, олицетворением которого была казарма Монкада.

Семнадцать лет назад у ее стен разыгрался неравный кровопролитный бой молодых кубинских революционеров с пятью тысячами отборных, хорошо вооруженных солдат батистовской армии. Революционеры проиграли в ходе операции фактор внезапности и были жестоко подавлены. Большинство героев погибло во время боя и последовавших пыток и репрессий.

Но штурм Монкады не прошел бесследно. Он положил начало революционному движению, которое победило первого января 1959 года. Как выразительна надпись, которую мы прочитали на одной из стен Монкады: «Первая казарма, превращенная в школу»!

— Когда смотришь на эту надпись,— сказал Карлос Санчес,— невольно вспоминаешь речь Фиделя Кастро на суде. Он подверг уничтожающей критике кровавую диктатуру и, изложив программу революционных преобразований на Кубе, воскликнул: «Вы можете меня осудить, это не имеет значения. История меня оправдает!»

Да, история доказала, что кровь революционеров была пролита не напрасно. Вот уже двенадцатый год радиостанции Кубы начинают свои передачи словами: «Первая свободная территория Америки».

«Героический подвиг участников штурма казармы Монкада,— говорится в официальном советском приветствии по случаю семнадцатой годовщины национального восстания,— положил начало революционному движению, победа которого принесла Кубе подлинное национальное и социальное освобождение, привела к созданию первого социалистического государства в западном полушарии».

Кубинский народ торжественно отпраздновал День национального восстания. По всей стране прошли красочные карнавалы победителей сафры 1970 года, самой рекордной сафры за всю историю Кубы. В празднике участвовали победители битвы за кубинский рис, за мясо и молоко, за цитрусовые, за решение всех необходимых задач социалистического строительства.

Первое социалистическое государство в западном полушарии — друг народов Советского Союза и всего социалистического содружества — уверенно идет по пути мирного созидательного развития.

В. Борзов (первый справа) завершает бег на 100 метров. Рядом с ним американец Б. Воун (№ 3), занявший второе место, А. Корнелюк (№ 4) и А. Крокетт (№ 5), занявший третье место.

ГОНЦЫ ПОБЕДЫ

В. ВИКТОРОВ,
Л. БОРОДУЛИН

Кто не знает легенды о греческом воине, пробежавшем 42 километра 195 метров с радостной вестью о победе при Марафоне и упавшем бездыханным в конце своего долгого пути! Марафонский бег не входит в программу матча СССР — США, но наши бегуны на этой девятой по счету встрече двух сильнейших команд мира стали гонцами победы. Эта встреча показала, что советские спринтеры и бегуны на средние дистанции добились многого. Еще никогда за всю историю матчей не удавалось им побеждать на дистанциях 100, 800, 1 500 метров. На этот раз удалось! И именно эти три победы закрепили успех наших мужчин в командной борьбе с американскими легкоатлетами.

До девятого матча общий счет был 6 : 2 в пользу советских спортсменов, но нашим мужчинам удавалось выигрывать всего лишь один раз, в 1965 году в Киеве. На сей раз победа достигнута в Ленинграде, причем, если в Киеве разрыв у мужских команд достигал шести очков, то теперь он возрос до восьми. А общий счет матча — 200 : 173 — тоже является рекордным, еще никогда команде СССР не удавалось побеждать с таким преимуществом.

Те, кто видел бег Валерия Борзова на дистанции 100 метров (а этот бег могли наблюдать не только тридцать тысяч ленинградцев, до предела заполнивших стадион имени В. И. Ленина, но и миллионы телезрителей), получили огромное удовлетворение от уверенной победы молодого киевского спринтера. Но мы не знали тогда, что Борзов лишь заложил фундамент победных двухсот очков, что его успех смогут подхватить и Евгений Аржанов, вырвавший на последних шагах восьмисотметровой дистанции победу у нашего гостя, чехословацкого спортсмена Йозефа Плахи, выступавшего вне конкурса, и у американца Марка Уинценрида, а потом Михаил Желобовский, выигравший в беге на 1 500 метров у Джерри Вен Дайка.

Все мы с большим интересом ждали выступления наших стайеров. Смогут ли они развить успех своих товарищей? Они смогли, но, увы, не все. Очень огорчает бег на 10 000 метров, в котором молодой американский бегун Фрэнк Шортер почти на целый круг обошел Леонида Микитенко, уступившего на финише и второе место Кену Муру. Правда, на другой длинной дистанции — 5 000 метров Рашид Шарафетдинов замечательно провел бег. Вопреки своему обыкновению держаться за спинами соперников он еще за полторы тысячи метров до финиша смело вышел вперед и намного оторвался от американца Стива Префонтейна. Время Шарафетдинова — 13 минут 41,8 секунды — достаточно высоко. Хорошо выступили и наши бегуны на 3 000 метров с препятствиями. Владимир Дудин закончил бег в обнимку с гостем из Болгарии, чемпионом Европы Михаилом Желевым, а третье место занял молодой советский спортсмен Ромуальдас Битте.

Усилия советских легкоатлетов-мужчин, которые успешно выступили не только в беге, но и в метаниях и в прыжках, поддержали женщины. Они добились победы в беге на 400 и 1 500 метров, в эстафете 4 × 100 метров, а также заняли первые места в толкании ядра, метании копья и диска. Как всегда, на высоте была Антонина Лазарева: 180 сантиметров — таков был ее лучший прыжок в высоту. Ну, а завершили матч десятиборцы. Двухдневная борьба закончилась полнейшим успехом советских спортсменов. Николай Авилов, Владимир Щербатых, а также член второй команды СССР Владимир Орманов заняли все места на пьедестале почета.

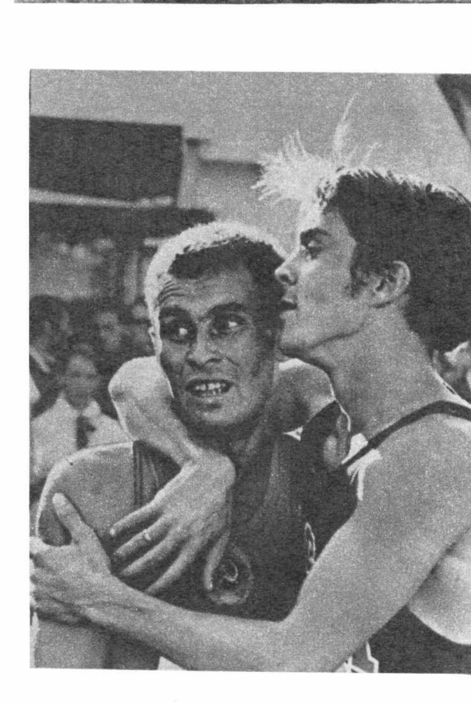
Да, команда СССР одержала в Ленинграде большую победу, но думается, что ни у спортсменов, ни у их тренеров не закружится голова от успехов. Нельзя забывать о том, что команда США пополнилась целым рядом молодых атлетов, только сейчас проходящих боевую обкатку. Да к тому же в нашей команде еще многим спортсменам предстоит доказать, что они способны не на одно и не на два предельных усилия. А новые старты не за горами: в начале августа советские спортсмены снова выйдут на старт, на сей раз в полуфинальных соревнованиях на Кубок Европы, а в конце августа они снова встретятся с сильнейшими легкоатлетами континента в решающей борьбе за этот Кубок. Будем же внимательно следить за их новыми выступлениями.

Е. Аржанов — победитель на дистанции 800 метров.

На пьедестале почета советские спортсменки. На верхней ступеньке — Н. Чижова с позолоченным ядром, на котором выгравирована цифра «22 метра». Этот рубеж ленинградцы, подарившие мировой рекордсменке ядро, пожелали ей преодолеть на XX Олимпийских играх.

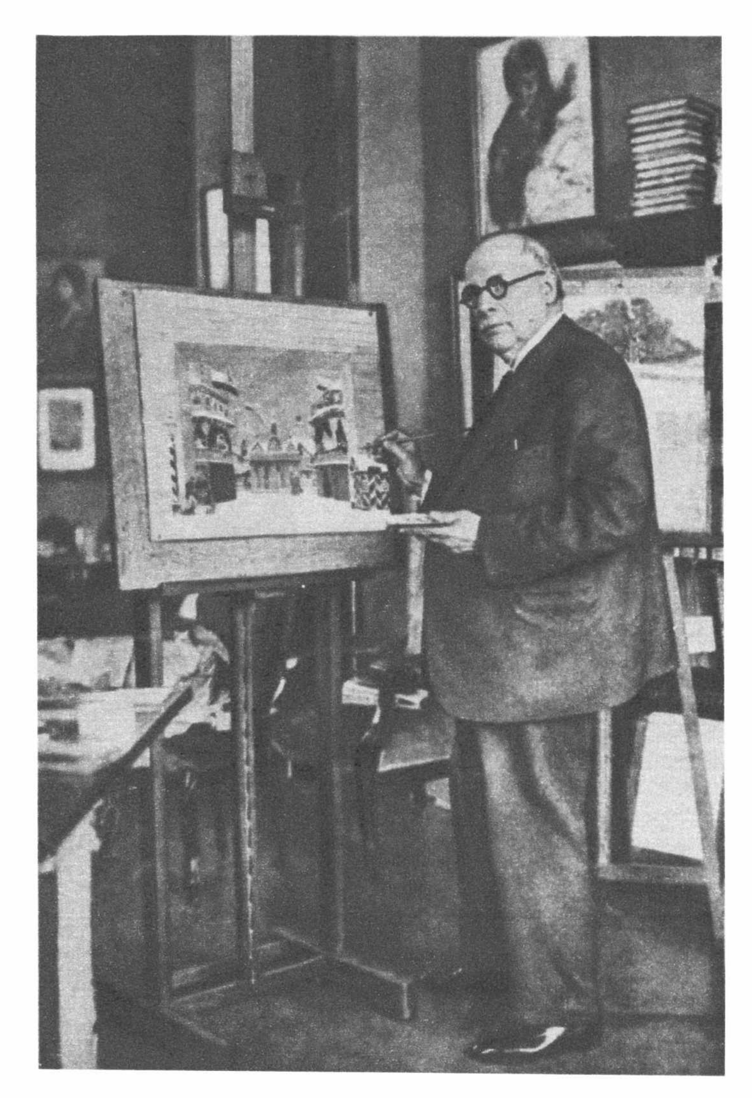
Р. Шарафетдинов принимает поздравления американского бегуна С. Префонтейна.

На матче был учрежден приз для самой элегантной спортсменки. Журналисты присудили его Людмиле Жарковой.

Победитель бега на 10 000 метров американский спортсмен Ф. Шортер.

Александр Бенуа

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

I

Каждый выдающийся создатель культурных ценностей — явление уникальное. Но многогранность творческих дарований Александра Николаевича Бенуа была явлением поистине редким. Так, ему принадлежат превосходные произведения исторической живописи; его иллюстрации к Пушкину — лучшее из созданного по сей день в этой области; великолепны пейзажи Бенуа. Что же касается расцвета русской театрально-декорационной живописи в начале 1900-х годов, то начало ему положил все тот же неутомимый Бенуа. Одновременно Александр Николаевич плодотворно выступал в различных литературных и исследовательских жанрах, был первоклассным мемуаристом. Ко всему этому следует добавить, что многочисленные письма Бенуа являются высокими образцами эпистолярного стиля.

И все эти великолепные дарования воплотились в одном человеке!

Наконец, благодаря неутомимой деятельности и инициативе Бенуа были претворены в жизнь начинания, ознаменовавшие новый этап в русском художестве. В первую очередь я имею в виду организацию содружества «Мир искусства».

По слову его соратников, Бенуа был сердцем «Мира искусства». И как характерно, что С. П. Дягилев, ближайший сподвижник Александра Николаевича по созданию и сплочению этого творческого объединения, уже в 1902 году писал:

«...влияние Бенуа на жизнь современного русского искусства несравненно больше, чем кажется на первый взгляд. И если... поверить в то, что будущее русского искусства группируется на выставках так называемых «Мира искусства» и тем составляет нечто сплоченное и значительное, то в этой сплоченности и убежденной стойкости названной группы художников Бенуа играл первенствующую роль».

Далее Дягилев, называя его «вечным искателем», утверждал:

«Я должен совершенно откровенно сознаться, что не будь влияния Бенуа на всю ту среду, из которой появились Сомов, Лансере, Бакст, Браз, Малявин и даже Серов,— не будь, повторяю я, этого влияния, все эти художники никогда не сплотились бы и брели бы каждый своей дорогой. Этот образованный и чуткий человек всегда обладал кроме того одним драгоценным качеством: страстью к «педагогической» деятельности. Он, будучи еще совсем молодым человеком, невольно и беспрерывно «воспитывал» в своих верных собеседниках ту настоящую любовь к искусству, которой он непрестанно живет и до сих пор. Мы все бесконечно обязаны ему нашими, хотя, быть может, и относительными знаниями и нашей абсолютной верой в дело».

С великой теплотой относился к Александру Бенуа А. М. Горький, которому была ясна его выдающаяся роль в становлении нового, весьма плодотворного периода в развитии художественной культуры страны. Горький называл Александра Николаевича основоположником и создателем целого течения, возродившего наше изобразительное искусство. Отзываясь так высоко о содружестве мастеров «Мира искусства», Горький, в частности, имел в виду тот огромный вклад, который они внесли в отечественную графику, подняв на небывалую высоту культуру книжной иллюстрации.

В такой же степени самым положительным образом неоднократно оценивал А. В. Луначарский содеянное Александром Бенуа на различных поприщах художественной культуры родной страны. Эти высокие оценки относятся и к первым послереволюционным годам.

А недавно удалось обнаружить любопытнейший документ.

По поручению В. И. Ленина 8 марта 1921 года управляющий делами Совета Народных Комиссаров Н. П. Горбунов обратился к наркому просвещения А. В. Луначарскому с письмом, в котором просил прислать характеристики наиболее видных ученых, деятелей литературы и искусства. На следующий день Анатолий Васильевич отправил пространный ответ, в котором содержалось пятнадцать характеристик. В той, что относилась к Бенуа, Луначарский писал:

«Академик Александр Бенуа — тончайший эстет, замечательный художник и очаровательнейший человек. Приветствовал Октябрьский переворот еще до Октября».

Луначарский, несомненно, имел в виду статью Бенуа «Аналогии», напечатанную 30 апреля (13 мая) 1917 года в газете «Новая жизнь». Статья появилась в дни ожесточенной кампании, направленной против В. И. Ленина. Самым положительным образом расценивая выступления Ленина и ленинцев за радикальное переустройство общественной жизни, и прежде всего за установление мира, Бенуа в этой статье, обращаясь к «испугавшимся Ленина буржуа», писал: «Ну, кое-что придется уступить, ну, кое-что придется устроить иначе, ну, кое в чем нам станет менее удобно и во всяком случае менее привычно. Но, во-первых, жизнь в целом от этого не только не станет хуже, а станет лучше. А затем разве уже так трудно кое с чем расстаться, раз вам вместе с этим обещают такое предельное счастье, такой абсолют счастья, как возобновление чисто человеческих отношений между людьми вообще, раз кончится это царство пошлости, крови и лжи, каким является война, раз можно будет снова думать о дальнейших этапах на пути к общему благу вселенной? Разве это не важнее ваших маленьких привычек?»

Характеристика, которую Анатолий Васильевич дал Бенуа, завершается такими строками:

«Я познакомился с ним у Горького, и мы очень сошлись. После Октябрьского переворота я бывал у него на дому, он с величайшим интересом следил за первыми шагами нового режима. Он был одним из первых крупных интеллигентов, сразу пошедших к нам на службу и работу... Вообще, человек драгоценнейший, которого нужно всячески беречь...»

По адресу Бенуа было немало обвинений в его будто бы рьяной, неистовой приверженности формуле «искусство для искусства».

А. Бенуа. 1870—1960. «МЕДНЫЙ ВСАДНИК» А. С. ПУШКИНА. Иллюстрация. 1905.

А. Бенуа. ВЕНЕЦИАНСКИЙ САД. 1910.

ВОДНЫЙ ПАРТЕР В ВЕРСАЛЕ. 1905.

Но еще в начале нашего века Бенуа в многочисленных статьях решительно выступал против тех, кто эту формулу проповедовал. Так, в 1909 году он утверждал: «Тезис: искусство для искусства — это большое преступление». В 1915 году Бенуа провозглашал в печати: «Нет ничего вреднее для искусства, как проведение во всех его выводах внежизненной теории искусства для искусства». В 1917 году, говоря о творческом гении русского народа, он писал о грядущем расцвете искусства «Его Величества Народа, правление которого, можно думать, будет бесконечно более мудрым, нежели правление монархов». И далее повторял: «Искусство не для искусства, а искусство действительно для народа».

II

Шедевром русской школы графики является репродуцируемый в настоящем номере непосредственно с оригинала фронтиспис, исполненный Александром Бенуа для отдельного издания «Медного Всадника», вышедшего в 1923 году с его иллюстрациями.

Бенуа с юношеских лет и до конца своей долгой жизни обожал Пушкина. А во всем творческом наследии поэта именно «Медный Всадник» был для него самым пленительным и самым волнующим созданием. Приступил же художник к исполнению цикла иллюстраций к «петербургской повести» в начале века, еще не имея, по существу, опыта в подобного рода занятиях. А сколь труден был такой замысел, можно заключить по одному тому, что никто из художников до Бенуа, как и после него, не отважился иллюстрировать «Медного Всадника».

В работе над иллюстрациями к «Медному Всаднику» Бенуа пошел по наиболее трудному пути, как бы обогнав то время, почти ничем примечательным в этой области, кроме рисунков М. А. Врубеля к Лермонтову, не ознаменовавшееся. И как характерно, что Кружок любителей русских изящных изданий (куда входили именитые столичные библиофилы), заказавший Бенуа иллюстрации к поэме Пушкина, забраковал их. А когда С. П. Дягилев напечатал эти иллюстрации в первом номере журнала «Мир искусства» за 1904 год, то нашлись художественные критики, весьма известные, встретившие их в штыки! Но соратники Бенуа, и прежде всего В. А. Серов, в полной мере оценили высокое творческое проникновение Александра Николаевича в замысел «петербургской повести» Пушкина. Более того, им было понятно, что эти иллюстрации ознаменовали качественно, принципиально новый этап в истории русского графического искусства.

Но, как истинный мастер, Бенуа не успокоился на достигнутом и продолжал совершенствовать то, что завершил в 1903 году. Иногда наново, а порой варьируя ранее созданное, он выполняет в 1905 и 1916 годах еще два цикла иллюстраций к «Медному Всаднику». Наиболее блистательным, а потому наиболее прославленным из этих листов и был тот, который здесь воспроизводится. На нем изображен Медный Всадник, в трепетном свете мглистой лунной ночи настигающий Евгения. Ужас, выраженный в маленькой фигурке, величие неумолимо вздымающегося над ней мощного силуэта, пустынная площадь позади — незабываемы. И как созвучна эта иллюстрация пронизывающим до глубокого волнения чеканным строкам Пушкина:

...И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

Рассматривая этот лист, как и все лучшие иллюстрации Бенуа к «Медному Всаднику», познаешь справедливость слов И. Э. Грабаря, утверждавшего, что, увидев их, «не можешь уже представить себе и пушкинских образов иначе», а также высказывания К. С. Петрова-Водкина о том, что «Медный Всадник» и «Пиковая дама» в иллюстрации Бенуа до ощупи дают Петербург Пушкина».

Экземпляр выпущенного в 1923 году издания «Медного Всадника» с иллюстрациями Бенуа имеется в личной библиотеке В. И. Ленина, находящейся рядом с его кабинетом в Кремле.

Прошло две трети века со времени создания Александром Бенуа первого цикла иллюстраций к «Медному Всаднику». Но это творение художника до сих пор венчает лучшие достижения в области иллюстрирования классических созданий отечественной литературы.

* * *

Значительное место в творчестве Бенуа занимают произведения, посвященные прошлому Версаля, а также пейзажи этого неувядаемой прелести ансамбля, всемирно прославленного памятника эпохи, созданного в XVII веке гениальными выходцами из народа,— архитекторами и скульпторами, строителями и садоводами. И хотя подавляющая часть этих работ Бенуа достойна самой высокой оценки, трудно себе представить, в каких только грехах не обвиняли художника за одно лишь обращение к этим темам, каким только нападкам он не подвергался за версальские циклы, в которых без малейших оснований хотели видеть прямой отзвук общественно-политических взглядов мастера, зачисляя его в апологеты эпохи абсолютизма.

Вот один из таких отзывов искусствоведа А. Усса, появившийся в нашей печати в 1931 году: «В своем творчестве Бенуа старается подчеркнуть блеск, былую славу и величие королей... На протяжении всей своей сорокалетней художественной деятельности Бенуа бредит прошлым Петергофа и Версаля и их обитателями». Далее в статье можно прочесть, что «вытекает» (!) такое заключение о воззрениях Бенуа «из его мистического обожания дворянской старины, из желания удержать навеки счастливые мгновения прошедшей дворянской жизни».

Но ведь в 1917 году Бенуа в статье «О памятниках» писал: «Когда я хожу по Версалю, у меня среди всяких чувств, которые наполняют мое сердце, одно определяется особенно ярко. Это чувство какого-то умиления перед всеобъемлемостью, перед мудрой терпимостью и незлобивостью народного гения. Ведь Версаль был более, чем что-либо, обречен на гибель в качестве искупительной жертвы за все грехи старого режима. Вот памятник исполинского размаха, который действительно более создан для того, чтобы он каждой своей линией, каждой затеей, любой статуей, малейшей вазой напоминал о божественности монархической власти, о величии короля-солнца, о незыблемости устоев. А между тем сейчас тот же памятник говорит как раз о чем-то обратном — о божественности искусства, созданного людьми из народа, он низводит „Луи Каторза" в разряд актера, играющего роль в стильно-аллегорическом празднике, он убеждает в том, что устои рухнули».

Именно актерами и выглядят персонажи цикла картин Бенуа «Прогулки короля», в которых дряхлый Людовик XIV и его раболепные придворные показаны сквозь ироническую призму. Где же тут доказательство утверждений, что Бенуа «старается подчеркнуть блеск, былую славу и величие королей», доказательство «влюбленности вождей «Мира искусства» в давние эпохи Версаля»?!

Что же касается произведений Бенуа, в которых были запечатлены достопримечательности Версаля, то сам художник так объяснил свое отношение к ним: «...много было смешного и безобразного и тогда», то есть в годы, когда создавался ансамбль... «Но,— напоминает он,— все же вторая половина XVII века во Франции не только время взбитых париков, лент, галунов и кружев, надушенных маркиз и жеманных прелестников, жутких ханжей и жестоких вояк, но это время Мольера, Расина, Буало, Лабрюйера, Ларошфуко, Боссюэ, Фенелона, Лафонтена». И далее Бенуа подчеркивает: «Версаль — не ода королевской власти, а поэма жизни, поэма влюбленного в природу человечества, властвующего над этой самой природой. Это монументальный гимн мужественной силе, вдохновляющей женской прелести, объединенным человеческим усилиям для общих целей». Завершает Бенуа свою мысль словами: «Человечеству все доступно: и создание проникающей в его жизнь красоты, и владение матерью-землей как своей вотчиной».

* * *

Блистательно искусство Бенуа-декоратора. Но есть и другие стороны его многогранного театрального творчества: то, что он был вдохновителем многих выдающихся спектаклей; то, что он участвовал в качестве талантливого режиссера в постановках Мариинского театра, МХАТа, Большого драматического театра и других первоклассных театров; то, что создавал интереснейшие либретто для получивших затем всемирное признание балетов...

С юных лет и до последнего дня жизни театр был для Бенуа любимейшей стихией. И. Э. Грабарь имел все основания называть его «самый театральный человек». За труд декоратора Бенуа принялся в 1901 году. Но первую мировую славу принесли ему декорации и костюмы к балету Н. Н. Черепнина «Павильон Армиды», поставленному в Мариинском театре в 1907 году. Именно этим спектаклем открылись в Париже в 1909 году русские балетные сезоны, организованные С. П. Дягилевым и явившиеся началом всемирной славы нашего балета.

Подлинным фурором ознаменовался в России и за рубежом сочиненный Александром Бенуа балет «Петрушка», музыку для которого написал Игорь Стравинский, а постановку на сцене Мариинского театра осуществил М. М. Фокин.

«В сезоне 1911 года,— вспоминал А. Я. Головин,— в нашем театре произвел настоящую сенсацию балет Александра Николаевича Бенуа «Петрушка» — талантливая попытка создать подлинно русский, вполне национальный — как по духу, так и по формам — балет».

Большим успехом также пользовалась постановка балета Адана «Жизель» с декорациями и костюмами, исполненными по эскизам Александра Николаевича. В июне 1958 года в дни гастролей в Москве балетной труппы национального театра Франции «Гранд-Опера» газета «Правда» писала о спектакле «Жизель»: «В последней постановке нашел отражение огромный творческий опыт многих поколений русских исполнителей. Так «русская» «Жизель» в декорациях и костюмах художника Александра Бенуа пришла на французскую сцену».

А когда в сентябре 1964 года у нас гастролировал миланский театр «Ла Скала», народный артист СССР И. С. Козловский писал в «Правде» об опере Доницетти «Лючия ди Ламмермур», показанной этим театром: «Очень выразительно немного стилизованное оформление спектакля, помогающее творить на сцене, создал Александр Бенуа, становление творчества которого проходило в нашем Мариинском театре. На сцене есть все и ничего лишнего. Отличное ощущение эпохи, цвета, света».

Здесь не место перечислять множество других творческих достижений А. Н. Бенуа в области театра. Но об одном этапе его деятельности нельзя не сказать. Мы имеем в виду работу Бенуа в Московском Художественном театре. Еще в 1909 году К. С. Станиславский мечтал привлечь его к работе во МХАТе. Но лишь через два с лишним года Бенуа вошел в состав творческого коллектива театра, став заведующим художественной частью и одним из директоров МХАТа.

Бенуа участвовал здесь в создании трех спектаклей: «Мольеровский спектакль» («Брак поневоле» и «Мнимый больной»); «Хозяйка гостиницы» Гольдони; «Пушкинский спектакль» («Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и «Пир во время чумы»). Причем он был не только декоратором, но и принимал участие в режиссерской работе.

27 марта 1913 года состоялась премьера «Пушкинского спектакля», о которой в книге «Моя жизнь в искусстве» К. С. Станиславский писал: «Размеры книги не позволяют мне пропеть дифирамбы таланту А. Н. Бенуа, создавшему изумительные, величавые декорации и превосходные стильные костюмы для этой постановки».

Когда спустя десять лет собирались возобновить в том же театре «Хозяйку гостиницы» и было предложено упростить сделанную Бенуа постановку и оформление, Станиславский возражал: «Трактирщица» — это экзамен на европейский репертуар. Она имеет смысл только в том виде, как была поставлена у нас... Упрощать законченный до последней степени эскиз знатока Бенуа, где все прочувствовано до гениальности, равносильно тому, что вычеркнуть всю прелесть постановки. А без нее не стоит ставить самой пьесы. Случилось то, чего я больше всего боялся: халтурные вариации, совершенно недопустимые».

Кроме двух декораций Бенуа к «Пушкинскому спектаклю», здесь репродуцируется и эскиз его декорации к «Венецианскому купцу», исполненный в 1920 году для Большого драматического театра. Роль Шейлока в этом спектакле играл Н. Ф. Монахов. Вот что он писал в 1922 году в качестве художественного руководителя театра в своем докладе о первых трех сезонах его работы:

«Во второй половине этого [1919 года] сезона в нашу семью вошел знаменитый Александр Бенуа. Александр Николаевич, чуткий художник и знаток театрального искусства, захотел поближе познакомиться с работниками Большого драматического театра, и результатом этого знакомства явилась постановка «Царевича Алексея»... А. Бенуа был и художником и режиссером этой постановки. Режиссура такого высококультурного мастера была для всех работников театра высшим классом академии театрального ремесла. А так как работоспособность театра и его горение показались Бенуа достаточными данными для продолжения нашего академического совершенствования, то он остался с нами и поныне. Имя его в составе коллектива — наша гордость и радость».

Александр Бенуа, принадлежащий, по отзыву А. В. Луначарского, к тем мастерам, кто произвел «настоящую революцию» в области театрально-декорационного искусства, до конца своей жизни трудился на этом поприще, прочно удерживая в течение огромного периода — шестьдесят лет! — славу одного из лучших художников театра и оказывая большое влияние на декораторов всего мира.

III

Самые добрые отношения связывали Бенуа и Валентина Серова с первых месяцев их знакомства в 1896 году. Вскоре они перешли на «ты». И хотя Серов был живописцем сугубо самостоятельным и человеком предельно независимых вкусов, он (этому способствовало и то, что в 1903 году исполнялось двухсотлетие Петербурга) под прямым воздействием Бенуа, работавшим над иллюстрациями к «Медному Всаднику», приобщился к изучению эпохи Петра I. Осенью 1901 года Серов пишет жене, что встречался с Бенуа: «...Толковали об затее издать историю Петра Великого с нашими иллюстрациями... А хорошую бы книгу можно было изготовить... Решено действовать». И в дальнейших письмах Серов снова говорит о желании «заняться Петром Великим», найти время, чтобы «думать больше о Петре».

Точные данные имеются и о том, что Серов сопровождал Бенуа в экскурсиях по загородным дворцам, вместе они осматривали петровские сокровища в Эрмитаже, где Александр Николаевич открыл маску Петра. От нее и пришла к Серову мысль написать Петра в Монплезире. Вместе с Бенуа Валентин Александрович зачитывался «Записками Берхгольца».

Факт воздействия творчества Бенуа на исторические композиции Серова подчеркнул И. Э. Грабарь, говоря в начале 1908 года о его картине «Петр I — основатель Петербурга»: «Обычная черно-серая серовская гамма красок здесь доведена до редкого благородства и красоты. Решительный синий тон воды, нарядно перебивающий общую гамму, и некоторые особенности гуашного приема заставляют вспомнить живопись Бенуа. На выставке я слышал вскользь брошенное замечание очень тонкого ценителя, что Серов на этот раз «не без Бенуа»...

С. П. Яремич с полным основанием писал: «Не только как художественный критик, но и как художник-созидатель Бенуа открывает новые горизонты и новые возможности. Воздействие его творчества на наиболее чуткую часть артистической среды нашего времени не подлежит сомнению. Бакст, Добужинский, братья Лансере, Лукомский, Остроумова-Лебедева, Сомов — в развитии своих творческих способностей многим обязаны Бенуа. Даже такой сильный и независимый мастер, как Серов, вошедший в круг друзей Бенуа уже во всеоружии технических средств, не избег этого влияния».

Сам Серов, заявляя в 1903 году в газете «Русское слово», что художественная критика в России находится в упадке, называл только одного Бенуа как «несомненно серьезного критика». А в 1910 году в своем восторженном отклике на спектакли русского балета, показанные С. П. Дягилевым в Париже, Валентин Александрович в открытом письме в газете «Речь» причислял Бенуа к числу «лучших наших художников».

Для первых занятий Л. С. Бакста театрально-декорационной живописью, для его творческих поисков в этой области также решающее значение имели исполненные Александром Бенуа весной 1901 года эскизы костюмов для балета Делиба «Сильвия». Когда рассматриваешь их, как бы ощущаешь путь, не в малой степени проложенный Александром Николаевичем своему другу Баксту на столь прославившем его в дальнейшем поприще художника театра.

Целые страницы посвятил М. В. Добужинский в своих мемуарах Александру Николаевичу: «Сам он был истинным «кладезем» знаний, и общение с ним, умнейшим и очаровательным собеседником, было настоящим моим «художественным университетом». Добужинский вспоминает о том, как он, будучи студентом, восхитился на первой выставке «Мира искусства» небольшим «романтическим» рисунком Бенуа: «...этот рисунок был одним из «толчков» для меня еще в ту пору. Я невольно стал подражать Бенуа, подражание это было естественным, хотя и со своими отклонениями. Бенуа в то время готовил рисунки в своей «Азбуке», я видел эти рисунки еще «на корню» и был в восторге от их милого уюта и фантазии».

Выдающийся советский живописец, монументалист и иллюстратор Е. Е. Лансере говорил: «...решающее влияние на меня, мальчика, потом юношу, наконец уже профессионала-художника имел... младший брат матери, всего на пять лет старше меня — тогда Шура, а потом известный художник и художественный деятель Александр Бенуа».

Превосходный советский график А. П. Остроумова-Лебедева в своих мемуарах так вспоминает о посещении музеев, дворцов и памятников старины в обществе Бенуа: «Бесценно было то, что он знакомил меня с искусством во всех его проявлениях и с жизнью громадного культурного центра. И делал это с большим энтузиазмом... Жизнь бьет в нем ключом. Влияние Александра Николаевича на меня было громадно. Это особенно было для меня ощутительно потому, что совпадало со временем моих исканий, сомнений, когда художник из ученика должен стать художником творцом, знающим, что ему **надо** делать и **как** делать...»

Можно привести и многие другие свидетельства современников Бенуа о том, что даже одно общение с Александром Николаевичем оплодотворяло творческие поиски художников разных поколений, о том, с какой беспредельной щедростью дарил он им свое драгоценное время, свои замыслы, идеи, проекты... Вот что вспоминает К. С. Петров-Водкин:

«Однажды сидя вдвоем с Бенуа возле его полного делового беспорядка письменного стола и рассматривая вместе одну из бесчисленных папок с его рисунками, я не удержался: «Александр Николаевич, ну и что вы всерьез, по-настоящему не занимаетесь живописью. Ведь у вас же такие богатые искровые начала». Бенуа ответил: «Моя судьба делать проекты, и пусть другие осуществляют эти проекты». Он сказал это спокойно, вдумчиво, но на дне его голоса я уловил грусть, сожаление как бы, что чему-то не вполне достоверному отдал он талант своей жизни». Видимо, сожаление в голосе Бенуа, с великой готовностью приходившего на помощь коллегам, звучало потому, что некоторые из них платили ему черной неблагодарностью.

В том, что влияние взглядов Бенуа на искусство было весьма значительным, немалую роль сыграла его литературная деятельность, которая уже с молодых лет приобрела огромный диапазон. Особое же значение имели статьи Бенуа, которые он писал с удивительным воодушевлением, всеми силами стремясь популяризировать лучшие достижения отечественного и зарубежного искусства, одновременно бичуя самым решительным образом бездушные и лишенные здравого смысла упражнения мнимых новаторов. Эти статьи систематически появлялись с 1905 года в периодической печати, а с 1908 года они публиковались под общим заголовком «Художественные письма». Н. К. Рерих так оценивал их значение: «Бенуа — редкий знаток искусства, увлекательный историк искусства, воспитавший целые поколения молодежи своими увлекательными художественными письмами».

Работу над «Художественными письмами» Бенуа продолжал и живя с 1926 года в Париже. На протяжении 30-х годов он напечатал свыше двухсот пятидесяти статей, посвященных и русским живописцам, и зарубежным мастерам, и самым разнообразным выставкам произведений искусств в богатой событиями художественной жизни Парижа. Значительную часть этих статей мы с А. Н. Савиновым включили в подготовленное нами и выпущенное в 1968 году издание «Александр Бенуа размышляет»...

Завершить статью хочется словами Н. К. Рериха: «Бенуа — незаменимый деятель культуры в ее широком понимании; гуманизм, этот цемент всех человеческих взаимоотношений, запечатлен во всей жизни Бенуа».

Виктор **ПОДКОПАЕВ**

Верю солнцу

* * *

Я гляжу
сквозь тусклое оконце.
Во дворе мне видится одно:
дождь висит,
как будто кем-то
ткется
серое, сырое полотно.
Все цветы поблеклы и унылы...
Я ворчу,
подобно старику.
И выводят жидкие чернила
вялую и тощую строку.
На бумаге —
всхлипы и томленья.
Здесь еще сырее и серей...
И тогда я рву сии творенья
и бегу на улицу скорей.
...Теплый дождик
весело лопочет.
В глянце улиц город отражен.
Клейкий сок
проклюнувшихся почек
пахнет терпко, остро и свежо.
Беспокойны,
говорливы,
прытки
молодые пары вешних птах.
Озорные светятся улыбки
в захмелевших девичьих глазах.
Заводские парни в восхищенье
встряхивают мокрые чубы.
Мчат машины.
Кажется: в движенье
даже вечно стылые столбы.
И от этой,
сердцу милой
встряски,
деловой и шумной суеты,
словно в сказке,
оживают краски
и светлеют чувства и мечты.
Пусть дождит!
Но скоро
брызнет солнце
в голубой весенней высоте...
Я не верю
тусклому оконцу —
верю солнцу,
людям,
красоте!

* * *

Одиноко стою
на вершине кургана.
Спит земля,
в предрассветной
томясь тишине.
И белесые хлопья
седого тумана,
как мохнатые птицы,
слетают ко мне.
Я люблю это время
весенних рассветов,
молодую зарю
над родной стороной.
Оживает природа
в предчувствии лета.
И светлеет душа
после бури ночной.

Край наш тополиный

Даль степей сквозная,
гор простор орлиный —
сторона родная,
край наш тополиный!

Ты красив и весел,
ты богат, как в сказке,
край хлебов и песен —
край наш Краснодарский!

...Вечер степь голубит
ласковой прохладой.
Значит, тем, кто любит,
повстречаться надо.

Лунный свет потопом
захлестнет влюбленных.
Позовет их тополь
в тень ветвей зеленых.

Шепчет тихо ветер
древние былины...
Ой, вы, степи, степи —
край наш тополиный!

Стихи о сыне

Не по кино,
не по книжкам
я знаю,
как войны идут...
Но снова я вижу
слепящие вспышки,
но снова я слышу
зловещий гуд...
А у меня —
мальчишка:
Алешкой его зовут.
Он весь —
как заряд нетерпенья.
Он весь
настороженный слух.
Он весь
обостренное зренье.
С восторгом и удивленьем
глядит он
на мир вокруг.
Живет он
по-птичьи беспечно.
Он только что
начал свой век,
наш маленький
человечек —
будущий человек.
Пройдет он
по тропам неторным.
К вершинам поднимется трудным.
Я верю:
он вырастет добрым.
Я верю:
он вырастет мудрым.
Я верю...
Но этого мало!
Великая воля нужна!
Нельзя, чтобы ядерным шквалом
была вся земля сожжена!
И я
перед сыном
в ответе
за все,
что он видит вокруг!
За то,
чтоб не молк на планете
веселых сердец перестук!..
За это готов я
стать грудью —
всей силой,
всей жизнью своей!
И вы
мне поможете,
люди,
во имя
своих сыновей!

Краснодар.

БУДНИ КРЫЛАТЫХ

Может быть, само название этого романа — «Небом крещенные» — говорит о судьбе людей, которые, однажды почувствовав крылья, посвятили летному делу лучшие годы жизни. Речь в книге о военных летчиках, о простых, не ахти как знаменитых тружениках нашей боевой авиации. Как раз на них, на тех, кто постоянно в летном строю, держится боеготовность советских ВВС. Это они служат в частях и подразделениях на Севере, на Дальнем Востоке, в таких далеких и неуютных уголках, о которых не все даже представление имеют. Их рабочие дни проходят в борьбе с трудностями и опасностями, им часто сопутствует подвиг, о чем сами они не говорят и не думают.

В подзаголовке помечено: роман в трех повестях. Они связаны органически сюжетом, судьбами героев, событиями, эти три повествования — о юности, становлении и боевой зрелости крылатых воинов. В повести первой — «Школа ускоренного типа» — читатель знакомится с курсантами Валькой Булгаковым и Вадимом Зосимовым. Сразу же видно, что по характеру ребята эти совсем не похожи друг на друга, но как здорово сочетаются впоследствии их качества, когда они летной парой идут дорогами службы и жизни! Этакое воздушное братство, кстати, очень типичное для летчиков-истребителей, которые, как известно, в небе всегда держатся парами. Напористый, волевой, смелый Булгаков, умный, мечтательный и тоже смелый Зосимов... Они дружили и спорили, их отношения порой обострялись, доходили до разрыва, и вместе с тем летчики эти дополняли друг друга. Без скромного работяги Зосимова не было бы командира соединения Булгакова.

Уверенно, хотя порой и скупо, очерчены в романе образы командиров-летчиков Богданова, Дубровского, Горячеватого и других. Обаятельна девушка-лейтенант Варвара Пересветова. Однако другие женские образы раскрыты слабее.

От страниц романа веет романтикой летной службы, они дают зримое представление о современной нашей авиации. Виктор Трихманенко, сам бывший летчик-истребитель, конечно же, хорошо знает авиацию, любит ее людей, чувствует пульс крылатой жизни. Это помогло ему написать правдивую книгу. Иногда знание материала даже мешало автору: в некоторых главах он излишне увлекся описанием техники полета, чисто профессиональных конфликтов. Такие места несколько утомляют, их можно было опустить, и текст от этого, как говорится, только бы выиграл.

Люди в гермошлемах и высотных костюмах имеют дело с весьма сложной и грозной техникой. Это современные рыцари неба, обладающие высокими морально-боевыми качествами. И все же это обыкновенные люди, которым свойственны и недостатки и слабости человеческие. Автор не скрывал этого, не «ретушировал» отрицательные черты личности. Например, положительный герой, командир соединения полковник Булгаков, тоже не без «грешков». Проявляются в нем подчас болезненное самолюбие, горячность, жесткость натуры. Зато видишь настоящего, а не выдуманного человека. То же можно сказать об инструкторе-летчике Горячеватом, который бывал и несправедливым по отношению к своим курсантам, о добром, с некоторыми странностями строевике Чипиленко, о малокультурном и сердитом старшине эскадрильи.

Перелистываешь последнюю страницу романа с чувством, будто бы побывал в далекой и долгой командировке, многое повидал собственными глазами, встретился с людьми, которые стали и твоими друзьями.

Г. СЕМЕНИХИН

Виктор Трихманенко. Небом крещенные. Издательство «Молодая гвардия», 1969.

МИНСК

ПОСТАВЩИКИ ИЗ «РАССВЕТА»

Покупатели — а круг их в основном постоянный — знают: в этот магазин привозят только свежее, только хорошее. Поставщик за несколько лет сумел доказать, что дорожит честью фирмы. Поставщик — совхоз «Рассвет». А его магазин расположился в новом квартале Ленинского проспекта Минска. Директор магазина Г. И. Отрышко представляет фирму:

— Торгуем бойко. Консервированные щавель, огурцы, помидоры, грибы — маринованные и соленые — идут, что называется, прямо с колес, сколько поступит, столько продадим. Да и молоко, сметана не нуждаются в рекламе. Покупателей вполне устраивает такой магазин, нас — торговцев — тоже.

...«Рассвет» — совхоз пригородный. Есть в этом свои преимущества. Удобно, что недалеко везти продукцию, проще поддерживать связи с торгами, трестами, базами... Однако случаются и диспропорции в сбыте: сегодня капусту только давай, а завтра не берут и половину того, что взяли вчера. Вот и решили: самое верное и выгодное — заняться переработкой своей продукции.

Консервный цех совхоза выглядит совсем по-городскому: работницы в халатах, внушительные аппараты, цветы. Примерно 20 процентов собранных в совхозе овощей отправляется в цех. Себестоимость его продукции ниже, чем на консервных заводах других ведомств. Сырье — под боком, расходы на транспортировку минимальные да и по качеству оно отменное — нет необходимости по нескольку раз грузить — перегружать, перевешивать, сортировать, «затаривать». Удобно и с рабочей силой: в начале лета, когда закончится горячая пора в теплицах, люди оттуда переходят в консервный цех.

Есть в совхозе и молочный цех. У него все в будущем, хотя уже и сейчас он пропускает через свои агрегаты 20 тонн молока в сутки.

Растет совхозная индустрия. Строят фруктохранилище, квасильный и засолочный пункты, увеличиваются мощности цехов, расширяется ассортимент. Разве городские школы откажутся от диетического молока, в которое войдут мед, яичный желток, сахар, витамины?! Или сладкий творог в вафельных стаканчиках... Фруктовые пюре.

Поставщики из «Рассвета» — люди инициативные.

А. ЩЕРБАКОВ

На снимке: Старший продавец Екатерина Ильинична Купревич принимает совхозную капусту.

Фото А. Мызникова.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

КЛАЙПЕДА

ДВА УВЛЕЧЕНИЯ ПЕТРУТЕ ИОНУТИТЕ

Необычную выставку я увидел на Клайпедском опытном консервном заводе. В одной из комнат заводоуправления на полках, стендах и столах — всевозможные модели машин и станков. Токарный автомат, штамповочный пресс, воздушный компрессор, прялка... Сначала кажется, что все изделия сработаны из металла. Однако при ближайшем рассмотрении, или, скорее, ощупывании, убеждаешься, что единственный материал, которым пользовался создатель всех этих вещей,— дерево. Иллюзию металла создает искусная окраска.

Модели маленькие, 25—30 кубических сантиметров каждая. Но масштабы соблюдены с поразительной точностью. Некоторые из миниатюрных моделей действуют. Например, прялка.

Знакомимся с автором этих работ—слесарем-наладчиком Петруте Ионутите. Модели всевозможных машин, приборов, разных механизмов — ее давнее увлечение. Еще в детстве Петруте сама мастерила для себя и сверстников различные игрушки. На Клайпедский опытный консервный завод П. Ионутите пришла, не имея специальности. Вначале она была разнорабочей. Затем выучилась на слесаря-наладчика, приобрела шестой разряд.

Есть и еще одно увлечение у моей знакомой. Петруте Ионутите коллекционирует открытки. И с их помощью чуть ли не каждый вечер, не выходя из своей квартиры, совершает увлекательные путешествия. В ее альбомах собраны виды многих городов страны и всего мира.

В. ВЕНИАМИНОВ

Фото А. Бочинина.

РСФСР

АВТОМОБИЛИ НА ПЛАТФОРМАХ

...Сейчас они в пути, шоферы Москвы и Подмосковья. Хозяева столичных улиц со своими автомашинами отправились на помощь хлеборобам. А в то утро водители автобазы № 4 «Мосстройтранса» собрались к урочному часу на платформе Краснопресненского железнодорожного узла. Оркестра не было — там и тут звучали клаксоны! Многих из этих крепких, веселых людей страда позвала в дорогу не в первый раз. Парторг колонны механик А. М. Кондратьев знакомит с энтузиастами дальних рейсов.

— Ну, прежде всех назову отличного водителя Кулагина, он, правда, едет с нами в первый раз, но день у товарища вдвойне знаменательный — юбилей! Пятьдесят лет, а тоже не захотел остаться в стороне. А вот Аверкин, Кобзев, Качан едут в десятый раз.

Среди обязательств трудовых коллективов Москвы, начавших соревнование в честь XXIV партийного съезда, есть и новые обязательства автохозяйств «Главмосавтотранса». Московские водители увеличат в нынешнем году сверхплановые перевозки грузов с 2 до 3 миллионов тонн. Они готовы с максимальной продуктивностью поработать на уборке урожая, обеспечить перевозки зерна без потерь. «В честь съезда» — таков девиз инициаторов соревнования!

Смычка — старое, доброе слово, рожденное революцией. Смычка! В. И. Ленин завещал свято беречь и крепить союз рабочих и крестьян. Июльский Пленум ЦК КПСС напомнил, что дальнейшее развитие сельского хозяйства — дело всей страны! В эти дни рабочие Москвы, Ленинграда, Свердловска и других городов берут предсъездовские обязательства об оказании всесторонней помощи деревне. Около 10 тысяч автомашин направляют на вывозку зерна Москва и предприятия столичной области. А Российская Федерация в помощь колхозным механизаторам шлет более 120 тысяч автомашин. Каждая оборудована для перевозки зерна, на каждой два водителя. Трижды в сутки, точно по графику, составленному специальным штабом, от Рижской и Краснопресненской платформ отходят эшелоны на восток и юг страны. Зеленые огни светофоров встречают их: «Уборочные!..»

Н. БЫКОВ

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

МОСКВА

200 МИЛЛИОНОВ ПЛЮС МИЛЛИАРД...

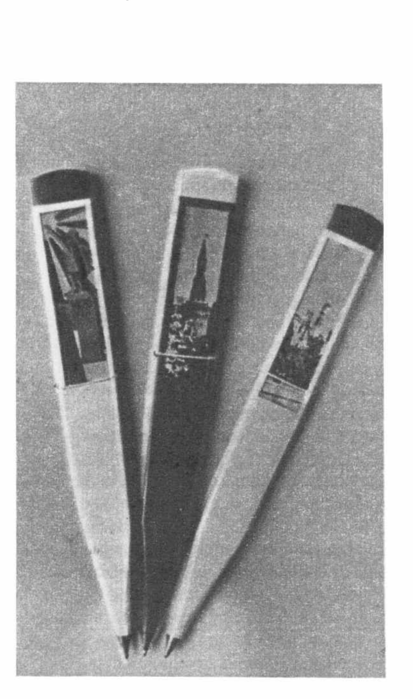
«Шарику» повезло: он попал в умелые руки работников предприятий Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР. Если несколько лет назад в стране в год выпускалось всего 10—12 миллионов простеньких шариковых ручек, то уже в нынешнем году промышленность посылает в магазины почти 200 миллионов сноровистых «шариков» в разном оформлении и почти миллиард запасных ампул к ним.

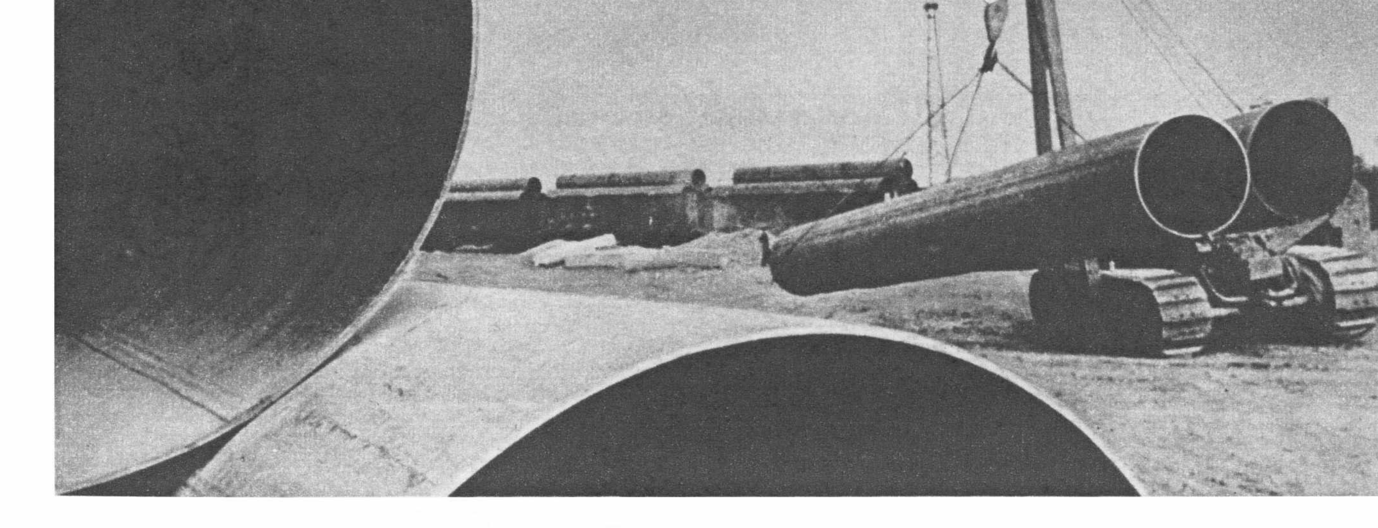
Десятки новых моделей авторучек представлены на смотре, подготовленном Главоргтехникой. Это небольшая ярмарка, где торговые организации выступают в роли покупателя и заказчика. За короткий срок появилось много приятных новинок: ярославские авторучки с большеобъемной ампулой; грозненские подарочные наборы; неплохие перья ленинградского завода «Союз»; изделия недавно созданного, но уже хорошо зарекомендовавшего себя Московского завода пишущих принадлежностей имени Сакко и Ванцетти; небольшие письменные приборы с ящичками для канцелярской мелочи; ручки-указки, удобные для лектора и педагога; наконец-то после долгого забвения обратили внимание и на перьевую ручку; появилось и стило для космонавтов — этой авторучкой, паста в которую «упакована» под давлением в несколько атмосфер, можно писать в безвоздушном пространстве и, говорят, даже под водой.

Но нельзя не отметить, что некоторые наши предприятия все еще продолжают выпускать и ручки-уроды, которые критиковались в «Огоньке» (№ 16 за 1968 год). Тут и тбилисские ручки-бутылочки, и сделанные в Одессе аляповатые имитации под гусиное перо, и ручки, которыми при всем желании ничего не напишешь. Надо надеяться, что подобные изделия будут сняты с производства.

К. БАРЫКИН

Фото М. Савина.

Трасса нового водопровода.

Фото К. Кузменко.

БАКУ

КУРА ТОРОПИТСЯ НА АПШЕРОН

Необычное сооружение выросло в нескольких метрах от обрывистого берега Куры. Это смонтированный на барже плавучий водозабор — начальная точка Куринского магистрального водопровода, равного которому по протяженности пока еще нет в стране. Отсюда мощные насосы пошлют на Апшерон питьевую воду. Зажатая в стальную оболочку двух параллельных нитей водопровода, одна из которых почти полностью готова и уложена в грунт, вода проделает 135-километровый путь.

По всей трассе идут строительные работы. Ложатся в землю последние плети труб. Впервые в отечественной практике на сооружении Куринского водопровода применяются стальные трубы диаметром 1 220 миллиметров, выпускаемые Челябинским и Харцызским заводами. Благодаря такому большому сечению в столицу Азербайджана ежесуточно будет подаваться 340 тысяч кубометров питьевой воды. Ее получат десятки городов и поселков республики. Три насосные станции под напором в 15 атмосфер станут посылать воду.

Осенью, в дни празднования 50-летия Советского Азербайджана, воды укрощенной Куры зажурчат в кранах бакинских квартир.

Г. ПОГОСОВ

ПЕРМЬ

«ЭХ, ПРОКАЧУ!»

Взять напрокат пылесос, телевизор или пишущую машинку — дело обычное. А вот получить на прокатном пункте, скажем, настоящего орловского рысака — это нечто совсем другое. Тут уж слово «прокат» выступает в своем истинном значении. Прокат с ветерком, любым аллюром и с любой скоростью. И водительских прав не требуется; дайте крепче шенкеля, слегка наклонитесь вперед и — скачите...

...Итак, ипподром в Перми. Группа новичков направляется на конюшню. Ведет их старший тренер Аркадий Михайлович Шитов. Ребятам все интересно: и как подойти к лошади и как уздечку надеть и из денника вывести. Аркадий Михайлович рассказывает о лошадях с любовью, интересно, обстоятельно. Потом все направляются на дорожки ипподрома. Начинается первый урок.

— Садиться на лошадь и слезать нужно только с левой стороны. Берете поводья левой рукой, а в правую — путлище, которое слегка дергаете вниз.

Тренеру помогает девятиклассница Света Муравьева, ветеран верховой езды.

Со стороны за ребятами наблюдает директор ипподрома Юрий Николаевич Тяпкин. Энтузиаст этого спорта, он-то и создал в Перми прокатный пункт, название у которого веселое, ильф-и-петровское: «Эх, прокачу!» И стар и млад приходят сюда, чтобы взять лошадь и покататься.

— Юрий Николаевич,— спрашиваю я,— есть ли для посетителей прокатного пункта, кроме спортивной стороны, какой-то практический смысл в обучении верховой езде?

— Обязательно. Вот, например, к нам регулярно приходит группа юннатов. Им предстоит длительный поход по Алтаю, где ребята будут пробираться по горным тропам на вьючных лошадях. Или, скажем, геологи, топографы, ученые в дальних экспедициях, где только на коне и проедешь,— им без навыка верховой езды туго придется.

— Как будет развиваться конный прокат на вашем ипподроме? — спросил я Юрия Николаевича.

— В ближайшее время выделим еще сорок — пятьдесят лошадей. Создаем отделение троек. Молодожены зимой уже пользовались их услугами. Такие свадьбы были веселые!

М. ЦЕБОЕВ

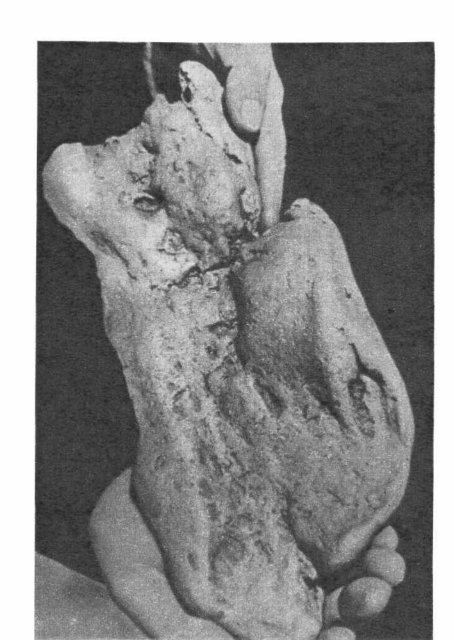

В первый раз на коне...

Фото автора.

ЧУКОТКА

ВОТ ТАК ВЕЛИКАН!

Недаром Чукотку иногда называют краем золотых камней. На это есть все основания. Ну вот хотя бы такой случай. Весной нынешнего года, обрабатывая лаву шахты 41 на втором участке Билибинского горно-обогатительного комбината, забойщик Дмитрий Евстафьевич Иорданиди поднял золотой самородок весом 7 639 граммов. Это самый крупный самородок, добытый с начала золотодобычи в Чукотском национальном округе.

«Юбилейный» — так назвали горняки ценную находку.

А. СКАЛАЦКИЙ

Магаданская область,
поселок Билибино.

Фото автора.

Лично ответственны

Юр. ЗУБКОВ

Зачем эта женщина привела сюда, к памятнику Неизвестному солдату, чужеземного гостя?.. Отдать дань уважения воинам, погибшим в боях с фашистскими захватчиками за освобождение родного города?.. Прикоснуться памятью к тому времени, когда этот человек и она вместе находились в немецком плену, создав там антифашистское подполье?..

Да, ею движут многие побуждения. Но прежде всего она здесь ради самого этого человека, ради будущей его судьбы.

Расстояние в четверть века отделяет их сегодня друг от друга — Катерину, работницу Дарницкого текстильного комбината, депутата райсовета, и мэра небольшого итальянского города Антонио Террачини. Это — большое расстояние! Но **память сердца** (а именно так назвал А. Корнейчук пьесу, поставленную в Москве на сцене вахтанговского театра Евгением Симоновым) жива. И это память не только о юности и счастье, но и об общем солдатском долге, который сегодня, в дни мира, ничуть не меньше, чем в годы боев.

Вспомним сцену первой встречи гостя из Италии в доме у Катерины. Чинно сидят за столом Катерина, ее мать Галина Романовна, их друзья — Кирилл Сергеевич, старый эстрадный актер, и капитан дальнего плавания Максим Максимович. Ведут с Террачини неторопливую беседу, не для «протокола», а в силу гостеприимства, занимая гостя. Но, разумеется, и в силу любознательности они расспрашивают Антонио Террачини о его жизни, о работе, об образе мыслей... И не насмешку, а скорее лишь легкую иронию, а еще больше грусть вызывают у собравшихся слова Террачини, что приходится ему в работе своей качаться «там-там» — то влево, то вправо... Слишком большую власть забрали в его стране заокеанские пришельцы... Впрочем, каждый реагирует по-своему, и если ирония все же сквозит в вопросе Максима Максимовича: а вы куда больше — вправо или влево? — то совсем не иронию ощущаем мы в настроении Катерины, а глубокую тревогу. Тревогу за человека, любовь к которому она пронесла сквозь долгие годы разлуки. Тревогу за человека, от которого родила, а потом одна вырастила сына Антона...

Позднее, у памятника Неизвестному солдату, Антонио Террачини прямо спросит Катерину: почему же она не поехала с ним четверть века назад в Италию? И услышит в ответ слова, произнесенные звенящим, чуть надтреснутым от волнения голосом: «Когда гнездо разорено хищниками... Разве можно...». Не могла Катерина оставить в трудный час свою Родину... И мы поймем, что недаром избрали земляки Катерину своим депутатом: в высокой мере присуще ей чувство ответственности за родную землю, за людей, за их счастье.

Такую же ответственность чувствует сейчас Катерина и за судьбу Антонио. Потому-то и привела его к месту боевой солдатской славы, как к символу человеческой совести...

С необычайным проникновением играет эту роль Лариса Пашкова. Ее Катерина словно туго, до отказа натянутая струна. Вся она внутренний порыв. Актриса создает характер одновременно хрупкий и прочный, нежный и мужественный. Характер, в котором господствует начало волевое, энергическое, рожденное высокой внутренней убежденностью героини.

И что еще примечательно: не очень красивая, уже немолодая, Катерина обладает совершенно особым даром воздействия на людей. Соприкасаясь с ней, они не то чтобы испытывают потребность походить или равняться на нее, она становится для них, для их поведения, поступков, мыслей, чувств как бы неким нравственным камертоном. Видимо, происходит это благодаря естественной, негромкой, но глубокой внутренней самоотверженности, которая стала у Л. Пашковой сердцевиной характера героини. Той самоотверженности, какая поднимала Катерину на подвиги в дни войны да и сегодня является содержанием ее жизни, отданной людям... Герой Ю. Яковлева — Антонио Террачини тоже становится рядом с Катериной сильнее, мужественнее. Вернувшись домой, он «качаться» в мыслях и настроениях, наверно, уже не станет.

Широкий смысл вложен писателем в слова ПАМЯТЬ СЕРДЦА. Смысл, разгаданный театром и переданный в живых, конкретных человеческих характерах... Клоунская маска, кажется, навсегда приросла к герою Н. Гриценко: целым каскадом всевозможнейших эксцентрических трюков ошеломляет он зрителей на протяжении всего спектакля. Но когда в финале приходит известие о смерти партнера его молодости—Паташона, Кирилл Сергеевич, бывший Пат, появляется в комнате Катерины в клоунском костюме. Представление, которое он теперь разыгрывает, словно лебединая трагическая песнь... Песнь человека, артиста, всю жизнь стремившегося нести людям смех, добро, радость... Это представление — тоже память сердца, щедрого и отзывчивого.

Рвется наружу сквозь грубоватую шутку морская душа героя А. Абрикосова: море — его призвание, форма его служения людям. И недаром же, вновь призванный на флот, он выполняет свой первый рейс в далекий Вьетнам. Это рейс помощи героическому сражающемуся народу...

Сдержан, весь погружен в свою думу герой В. Шалевича — Антон, сын Катерины и Антонио: родная страна посылает его на стройку в Индию, а здесь, в Киеве, остается Рая, его любимая. Поймет ли Рая, которая ждет ребенка (играет Раю В. Малявина), что Антон не может не поехать, так же как его мать не могла в дни войны отойти в сторону, уступить другому право идти навстречу опасности...

Именно это чувство, эта мысль сообщают всем героям пьесы А. Корнейчука и спектакля вахтанговцев значительность, как бы поднимая их над драматизмом обыденных житейских ситуаций...

«Мы с тобой солдаты. Всю жизнь солдаты...» — говорит Катерина Антонио. И это роднит ее с героями других пьес и спектаклей, определивших лицо минувшего, юбилейного, сезона. С ученым Барминым из пьесы «Человек и глобус» В. Лаврентьева. С партийным работником Марией Одинцовой из пьесы «Мария» А. Салынского. С потомственными рабочими Забродиными и Скворцом из «Ленинградского проспекта» И. Штока. Каждый из них лично ответствен перед народом, перед временем...

Главная мысль спектакля Малого театра «Человек и глобус», поставленного молодыми режиссерами В. Бейлисом, и В. Ивановым, — высота ответственности ученого за судьбу планеты.

На наших глазах проходит Бармин сложный психологический путь. Ученому поручено создать атомную бомбу, которая обеспечит безопасность нашей страны и всего лагеря социализма. Однако советский человек, воспитанный в духе гуманизма и миролюбия, не может не сознавать, что создает оружие массового истребления.

В. Самойлов — Добротин, С. Мизери — Мария в спектакле Театра имени Маяковского «Мария».

Фото М. Чернова.

Не может не тревожить его мысль о том, что открытие способно нести человечеству и счастье и горе... Ибо где гарантия того, что в силу каких-либо случайностей атом не попадет в руки врагов мира и прогресса. Эти раздумья, этот глубокий внутренний процесс составляют главное содержание сценического образа, созданного Е. Самойловым. В нем пленяют темперамент, пламенность мысли, ее высокая активность, свойственные прототипу образа, коим являлся известный советский ученый И. В. Курчатов.

Огромны проблемы, которыми живет народный комиссар Гришанков, направляющий научную работу коллектива, возглавляемого Барминым. Эти-то проблемы, важные для всего государства и даже для всей планеты, захватывают лю-

дей, сидящих в зрительном зале... Крупная личность, ее ясность, глубина мысли, понятной всем и ко всем в равной степени обращенной, отличают образ, воплощаемый П. Константиновым. Не просто принять Бармину на свои плечи тяжесть атома — тяжесть ответственности перед социалистическим государством, перед человечеством, но именно Гришанков убеждает Бармина в исторической необходимости этого шага.

Гришанков П. Константинова спокоен, не назойлив, не прибегает к «волевым» жестам. Его разговор с Барминым носит характер доверительный, почти интимный. А то, что стоит **за словами**, играет не меньшую роль, чем сами слова. Чувство же юмора, которым артист щедро наделяет своего героя, лишь усиливает его близость каждому зрителю.

То, что делает Бармин, решая сложнейшую научную задачу, то, на что нацеливает его Гришанков, руководствующийся важнейшими общегосударственными задачами, выражает мысль народа, сознание ся, что мы поддадимся. Должно и у нас что-то найтись...» И тогда нечеловеческое напряжение сил Бармина кажется ему легче рядом с бескрайним океаном народной жизни, рядом с испытаниями, сознательно взятыми на себя народом во имя завтрашнего дня планеты.

Кажется, совсем с других, полярных позиций написана А. Салынским «Мария». В самом деле, вроде бы Марии Одинцовой, молодому секретарю райкома партии, даже и не понять ни Бармина, ни Гришанкова с их идеей исторической, государственной необходимости. Кажется, что эта идея гораздо ближе начальнику строительства крупной сибирской гидроэлектростанции Добротину.

При желании Марию можно обвинить даже в местничестве: интересы строительства предусматривают затопление небольшого районного городка, а она никак не хочет с этим согласиться — здесь, мол, наши отцы и деды жили!.. И тем не менее в споре с Добротиным Мария права... Она права и в озностью проблемы, вставшей перед ним, и забыл о человеке, о нормах и принципах социалистической нравственности. И, вероятно, более точно, чем в некоторых других театрах, поступают и А. Гончаров, постановщик пьесы на сцене Театра имени Вл. Маяковского, и исполнитель роли Добротина В. Самойлов, когда выявляют в этом образе не только отрицательные черты, но и его большую человеческую значительность, а главное, способность увидеть правоту Марии, решимость работать с ней плечом к плечу.

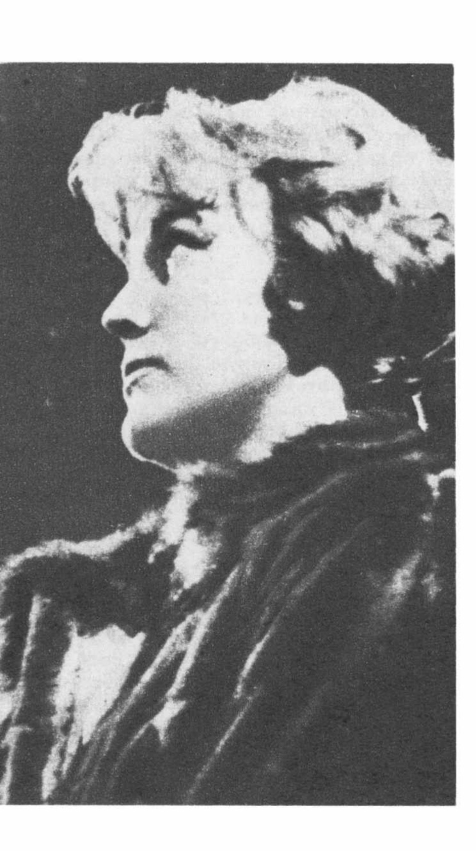
Добротин В. Самойлова обаятелен, умен, талантлив, он способен понять и собственные заблуждения и принять лично на себя ответственность за все происшедшее. Ответственность прежде всего за то, что Мария, стремясь сохранить мраморную скалу, едва не погибла в запретной взрывной зоне...

Тема личной ответственности в спектакле А. Гончарова, пожалуй, наиболее убедительно раскрыта именно в образе, созданном спект» вновь обрели жизнь на сцене Театра имени Моссовета.

Навсегда останется этот спектакль (постановка И. Анисимовой-Вульф) в памяти тех, кто раньше видел его с Забродиным — Н. Мордвиновым. Но и то, что делает сегодня Г. Жженов, интересно и убедительно. Актер выявляет в образе Забродина черты, сближающие его со Скворцом,— неугомонность, ершистость, задиристость...

Не чудаки ли, однако, они, Забродин и Скворец (сыгранный А. Баранцевым)? Возможно. Но только из тех беспокойных чудаков, которые перестраивают жизнь, пренебрегая своим покоем и благополучием, борясь за торжество правды и справедливости.

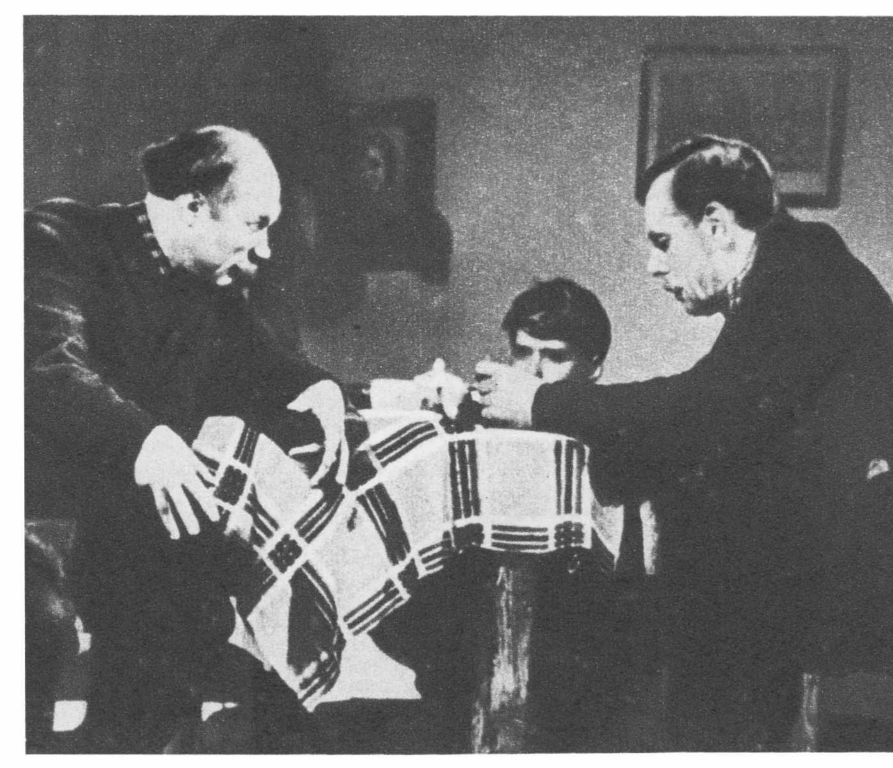
Внешне обаятельного проходимца Семена Семеновича (артист В. Отиско) не обвинишь в преднамеренном убийстве Клавдии Петровны: она умерла от болезни. Но в женщине этой — особенно такой, как играет ее В. Сошальская,— великая глубина, отзывчивость сердца, боль за других. И видишь, что

«Память сердца» в постановке вахтанговцев. Л. Пашкова — Катерина, Ю. Яковлев — Антонио.

Театр имени Моссовета. «Ленинградский проспект». В роли Забродина артист Г. Жженов, Скворца — А. Баранцев.

Фото В. Петрусовой.

народа. Сцена в деревне, в избе колхозницы Прасковьи Михайловны, куда случайно попадает Бармин, заехав поохотиться в эти места (кстати, важная сцена эта почему-то отсутствует во многих других постановках пьесы В. Лавреньева), имеет значение, едва ли не решающее для общего понимания идеи спектакля. В самом деле, в послевоенной деревне нет ни белого хлеба, ни сахара...

Но люди, живущие здесь и кормящие всю страну, ясно понимают смысл и историческую необходимость переносимых ими лишений. «Опять войной начинает попахивать,— говорит Бармину председатель колхоза инвалид войны Щербина (В. Губанков).— ...Америка что, капиталом задавит. Шутка ли, одной бомбой целый город может выжечь. Но не верит стремлении навязать начальнику строительства, казалось бы, совершенно несвойственные ему функции — скажем, заботу о жилье для молодоженов...

Изменились времена. И если в первые послевоенные годы лишения людей были обусловлены исторической необходимостью, то сегодня превращать их в норму повседневного человеческого бытия антинародно, антиисторично.

Представляя подлинные масштабы задач, стоящих перед Добротиным, Мария озабочена и встревожена тем, чтобы решались они на благо человека, а не в ущерб ему. Озабочена тем, чтобы гигантские свершения техники не вытесняли из человеческой жизни доброту, красоту... Но ведь и Добротин — человек не безнадежный, он лишь на время увлекся гранди В. Самойловым. Ибо, следуя стремлению режиссера отойти в образе Марии от штампов, ставших характерными при воплощении образа женщин — партийных работников, С. Мизери вместе с водой выплескивает, думается, и ребенка. Пропадают главные, определяющие черты образа, позволившие Марии возглавить районную партийную организацию. Глядя на Марию — С. Мизери, невольно вспоминаешь образ Вальки, созданный этой актрисой в спектакле «Иркутская история». А ведь характеры эти далеки друг от друга.

Рабочей совестью рождена ответственность за людей у Василия Павловича Забродина, у его жены Клавдии Петровны, у друга их семьи Скворца... Герои пьесы И. Штока «Ленинградский про именно Семен Семенович, пытавшийся замарать честь рабочей семьи, сбить с пути младшего сына Забродиных, Бориса, и жену старшего сына Нину, доводит Клавдию Петровну до могилы.

Зато как эстафету рабочей совести, эстафету ответственности за других принимает из рук Скворца его дочь, жена Бориса Маша, сыгранная Н. Пшенной,— трепетно-чистая молодая женщина.

Идейная убежденность, сила патриотизма, духовная зрелость — вот душевные качества, которые отличают Катерину, Бармина, Марию Одинцову, семью Забродиных... Знаменательно, что эти герои вышли на сценические подмостки в год юбилейного ленинского сезона. Их духовный мир сформирован действительностью, созидаемой по ленинским заветам.

Корреспонденты «Огонька» продолжают рассказ о воплощении в жизнь Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

«Таджикская Советская Социалистическая Республика... Завершить работы по орошению и освоению новых земель Яван-Обикиикской долины» — так записано в Директивах XXIII съезда КПСС.

Утоление жажды

Юрий ЛУШИН
Фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Сухой и злой ветер-афганец, кто устоит перед ним? Зеленые деревья, цветы, людей, птиц, животных, растения — все опаляет он своим губительным дыханием. Сам воздух насыщается невидимой мельчайшей пылью, сквозь которую бессильно пробиться даже солнце. Тогда в полдень наступают сумерки, и несут они не прохладу, а еще более нестерпимый зной. Когда дует афганец, листья на деревьях сворачиваются, травы желтеют, у птиц пропадают песни, а у ручьев вода. Старики таджики утверждали, что этим ветром-злодеем правит сам дьявол и победить его может только горная вода Вахша. Но Вахш далеко, аж за самым хребтом Каратау... И из года в год продолжала пересыхать в середине лета, корчиться и умирать в сухих песках солоноватая речка Яван в Яванской долине — Безводная речка в Безводной долине, и из года в год продолжала мучить жажда кишлак Парчасай, пока однажды...

Однажды в ясный полдень загремел в чистом небе гром, земля покачнулась. Землетрясение пришло, как всегда, со стороны хребта Каратау. Старый Кинжа Нуров находился в этот момент на поле, где шел сев хлопчатника — первый сев хлопчатника в истории Яванской долины. Вообще-то Кинжа был назначен на своем участке на самый ответственный пост — на должность поливальщика хлопка, что вызвало немало толков и пересудов в Парчасае. Поливать-то пока было нечем, воды, как и сотни лет назад, не было. Старики, те, что были еще старше Нурова, качали головами:

— Эй, бабай, разве ты не понимаешь, седая твоя борода, что директор совхоза просто пошутил? Скажи сам, видел ли ты в своей жизни столько воды, чтоб ею можно было поливать землю? А если ты даже не видел воды, то какой, скажи, из тебя мираб (поливальщик)?

Так они говорили, эти старые мудрецы. Сколько они себя помнили, всегда в их крае говорили о воде. «Трудный будет год — весна сухая». «Нечего пить — надо к источнику ехать» (а источник за 50 километров). «Скорее бы осень — дожди пойдут». Конечно, они сами страстно желали, чтобы на их иссушенную землю пришла, наконец, вода. О ней мечтали их деды, и прадеды, и деды прадедов... Но слишком уж невероятным и поэтому несбыточным казалось им исполнение этой мечты. Много раз слушали они объяснения инженеров из «Яванводстроя». На словах все получалось просто. Надо только сначала прорыть семикилометровый тоннель в горах, потом поднять воды Вахша плотиной, и они сами пойдут по тоннелю в долину. Знай успевай поливать. Старики слушали, недоверчиво качая головами, но каждый день шли к выходному порталу тоннеля, который находился у самого кишлака. Любопытство брало верх.

Проходка тоннеля сквозь Каратау велась с двух сторон: с той стороны — от Вахша, с этой — от Парчасая. Люди подолгу наблюдали за метростроевцами в блестящих касках, цокали языками, и лилась неспешно, как зеленый чай в пиалы, долгая беседа. С каждым днем метростроевцы уходили все глубже и глубже в гору, презирая трудности и преодолевая неожиданности: то ударит фонтан подземной воды, способный все сокрушить на своем пути, то вывалится «кусочек» породы весом в несколько сот килограммов, то еще что-нибудь произойдет. Но они все шли вперед, и с каждым днем все меньше стариков приходило гостями к выходному порталу тоннеля. Гигантская стройка втягивала их в свою орбиту, и они шли вслед за сыновьями — бетонщиками, арматурщиками, плотниками, каменщиками. Каждый вдруг понял, что может упустить момент и преображение родной земли произойдет без его участия. А этого они допустить не могли. Они с детства привыкли к труду, и их руки, корявые и потрескавшиеся, словно земля в зной, молчаливо свидетельствовали об этом.

В один из таких дней исчез Кинжа Нуров. Говорили, что он отправился через перевал к Вахшу посмотреть, как там идут дела. Строительство тоннеля в основном заканчивалось, оставались сущие мелочи. Яванская долина тоже преображалась на глазах. В безжизненной полупустыне пролегли асфальтовые дороги, ровные стрелы каналов и водоводов, готовые принять воду, разделили ее на огромные квадраты. На особенно сложных участках степи прокладывались дюкеры — стальные трубы диаметром около двух метров, а в местах подъема строились насосные. Мощные скреперы и бульдозеры день и ночь утюжили землю, готовя поля под посев. Одновременно застраивались добротными каменными домами усадьбы будущих совхозов. Человек решил разом покончить со всеми бедами на этой многострадальной земле. Человек знал, что она может давать сказочные урожаи, но только при одном условии — если ее напоить водой.

Он спешил, человек-созидатель, понимая, что все должно быть готово к приему большой воды. Понимал это и директор недавно организованного совхоза Исак Нарзуллаевич Камолов. У совхоза еще не было даже имени, просто звался он совхозом номер два, по порядку образования, вероятно. А всего их в Безводной долине стало пять, в том числе один овощеводческий. И все пять пока без воды. Но к весне начальник «Яванводстроя» Ян Валентинович Вассерблай твердо обещал дать воду, да и по плану работ выходило то же самое. План строители перевыполняли, и Камолов пошел на смелый шаг — решил засеять хлопком сразу две тысячи гектаров новых земель, засеять, не дожидаясь воды. Опыт хлопкороба и знания агронома подсказывали ему, что весенних запасов влаги для всходов должно хватить, а там... А там строители сдержат слово, не имеют права не сдержать. Директора соседних совхозов, узнав о таком решении, изумленно вскидывали брови и переспрашивали не без ехидства:

— Ты, наверное, ошибся, хотел сказать — двести гектаров?

— Приходите на уборку помогать,— хитро улыбался Камолов.

Разрабатывая такую свою стратегию, он потихоньку пригласил из Гиссара, Орджоникидзеабада и Регара опытнейших поливальщиков, и те обучали, пока теоретически, его людей. Камолову ли не знать, что урожай целиком зависит от грамотного полива, но не забывал он и о строителях. Поэтому еще зимой отправились из совхоза на сооружение Байпазинского гидроузла около 200 человек.

Вот в это время и исчез из кишлака Парчасай Кинжа Нуров. Вернулся он только через несколько месяцев и привез удивительные вести. Традиционный чай продолжался до позднего вечера, а он все рассказывал. По его словам выходило, что кишлака Байпазы на вершине горы уже не существует... То есть он еще цел, но скоро вместе с горой рухнет в Вахш и гора преградит ему путь и жители кишлака давно переселились вниз. И что для Вахша уже готово новое бетонное русло — водосброс. И что по краю неприступного ущелья люди проложили широкую дорогу, по которой

Юрий Величко — бригадир проходчиков Дангаринского тоннеля.

Русло рукотворной реки.

Наступление на пустыню продолжается.

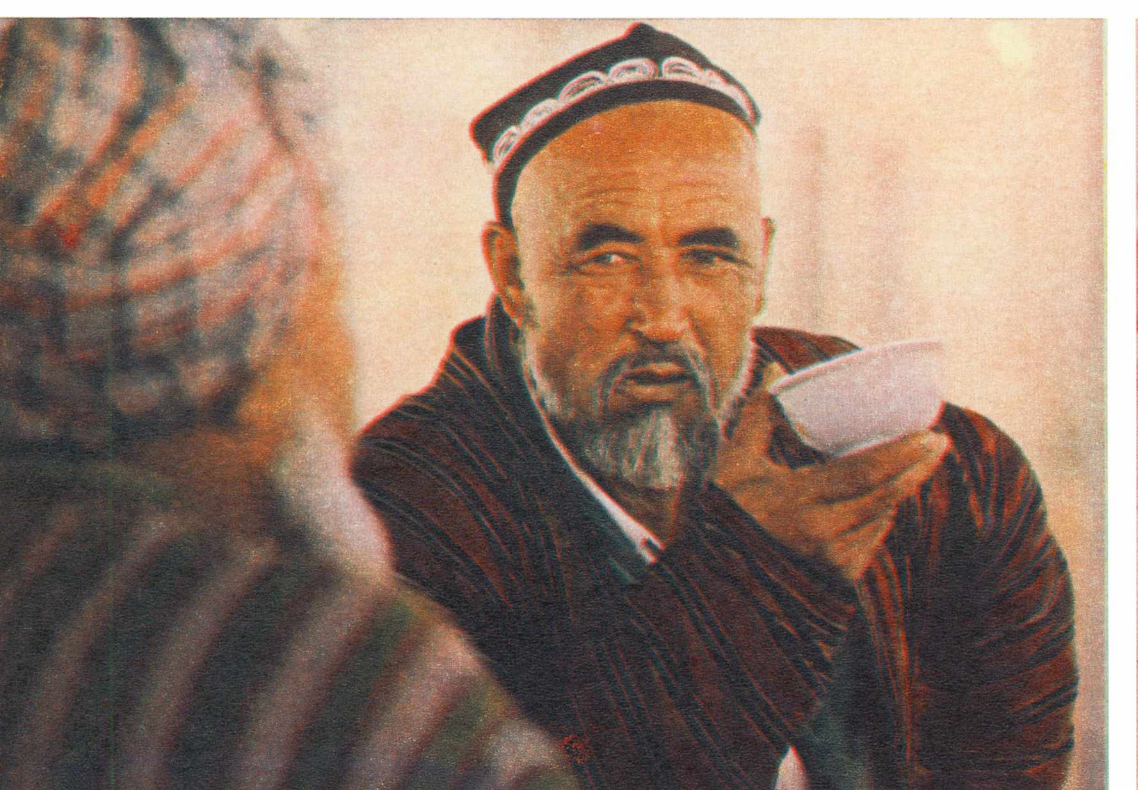
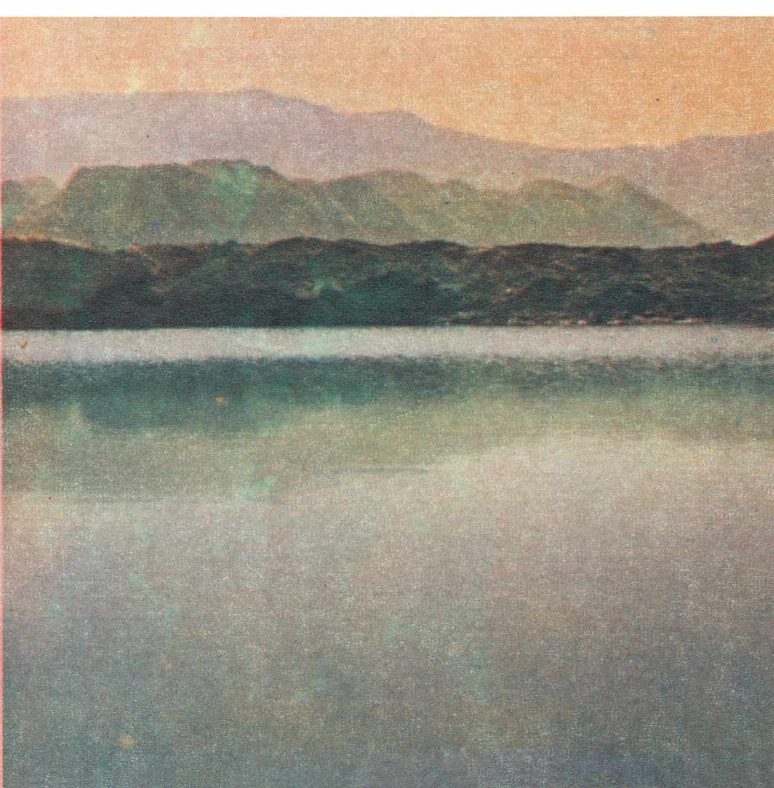
Уроженец Яванской долины шофер Хайрулло Зиёев.

Бухгалтер совхоза номер два Хайдар Одинаев:
— Поговорим о доходах...

Река Вахш.

Поливальщик хлопка Кинжа Нуров.

Культивация хлопка.

Большая вода пришла в Яван.

Завтрак на полевом стане.

Утро в Яване.

день и ночь идут машины с бетоном, и сосчитать их невозможно. И что сам он своими руками укладывал этот бетон в новое русло Вахша.

— Скоро мы увидим воду,— торжественно заключил он.— Очень скоро...

А в совхозе тем временем начался сев хлопка. Мираб Нуров тоже находился в поле, когда однажды в ясный полдень... Впрочем, у этого «однажды» есть совершенно точная дата, и самое время назвать ее. 29 марта 1968 года в 12 часов 49 минут сейсмостанции Душанбе зарегистрировали землетрясение силой в три балла. О нем знали заранее и готовились к нему несколько лет. Это было необычное, рукотворное землетрясение, которое произошло по воле людей в результате гигантского (это не красное словцо) взрыва в 100 километрах от Душанбе, в Байпазинском ущелье на Вахше. Здесь, в эпицентре, его сила измерялась девятью баллами. Огромное облако пыли и дыма закрыло створ гидроузла, а когда рассеялось, все увидели: скалы на правом берегу Вахша, на которой лепился кишлак Байпазы, больше не существовало. Все ее полтора миллиона кубометров аккуратно и, я бы сказал, элегантно легли в заранее рассчитанное место поперек реки, образовав глухую плотину. Мировая практика не знала и не знает до сей поры столь смелого и точного осуществления инженерного замысла гидротехников. Начальник участка Давид Адамович Кох рассказывал, что оставленный ими до взрыва в какой-нибудь сотне метров от будущей плотины вагончик они нашли в целости и сохранности, даже стакан с водой все так же стоял на крышке ведра, только пылью припорошился. Надо ли говорить, что ни одно гидротехническое и иное сооружение на гидроузле не пострадало...

Теперь до пуска воды оставались буквально считанные дни. Плотина укротила дикий бег Вахша, и он на глазах поднимал свой уровень, неуклонно приближаясь к черному зеву тоннеля. На другой стороне хребта Каратау ожидание и нетерпение достигли предела. Сев хлопка завершился, всходы получились отменными, и поливальщики нервничали, томясь от вынужденного безделья. Снова к выходному порталу тоннеля началось паломничество. Приезжали, заслышав о великом событии, из дальних кишлаков, раскидывали свои таборы тут же неподалеку, ждали. В ночь на 18 мая весь Парчасай двинулся к тоннелю. Никто не знал точного часа пуска воды, но никто не хотел его пропустить. Поэтому пришли все, достав свои лучшие, праздничные одежды и заняв заблаговременно лучшие места на склоне горы. Многие принесли с собой специально выращенные для этого дня цветы. Что было потом, описать невозможно. Когда вода вырвалась из тоннеля со скоростью 30 метров в секунду и начала заполнять канал, люди словно оцепенели. Они не верили своим глазам, но все происходящее не было миражем, это была вода, настоящая горная, холодная вахшская вода в их Безводной долине, в их бывшей безводной долине. В эту минуту каждый из них ощутил себя первооткрывателем этого чуда, словно каждый впервые увидел воду. Потом все, даже те люди, кому было приказано стоять на всякий случай у канала в оцеплении, бросились к воде, и черпали ее пригоршнями, и пили, и умывали лицо и руки, и плакали от счастья. Их радость в тот миг мог бы понять, наверное, только путник, заблудившийся в пустыне и вдруг вышедший к оазису.

* * *

...Нам повезло. В Яване неожиданно для июня вдруг похолодало. Термометр показывал в тени всего плюс 29, в желтой траве весело прыгали воробьи, и веером от них разлетались кузнечики. Солнце сумеречно просвечивало сквозь какую-то непонятную мглу, и едва виднелись по сторонам долины близкие горы, словно нарисованные блеклой, серой акварелью.

— Что это?— спросили мы.

— Два дня назад был афганец.— О нем говорили, как о живом существе.— Повезло вам, не застали...

Кругом расстилались ровные ряды темно-зеленого хлопчатника, и между рядами струились нежные ручейки воды, пущенные умелой рукой мирабов, и каналы щедро полнились водой, и вездесущие мальчишки с гиком обливали ею друг друга, и никого, кажется, это не удивляло, и поднимался молодой совхозный сад, и в самом центре долины, где прежде вообще никакой жизни не существовало, теперь плескались утки, а зоотехник утиной фермы сетовал:

— Маловато у нас еще птицы, десять тысяч всего. Не успели развернуться, третья ведь только весна идет...

Третий день колесим мы по долине. Хлопок растет буквально на глазах. Вчера мы осматривали поле на шестом участке, а сегодня, приехав туда же, увидели, что темно-зеленые кусты поднялись на несколько сантиметров и некоторые из них даже украсились бледно-желтыми цветами. Не так-то просто объехать земли даже одного хозяйства. Только второй совхоз засеял в этом году 3 300 гектаров хлопчатником и обязался дать государству 6 тысяч тонн белого золота, весь же район даст более 20 тысяч тонн — солидная прибавка к республиканскому урожаю.

Но это — только начало. По мере освоения земель урожаи будут расти. К тому же пробит еще один тоннель через соседний хребет Рангантау, и вода Вахша пришла на поля обширной Обикиикской долины. В год полного освоения орошаемые земли долин дадут, по расчетам, до 50 тысяч тонн тонковолокнистого хлопка-сырца— десятую часть сбора всей республики. Но и это, оказывается, не все. Несколько дней назад мы ходили по дну Нурекского моря. На дне было жарко, как в печке, и нам трудно было представить себе, что скоро тут, где мы ходим, и на несколько десятков метров выше будет плескаться вода, так же как через несколько лет невозможно будет представить, что на месте моря лежали сухие степи и безжизненные горы. Поэтому все, что окружало нас, казалось особенным, значительным и важным. Память отмечала бурный, неистовый бег Вахша, разноцветную гальку на его берегах, колючую, сухую траву, сонного суслика, синюю отфильтрованную воду для питья во временном котловане, цепь насосных, подающих эту воду наверх, новые линии электропередач, телевизионную вышку-ретранслятор в совхозе № 1, частокол антенн на крышах домов, ишачков, опоясанных наполненными водой автомобильными камерами и медленно бредущих в гору, и, наконец, вагончики строителей еще одного, только начинающегося тоннеля в Дангаринскую пустошь, а попросту в Дангару. Собственно, ради этих вагончиков мы и завернули сюда. Тоннель начинается здесь, у кишлака Джарбулак. Плакат на вагончике указывает цель: «Вперед на Оксу!» По прямой сквозь толщу гор до Оксу всего 14 километров — длина будущего тоннеля. Мы полагали, что увидим нечто необычайное, а увидели трудную будничную работу проходчиков, сделавших первые три десятка шагов в глубь горы. За три месяца — три десятка шагов, и сколько их еще впереди!.. Но эти первые шаги — самые важные. С них начинаются будущие хлопковые гектары Дангары, с них начинается еще одна рукотворная легенда древней земли...

АКТРИСА ПЕРВОЙ ВЕЛИЧИНЫ

М. ЦАРЕВ,
народный артист СССР

Одним из самых больших увлечений моей театральной молодости была 1-я студия МХТ. Я буквально пропадал там все свободное время и с восхищением, с восторгом следил за актрисой, каждая роль которой потрясала меня до глубины души какой-то удивительной, тонкой подлинностью, удивительно изящной правдой. Каждое слово, каждый жест были полны обаяния, женственности и неподдельной искренности — таким лиризмом, который, раз увиденный, оставался в памяти навсегда... Софья Владимировна Гиацинтова — это Мария в «Двенадцатой ночи» Шекспира, Нелли в «Униженных и оскорбленных» по Достоевскому, Амаранта в «Испанском священнике» Флетчера, донна Анна в «Каменном госте» Пушкина, Рашель в «Вассе Железновой» Горького... В каждой роли новая, а вместе с тем по-своему неповторимо особенная, индивидуальная, как и позднее — в ибсеновской Норе, в тургеневской Наталье Петровне. Всегда выходящая на сцену со своим глубоко личным, человеческим отношением к образам своих героинь...

В Театре имени Ленинского комсомола еще ярче, еще многограннее развернулся талант замечательной артистки; и вот уже она предстает в совершенно неожиданной роли Агнесы в пьесе Н. Погодина «Моль»: виртуозно лжет, изворачивается, вьет паутину интриг со страстью, достойной лучшего применения, мутит воду в своем узком, мещанском мирке... Этот женский образ Гиацинтова поднимает до высоты философского обобщения, бросая смелый вызов в лицо обывателю. Она была великолепна в «Моли»! Но ее истинная стихия — это живые и прекрасные люди со своими сокровенными думами, чувствами, радостями и страданиями, падениями и взлетами. Воплощением такой мечты, образом, вынашиваемым всю жизнь, явилась роль Марии Александровны Ульяновой в спектакле «Семья» В. Попова. Здесь происходит наибольшее слияние образа героини с человеческой сущностью самой артистки.

Как-то случилось так, что моя долгая актерская жизнь не свела наши судьбы для личного общения на сцене. Зато в последние годы мы близко столкнулись с С. В. Гиацинтовой, работая вместе в Совете Всероссийского театрального общества, в Центральном доме актера. И каждый раз, встречаясь с Софьей Владимировной, я снова возвращаюсь мыслью к тем далеким уже годам, когда следил, как завороженный, за каждым ее движением, ловил со сцены каждое ее слово и понимал уже тогда, что передо мной актриса поистине первой величины... Понимаю и теперь всю меру духовного богатства, которое дает общение с человеком такой доброты и отзывчивости, человеком, исполненным одной заботы: отдать людям максимум из того, что приобретено им в жизни: опыт, знания, щедрость сердца, блеск таланта... Такова Софья Владимировна на сцене со своими героинями, такова она с учениками в театре, такова с друзьями в жизни... Ибо когда человек талантлив — он талантлив во всем, талантлив даже в способности отбросить груз времени, пренебречь тяжестью прожитых лет и с неизменной смелостью стремиться по-прежнему навстречу людям.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Судьба Иззет-ханум

«Как она похожа на героиню кинофильма «Севиль»,— подумала я, знакомясь с Иззет-ханум Оруджевой, директором Института неорганической и физической химии Академии наук Азербайджанской ССР.

Я уже знала, что Иззет-ханум Мирзаага кызы Оруджева — известный ученый-химик, член-корреспондент Академии наук Азербайджана. У нее более 170 научных трудов. Недавно за свои исследования она получила высшую награду страны — орден Ленина.

Ну, конечно, подумала я, никакого отношения к кино она не имеет. Просто эта милая женщина с узлом пышных волос и продолговатыми глазами, как у ассирийских царевен, похожа на героиню старого азербайджанского фильма, и все.

Отрывки из фильма известного писателя и режиссера Джафара Джабарлы «Севиль», этой кинокартины конца двадцатых годов, я смотрела на лекции по истории кинематографии. Сначала лектор сказал о значении фильма, о таланте режиссера, о великолепной игре молодой актрисы, первой азербайджанской женщины, осмелившейся сняться в кино. В те годы это был подвиг. А потом в зале погас свет, и на экране ожили герои Джафара Джабарлы...

И вот сейчас, когда мы беседуем с Иззет-ханум Оруджевой, меня не покидает ощущение, что передо мной Севиль. Не та забитая, испуганная девушка, застенчиво прикрывающая чадрой лицо, какой была Севиль в первых эпизодах фильма, а такая, какой она стала в конце картины: полная собственного достоинства, обретенного в тяжелой борьбе, уверенная в правильности избранного пути.

Мы говорили с Иззет-ханум Оруджевой о нефти, с которой в Баку так или иначе связано почти все. Она гостеприимно показывала мне лаборатории института. Я расспрашивала об ее исследованиях, поисках, работе...

О фильме «Севиль» я так ничего и не спросила Иззет-ханум в нашу первую встречу. Но потом ее друзья и коллеги рассказали мне и об этой странице ее жизни, которую не вычеркнешь ни из истории азербайджанского кино, ни из ее собственной судьбы.

* * *

Улица Мирзаага, обычная улица старого Баку. По случайному совпадению она называется так же, как звали отца Иззет, скромного садовника. Соседи до сих пор помнят его и рассказывают, какой это был добрый, мудрый человек, любивший труд, цветы и детей.

Детей в семье было пятеро. Иззет — старшая. Дочери Мирзаага были первыми на их улице, кто снял чадру. До революции улица так и называлась — Чадровая.

Девятилетка. Политехнический институт. Жизнь складывалась не совсем так, как хотелось Иззет. Уже тогда она мечтала стать химиком-нефтяником, но, увы, женщин на этот факультет не принимали. Пришлось идти на строительный. Она мечтала с головой уйти в учебу, но надо было помогать семье. Не оставляя института, Иззет поступает работать машинисткой в учреждение, которое гремело тогда на весь Советский Союз,— в «Азнефть».

Диалектика учит: случайность — неосознанная закономерность.

Талантливый азербайджанский режиссер Джафар Джабарлы, искавший актрису на заглавную роль своего фильма «Севиль», увидел Иззет случайно. Девушка отказалась даже вести какие-либо переговоры по этому поводу, даже зайти на студию: отец никогда не разрешит.

Режиссер познакомился с семьей Иззет. Да, отец был против. И все-таки Джафару Джабарлы удалось уговорить старого Мирзаага и его молоденькую дочь прочитать сценарий. Он знал: судьба Севиль не могла не тронуть сердце азербайджанца, не могла оставить его равнодушным.

Режиссер не ошибся. Иззет пришла на пробную съемку. Не ошибся он и в выборе героини: девушка была просто рождена актрисой, умной, тонкой, глубоко драматичной, схватывающей буквально на лету мельчайшие нюансы настроения сценария. Она работала упорно, увлеченно, страстно. Лишь одно огорчало режиссера: даже в самое горячее для съемочного коллектива время Иззет Оруджева не пропустила ни одного занятия в институте. Тут эта мягкая, даже несколько робкая девушка проявляла чудовищное упрямство.

Успех «Севили» превзошел самые смелые ожидания. Тысячи азербайджанских женщин обязаны этой картине своим духовным освобождением. Где бы фильм ни шел, в клубе горного аула или в кинозале большого города, после его окончания на лавках оставались черные платки. Женщины выходили на улицу, раскрыв лица и души для новой жизни.

Но мало кто знал, какое влияние оказала эта картина на саму Иззет-ханум. Работа над фильмом явилась для нее как бы завершающим штрихом скульптора: она выявила в ее характере главное, основное, а лишнюю глину сняла.

В институте ей наконец удалось заняться химией нефти. Работа все больше увлекала. Иззет разрывалась между наукой и искусством.

Иззет-ханум стала бабушкой. Фото В. Руйковича.

То и другое требовало ее целиком, без остатка, навсегда. Да и сама она, будучи удивительно цельной натурой, не могла разорвать себя на две половинки, как бы этого ни хотела.

Ее учителя и наставники, режиссер Джафар Джабарлы и крупный ученый и инженер, изобретатель первого в мире турбобура М. А. Капелюшников понимали, что́ происходит с девушкой, какая тяжелая внутренняя борьба идет в ней, и пытались помочь советом.

— Так больше продолжаться не может, Иззет. Вы заболеете,— убеждал режиссер.— Актриса — это не только талант, но и огромный каждодневный труд. Служение искусству заберет у вас все: время, сердце, ум, мысли. Вам надо оставить химию и уйти на профессиональную сцену.

— Если хотите чего-либо достичь, то выбирайте — или кино, или наука,— говорил ученый.— Помните, чего добился охотник, погнавшийся за двумя зайцами.

Новый фильм «Алмас» укрепил славу первой азербайджанской кинозвезды. Критики прочили талантливой девушке блестящее будущее. Но сама она, читая их взволнованные и хвалебные статьи, все больше мрачнела, все больше задумывалась над своей жизнью.

Дома ей ничего не говорили, ни в чем не убеждали. Все были к ней особенно внимательны и ждали, ждали, что́ выберет Иззет. Что́ в ней победит.

Победила любовь к науке...

* * *

Каждое утро в семь часов тридцать минут утра Иззет-ханум выходила из ворот своего дома. Пешком шла до вокзала и садилась на трамвай. Трамвай медленно тянулся через Баку и его предместья в Черный город, названный так за копоть и грязь. Там находились нефтеперерабатывающие предприятия, там был и ее институт.

...После работы Иззет Оруджева спешила на другой конец Баку — преподавать в школу для взрослых. Надо было помогать растить четырех братьев и сестер. Младший братишка был на шестнадцать лет моложе Иззет. А вскоре прибавились заботы и о собственной семье: вышла замуж, родился сын Илмаз.

В школе, где преподавала Иззет, ученицы были иногда старше своей учительницы: по всему Азербайджану шла борьба с неграмотностью.

«Мы не рабы, рабы не мы»,—

по складам читали женщины. Многие считали события в кинокартине «Севиль» действительно происходившими в жизни их молодой учительницы. И уроки, которые давала Иззет Оруджева, были для них как бы продолжением открытия мира...

* *
*

Конец тридцатых годов. Химия нефти: горючее, взрывчатые вещества. Не надо объяснять, какой напряженной была работа химиков в предвоенные годы. И когда грянула Великая Отечественная война, линия фронта прошла и через бакинские лаборатории. Али Мусаевич Кулиев, руководитель кандидатской и докторской диссертаций Иззет-ханум Оруджевой, ставший потом академиком, директором института, потерял руку во время эксперимента. Работа ученых была полна риска, требовала не только труда и таланта исследователя, но и смелости бойца.

Созданием присадок бакинские химики стали заниматься сразу после войны. Что такое присадки? Это биение пульса самолетов и автомашин, тракторов и пароходов; без них сегодня замрут турбины, не смогут действовать ни трансформаторы, ни кабели высокого напряжения. Добавление этих созданных учеными веществ изменяет свойства смазки, делает ее морозоустойчивой, увеличивает срок службы двигателей.

Раньше страна получала эти вещества из-за границы, секрет их производства тщательно скрывался от Советского Союза. После войны поставка присадок в нашу страну резко сократилась. Выход был только один — научиться самим создавать необходимые вещества.

Али Мусаевич Кулиев первым начал осаду таинственной крепости. Потом к нему присоединилась Иззет-ханум Оруджева. Теории присадок не существовало. Для ученых был только один путь — эксперимент, эксперимент и еще раз эксперимент. Самый длинный путь, полный ухабов и крутых поворотов, часто заставляющий возвращаться назад, топтаться на месте. Ведь органических соединений миллионы, и исследователи почти вслепую, методом проб искали нужные.

В первый период работы слово «нет» было для исследователей так же радостно, как «да». Еще одно «нет», еще и еще... Белое пятно на карте страны, имя которому неизвестность, сокращается. Круг становится уже. И наконец счастливый день: получена первая присадка в Советском Союзе.

В 1947 году Иззет-ханум защищает кандидатскую диссертацию «Пути улучшения смазочных масел». В 1962 году — докторскую, посвященную этой же теме: «Создание энергетических масел с новыми свойствами».

Обычно на защитах диссертаций царит сдержанная атмосфера. Но когда Иззет-ханум Оруджева, защищавшая докторскую, закончила свое сообщение, зал взорвался аплодисментами. Председатель растерялся, попробовал остановить поток рукоплесканий: «Тише, так не принято».

Но его не слушали. Маститые ученые, сидящие в зале, воздавали должное смелости, целеустремленности и труду Иззет-ханум.

* *
*

Мы ходим с Иззет-ханум по лабораториям института, где она недавно стала директором. В новом здании, прохладном, пахнущем краской, все еще необжито, и поэтому немного неуютно. Институт расположился на проспекте Нариманова. Из окон видно высотное здание академии и недавно посаженный зеленый скверик. Остановка так и называется: Академгородок.

Сегодня Иззет-ханум Оруджева известна как один из интересных ученых-химиков, активная участница работ по синтезу так называемых загущенных арктических масел, необходимых для работы транспорта в Заполярье, по созданию и внедрению в промышленность более десяти присадок, давших стране экономию в сотни миллионов рублей. Среди бакинских химиков, работа которых выдвинута на соискание Государственной премии республики 1970 года, есть и ее имя. Однако круг ее научных интересов все расширяется.

Коррозия металла — враг номер один всех работающих механизмов, станков, двигателей, морских и речных судов, установок, добывающих газ и нефть. Чтобы обуздать этого коварного врага, ученые создают специальные химические вещества — ингибиторы. Синтез ингибиторов — новое направление научной работы Иззет-ханум Мирзаага кызы Оруджевой.

В лаборатории ингибиторы испытывают в самых тяжелых условиях. Чего только с ними не делают! Все то, что вызывает усиленную коррозию, выпущено на созданные вещества: уксусная кислота, соль, воздух. Исследуется коррозия в воде Каспийского моря при разной скорости течения, в автоклавах — под огромным давлением, при высоких температурах. Ученые ищут надежные методы борьбы с этим страшным злом.

В директорском кабинете стол завален бумагами, рукописями. Собираясь идти домой, Иззет-ханум складывает их в весьма увесистую папку. Одну рукопись надо отредактировать перед публикацией в научном журнале. На другую — дать отзыв. Третью — просто прочесть и посоветовать молодому химику, стоит ли дальше работать над этой темой. И еще целая пачка писем от бывших учениц школы ликбоза, которые теперь наверняка бабушки, но не забыли свою первую учительницу. Она тоже уже бабушка, хотя, глядя на нее, этому никогда не поверишь. У нее есть внуки: Эльхан и маленькая Нигян. А ее сын — геолог, кандидат наук.

Оруджева отбирает письма из-за границы. Это переписка с коллегами, приглашения на научные конференции. Ведь она участник многих научных конгрессов по химии присадок и синтезу ингибиторов. Письма из Канады — она там была как член официальной делегации; из Будапешта — ездила в научную командировку; из Берлина — делала доклад на симпозиуме, созванном немецкими химиками.

* *
*

Первая азербайджанская кинозвезда не стала профессиональной актрисой. Но свою героическую роль в кино она повторила всей своей жизнью...

Б. СОПЕЛЬНЯК

...ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие заслуги в строительстве Московского метрополитена имени В. И. Ленина, за трудовое мужество и героизм, беззаветное служение делу рабочего класса и социалистическому Отечеству Николаю Алексеевичу Феноменову присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

В советской печати уже рассказывалось о подвиге Н. А. Феноменова. Недавно у Николая Алексеевича побывал корреспондент «Огонька».

Мы сидели за столом, и Николай Алексеевич перебирал кипу поздравительных телеграмм. Не забыли своего почетного пионера ребята из 663-й школы. Хорошие, теплые слова написали министр транспортного строительства, сотрудники Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов...

— А вот эта телеграмма, от старого моего друга, попала, можно сказать, в яблочко,— улыбнулся Николай Алексеевич.—Кроме здоровья и долгих лет жизни, он желает мне веселых толстых внуков. Два внука уже есть. А вчера родился третий. В соответствии с пожеланием, веселый и толстый... Назвали, конечно, Николаем,— с гордостью заключил дед.

Я всматривался в добрые, внимательные, чуть усталые глаза Николая Алексеевича. Человек прожил без малого шестьдесят, был одним из первых метростроевцев, воевал, защищал Москву, а потом снова воевал, только теперь уже с самим собой. Двадцать восемь лет ежедневных побед и поражений! Для большинства людей забить гвоздь, написать письмо или застегнуть пуговицу — пустяк! А для Николая Алексеевича Феноменова — еще одна победа. И рассказ его обо всех этих годах можно спрессовать всего в четыре слова. Но только для этого надо в корне переделать знакомую всем пословицу: «Жизнь прожить — поле перейти». Да. С поля-то все и началось.

Сырое, слякотное утро 28 марта 1942 года могло быть последним в жизни Николая Феноменова.

— Мина разорвалась перед самым лицом,— вспоминает он.— Успел прикрыться прикладом автомата... Пришел в себя, оказалось, что оторваны кисти обеих рук. Один глаз выбит, а другой только и может, что отличить день от ночи...

Война для солдата закончилась. Впереди госпитали и бесчисленные операции. Академик В. П. Филатов вернул зрение, другие врачи раздвоили культи рук, и Николай Алексеевич научился брать ложку, карандаш, расческу... По ночам солдат снова и снова переходил то роковое поле. А днем бесконечные тренировки — тренировки мышц, тренировки воли. Теперь вся будущая жизнь казалась минным полем, и надо было его перейти.

Хотелось на фронт, хотелось драться, мстить. Но инвалидов первой группы на фронт, конечно, не пускали.

— Не все выбирали тогда правильную дорогу,— с горечью говорит Николай Алексеевич.— Народ после войны был жалостливый, сердобольный. Кое-кто этим пользовался. Встречал я в пригородных поездах соседей по госпиталю: культи выставит наружу, чтобы, значит, растрогать «братишек и сестренок», зажмет коекак кепку и гнусавит песню о жене, которая нашла себе другого... Рубли, само собой, так и сыплются. Отвернусь, бывало, к окну, стисну зубы и, кажется, вот-вот свихнусь. Ведь свой же человек, фронтовик, не раз смотрел в глаза смерти — не дрогнул, выдержал. А мирная жизнь сломала... Нет, все-таки минное поле перейти проще, там все ясно: подорвешься сам, зато расчистишь путь другим. А тут... Да-а-а, в таком положении ручаться за себя трудно. Кто знает, что было бы со мной, если б не друзья! Собралось нас тогда шестеро: у кого нет рук, у кого — ног, а у кого — ни того, ни другого. Но ребята были железные. Решили любой ценой вернуться к трудовой жизни. Выхлопотали на станции Луговая дачные участки, ку-

пили в рассрочку домики и начали работать. Валили деревья, корчевали пни, засыпали канавы, рыли колодцы... Мало-помалу забыли о своих бедах и носились по магазинам в поисках гвоздей, досок, саженцев, удобрений. Постепенно я научился пользоваться топором, молотком, пилой, лопатой, даже деревьям делал прививки. И виделись мне богатые урожаи клубники. Не исключено, что так бы всю жизнь и вертелся между клубникой, медным купоросом и рынком. Но мне повезло. В начале сорок девятого года случайно встретил Дмитрия Константиновича Верейнова — старого товарища по Метрострою. Жизнь моя, можно сказать, перевернулась. А Верейнов вместо того, чтобы поохать, посочувствовать, взял да и бахнул: «Чего лодырничаешь? Иди работать!» И в самую точку попал. Именно такой разговор был мне нужен. А потом сунул мне книжку по электротехнике — до войны-то я был электрослесарем,— с тем мы и расстались...

И снова солдат как бы перед минным полем. Жизнь вроде наладилась: огород, садик, заботливая жена, дети. Если что не получается — помогут, пожалеют. А там — производство. Да еще подземное. Каждый человек на счету. Скидок и поблажек не будет. Или, хуже того, начнутся за спиной шепотки: что, мол, с него взять, инвалид и есть инвалид...

Не одну бессонную ночь провел Николай Алексеевич, прежде чем забросил в крапиву садовые ножницы.

— Пришел я на станцию «Новослободская» — тогда ее только начинали строить,— продолжает Феноменов,— разыскал главного механика Верейнова. Он сразу отправляет оформляться. А в отделе кадров и слышать ничего не хотят. Хорошо, помогла Татьяна Викторовна Федорова — она была начальником строительства,— а то пришлось бы лезть в крапиву за теми ножницами...

Начал Николай Алексеевич слесарем-инструментальщиком, потом окончил Московский техникум железнодорожного транспорта, работал механиком участка, теперь начальником механического цеха СМУ-3 Мосметростроя. Десять станций метро построено при его участии за эти годы!

Беседа наша подходила к концу, и я задал «коварный» вопрос:

— Тяжело ли бремя славы?

Николай Алексеевич отодвинул телеграммы, закурил и серьезно ответил:

— Понимаете, в этом году у меня два больших события. В феврале присвоили звание заслуженного строителя РСФСР, а теперь — Героя Социалистического Труда. Что говорить, приятно, конечно, и радостно. Но я думаю о другом. Мне пятьдесят восемь. Пенсионный возраст вышел восемь лет назад. Можно бы и на покой — к садику, клубнике, курочкам. Но я буду работать! Работать, пока ноги носят!.. Инвалидов войны и жертв несчастных случаев немало. По себе знаю, как легко в таком положении отчаяться, а то и вовсе опуститься. Если говорить по большому счету, главная моя задача — доказать, что каждый человек может вернуться в строй и обрести смысл жизни. Каждый должен перейти свое поле, каким бы оно ни было. Тогда и жизнь будет прожита не зря.

Анатолий ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Жизнь на грешной земле

8

Давно кончились дожди и всякая слякоть, припорошило снегом и село Дубровино, и тайгу, и лесные дороги. Гринька давно катался на лыжах с приобского откоса, возвращаясь домой румяным от морозца, а Обь все катила мимо мазанки Демидова свои черные, тяжелые волны, обтекая заснеженный островок посреди реки. Там, за островком, был глубокий омут, богатое зимнее рыбье лежбище, по первому льду щедро брались на подергушку килограммовые окуни, громадные лещи, «лапти», как называли их рыбаки. Иногда ловилась даже нельма, редкая теперь в Оби рыба.

Наконец могучая река обессилела окончательно, волны стали ниже и ровнее, густо потекло «сало», образовались широкие забереги. Только по стрежню, где течение было на глаз невидимым, но, знал Демидов, тугим и могучим, тянулась полоса чистой воды. У Дубровино стрежень проходил довольно далеко от берега, заворачивал за островок.

Чистая полоса воды день ото дня становилась все уже. По утрам, а иногда и под вечер эта незамерзшая полоса густо дымилась — мороз выжимал из реки последнее тепло, накопленное за лето.

— Ишь, мороз-морозило, добрая сила... Молодой, а старательный,— сказал однажды Демидов, глядя на реку.

Гринька привык к неожиданным мыслям отца об окружающих вещах, о природных явлениях, только не всегда понимал их.

— Что хорошего в морозе-то? — возразил он.— Холодно ведь. Кабы лето все время стояло — это лучше.

— Ну! А вот на лыжах ты кататься любишь... Это как? Без мороза-то бы, без снега? А?

— На лыжах — это хорошо. Только не обязательно, чтобы мороз был сильный.

— Землю-то тоже надо ему укладывать спать. А она баловница, земля, нелегко угомонить ее, как мне, бывает, тебя. Вот он и ярится, как я. Но разве я со злом покрикиваю на тебя? И он, выходит, тоже по-отцовски ворчит. Разве не добрый он?

— А для чего земле спать ложиться? — спрашивал сосредоточенный Гринька.

— А как же, сын! — хмурясь, будто сердясь на Гринькину непонятливость, говорил Демидов.— Вот ты не поспи-ка ночь, не отдохни — ну-ка?! На другой день каков будешь? Вялый, никудышный, в школе урок не запомнишь. Бессильный ты будешь... И земля отдыхать должна. Человек ночью отдыхает, а земле для того зима отведена, сын.

— Да что ей отдыхать-то? — не унимался Гринька.— Она — земля и земля, не живая. Не устает.

— Это как не устает? Не-ет! Она как раз и живая, Гринь, земля-то. Вот ты подумай сам... Утром человек просыпается — румяный, сильный, веселый. И земля весной тоже. Человек с утра делом начинает заниматься — кто на работу, кто на учебу... И земля тоже за дело с весны принимается — прорастают на ней травы, всходят посевы, деревья листвой одеваться начинают. Все растет, земля соком питает их своим, какой за зиму накопила. А чтоб каждое хлебное зернышко, каждую ягодку, каждый листок вырастить, сколько сил надо?

Гринька думал, что-то представлял, видно, себе, отвечал уже осмысленно:

— Да... Много.

— То-то и вопрос. А, окромя того, сколько еще разных дел земля делает? Река вот все лето пароходы на себе носит, ветры — поля и лес новыми семенами засевают, в этих полях и лесах зверье разное произрастает... И мно-ого всего другого. А все для кого, а?

— Что — для кого?

— Земля все это делает?

— Ну так... по природе у нее так получается.

— Для человека все это она делает, Гринька! — пошевеливая бровями, говорил Демидов. Говорил таким тоном, будто не только сына, но и себя хотел убедить в этом.— Ты запомни, сын, два закона, мо-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 29,30.

жет, самых главных в этом мире. Земля любит человека. И второе — человек тоже должен любить ее, землю. Запомнишь?

— Ага.

— Тогда легко жить тебе будет. Тогда-то и не остынет никогда у тебя душа... какую бы подлые люди ни сделали тебе подлость.

Наверное, подумал Демидов, последних слов сыну говорить пока не стоило, потому что Гринька тут же принялся сыпать вопрос за вопросом:

— А подлых-то много людей на земле?

— Встречаются.

— А земля их тоже любит?

— Нет... Не любит таких.

— А почему они подлыми получаются?

— Не знаю... Такими вырастают вот.

— А тебе встречались такие?

— Попадались, сынок.

— А что ты с ними делал?

Да, что он с ними делал? Не надо, не надо бы произносить ему тех слов. Как вот теперь ответить на простой, на очень простой и бесхитростный вопрос сына?

— Пошли спать, сынок. Айда, айда, поздно уж,— заторопился он. И уж там, в комнате, лежа в постели, чувствуя, что сын ждет все же ответа, проговорил: — Что я с ними делал, Гринька? Ох, Гринька, Гринька!.. Вырастешь, может, и лучше меня поймешь, что с ними надо делать.

— Значит, ты плохо понимаешь?

— Плохо, видно, сынок.

— А я хорошо,— сказал мальчишка, помолчав.

— Ну? — Демидов даже привстал на кровати, поглядел в ту сторону, где лежал сын, будто и в самом деле Гринька мог сообщить ему что-то необыкновенное, какое-то великое откровение, которое он искал всю жизнь и никак до сих пор не мог найти.

— Их надо, папа, один на один с землей оставлять и никогда-никогда не помогать им.

— Что-что? — Демидов сел на постели. Сквозь мрак он не видел сына, слышал лишь, что и Гринька поднялся с подушки.

— Я ведь тоже думал, пап, что земля, наверное, живая и добрая к тому, кто ее любит, кто понимает и умеет с ней обходиться,— сказал Гринька почему-то со вздохом.— И ягодкой в лесу угостит и с ручейка напоит...

— Ну?..

— А вот ты помнишь — мы еще в сторожке жили — браконьерщик один лося застрелил?

— Как же... Я сколько за ним гнался тогда, за паразитом, по тайге, пока на берег Оби не выгнал.

— Ну да. Он еще стрелял в тебя.

— Стрелял, сынок. Не попал только, торопился шибко.

— Я знаю, ты рассказывал. А потом, как выскочил на берег, чтоб в лодке уплыть, ногу в каменной расселине завязил и сломал.

— Так... Так что?

— А то... Добрых людей она любит, а нехороших и сама наказывать умеет. Земля — она с ним и рассчиталась, раз он подлец. И надо было его там и оставить, пущай бы...— сурово проговорил Гринька.— А ты его... на его же лодке в больницу отвез.

— Так... Так, так,— опять трижды произнес Демидов глухо и неодобрительно.

— А чего же с ними, раз они...— воскликнул горячо Гринька.— Он же еще и в тебя стрелял, не только в лося. А ты ведь не животное, а человек.

Что было ответить на это сыну? А отвечать надо, Демидов это чувствовал и понимал.

— Ты вроде, с одной стороны, и прав, Гринька...— Демидов взбил подушку.— А с другой, выходит, и нет. Сердце-то у меня есть, али что вместо него? Он, верно, мошенник, тот мужик.... Да ведь и человек же, какой ни есть. Подыхать, что ли, его оставлять было?

— А он бы тебя повез в больницу, коли б ранил?

— Да... С одного боку-то, говорю, правильно ты. А с другого...

— С одного, с другого... По справедливости надо действовать,— не сдавался Гринька.

— Справедливость... Это тоже, сынок, штука мудреная, много сторон имеет. Каждый ее по-своему, видно, понимает.

— Чего — по-своему? Есть же самая справедливая справедливость?

— А вот вырастешь — поймешь: есть ли, нету ли... Ты лучше меня поймешь. А теперь спи, спи, допросчик этакий.

Последние слова Демидов произнес сердито. Сердился он на самого себя, понимая, что не объяснил, не смог объяснить сыну чего-то очень важного и нужного для него...

9

Наконец и самый речной стрежень схватило ледяной корочкой, присыпало снежком, и широкая река стала совсем пустынной и унылой. От берега до берега лежало белое, чистое пространство, такое чистое, что, казалось, никто никогда не посмеет ступить на него, никто до самой весны не потревожит покоя уснувшей наконец-то реки.

Но Демидов знал, что это не так, что еще день-два, окрепнет еще немного ледок, и истопчут это белое покрывало люди. Первыми появятся на реке рыбаки. В самом Дубровино, кроме мальчишек, рыбаков почти нет, разве вот Денис Макшеев, всегда жадный на это дело, да еще два-три старика. А из города, что лежит километрах в семидесяти вверх по течению, нахлынут тучи их. Все знают эту зимнюю рыбью стоянку за островком. Сегодня среда, а вечером в пятницу и нахлынут под двойной выходной. Мария это тоже знает, вчерась еще завезла из райцентра неисчислимое количество ящиков водки. И чуть не до утра будет гореть в Дубровино «волчье око». Сама-то Мария к полночи ляжет спать, а Денис до утра будет торчать за красноватой занавеской, выдавая каждому бутылку без сдачи.

При воспоминании о «волчьем оке» Демидов вдруг подумал, что он с тех пор, как разбил бутылку об стену макшеевского дома, не выпил ни капли. И, странное дело, ему не хотелось. «Неужто не потянет больше? Да хоть бы! Гриньку надо доращивать... Побалую-ка его ушицей завтра. Правда, самое уловистое место, самая богатая окунем яма — за стрежнем, поближе к тому берегу, туда еще идти опасно, на самом стрежне лед не окреп. Да и тут, у самого островка, ничего ловится... Завтра встанет Гринька, а у меня уж уха! Ешь сынок, да в школу...»

На другой день Павел действительно поднялся до зари, взял приготовленную с вечера наживку, удочку, пешню. Когда вышел на улицу, ночь еще была настоявшаяся, плотная, звезды горели крупные, перезревшие. Но самая яркая звезда, названия которой Демидов не знал, падала в кустарник на острове. Это означало: скоро будет светать.

Лед, когда Павел шел к острову, тихонько иногда потрескивал. Но треск был не частый и тихий, не угрожающий, Демидов в этом разбирался. А вот на стрежень нельзя, думал он, там не выдержит, проломится...

Еще он думал о Гриньке, о том, что так и не сумел разъяснить тогда парнишке, как поступать с подлецами и есть ли на свете самая справедливая справедливость. И что надо теперь, если и потянет к бутылке, ни за что за нее не браться...

Пока шел так, не спеша, и думал, начало зориться, краешек неба на востоке чуть разжижился.

Возле островка Демидов остановился, выбрал место, ударил пешней, с одного раза проткнул ледяную корку. Пешню он положил на лед и не успел разогнуться, как услышал хрипло-истошное:

— Э-эу! Лю-ю... Спаси-ите! Люди! Лю-ю-ди!

Голос был искажен смертельным страхом. Но сколь ни был он искажен, Демидов мгновенно, едва послышались первые звуки, понял, кому принадлежит этот голос. Более того, Павел будто ждал его и не удивился, когда услышал. И еще более того — он уже знал, наверняка знал, что произошло там, за крохотным мыском острова, откуда раздался крик. И внутри у Демидова что-то радостно екнуло, какая-то живая пружина, больно растянутая, соскочила с зарубки, сжалась, в одну секунду уняв многолетнюю боль. «Ага... ага!..» — дважды мелькнуло в мозгу удовлетворенно, успокаивающе. И охватило его чувство, будто неимоверной тяжести работа, которую он делал всю свою жизнь, наконец-то сделана, закончена, цель, к которой он стремился все эти годы, наконец-то достигнута...

Непонятно иногда, что происходит с человеком. И позавчера, и вчера, и сегодняшнее утро Демидов находился в смутном предчувствии чего-то небывало важного для него, ощущая, что приближается, все ближе и ближе подступает что-то такое, ради чего он мучительно жил все эти годы, ради чего, может, и родился. И это «что-то» было не объяснить, не понять...

— Люди-и! Лю-ю-ди! — опять разнеслось над пустынной рекой, под темным холодным небом, на котором горели миллионы звезд, не дававших света.

«Вот оно... Вот оно!» — вспышками сверкало в мозгу Демидова, и он, понимая, что надо идти, надо спешить на крик Макшеева, не трогался с места, ноги его будто прикипели к ледяной корке.

Да, непонятно, непонятно иногда, что происходит с человеком. Полчаса назад, выйдя из жилья, и несколькими минутами позже, шагая неторопливо по тонкому льду, Демидов Павел каким-то чутьем ощущал, что Денис Машкеев, ненавистный и смертельный ему враг, где-то здесь, неподалеку. Перебирая в памяти недавний разговор с Гринькой, слушая, как слабенько потрескивает под ногами, Павел думал еще, что неокрепший лед выдержит и грузную тушу Макшеева, лишь сильнее будет прогибаться и трещать. И у Макшеева тоже хватит ума не ходить пока за стрежень, к богатой рыбной зимовальной яме.

— Спаси-ите! — в третий раз донеслось до Павла. Голос Макшеева был теперь слабый, безнадежный, обреченный. «Ну да, понимает, кто ж услышит в такой час,— равнодушно подумал Демидов. И так же спокойно отметил: — Пошел-таки за стрежень, не хватило ума. И пущай, бог-то, видно, есть на свете...»

Думая так, Демидов, однако, торопливо шагал уже к островку, приближаясь к песчаному мыску. Почувствовав под ногами присыпанный снегом смерзшийся песок, вдруг обнаружил странное несоответствие своих мыслей и действий. «Пущай, а сам помочь вроде Макшееву тороплюсь. Нет уж... Я только издали гляну, как он... Нет уж!»

Но, и подумав так, Демидов не сбавил шага. Выбежав из-за мыска, он увидел впереди, в начинающей синеть темноте, черное пятно на льду, пошел прямо на него, отчетливо понимая, что идти не надо бы, что тоже может каждую секунду провалиться, ухнуть в холодную воду. Он даже представил себе, как это он ухнет — и сразу с головой. Течение тут сильное, за одну-две секунды тело его пронесет подо льдом на метр-полтора и понесет дальше, он будет биться какое-то время головой о ледяную корку, пытаясь проломить ее, понимая, что не проломить, будет биться, с каждым мгновением задыхаясь все больше. «А там, дома, Гринька спит еще... Он проснется, станет ждать, когда я вернусь с улицы...» — это будет последнее, что мелькнет у него в сознании, мелькнет и потухнет...

— Скорей! Скорей, милый!

До Макшеева было метров десять. Но то ли этот крик, то ли угрожающий треск под ногами, а может, собственные мысли остановили Демидова, заставили бессознательно лечь на лед. Он лег, растянулся плашмя и ощутил, как больно колотится сердце. «Дурак, и в самом деле чуть не булькнул. А за

ради чего бы...» И еще ощутил под животом, под грудью, под локтями ужасную бездонную пучину, прикрытую тонюсенькой и хрупкой ледяной скорлупкой, услышал, хоть и понимал, что слышать этого нельзя, как тугие струи лижут из-под низу эту скорлупку. «Назад, назад! — стрелял кто-то ему торопливо в самый мозг.— Змеей ползи назад... вставать теперь не вздумай!..»

— Еще маленько придвинься, милый,— прохрипел Макшеев.— Лед сдержит. И брось мне чего-нибудь... Ремень...

— А ведь это я, Денисий. Здравствуй...

— О-о-о!

Бессильная ярость, обреченность, предсмертный хрип — все было в этом возгласе Макшеева, разрезавшем стылый воздух. Демидов ясно различил каждый оттенок в его голосе, усмехнулся, опять чувствуя удовлетворение, холодок в своем сердце. «А может, нахолодало оно сквозь полушубок ото льда?» — явилась вдруг откудато к нему непонятная мысль и заставила поморщиться.

Утро занималось по-зимнему, трудно и медленно, темнота все больше наливалась синевой и, казалось, не рассасывалась, а плотнела. Но Демидов все отлично видел в этой предрассветной мгле, различал даже потухающий блеск Макшеевых глаз.

Голова его торчала из полыньи, не очень широкой, но длинной, метров в шесть. Поперек полыньи лежал длинный шест, Макшеев, обессиленный, висел на нем, а тугое, сильное течение пыталось оторвать его тело от шеста, уволочь под ледяную корку ногами вперед. «Видно, все же понимал, что, проходя стрежень, может провалиться, взял с собой шест на всякий случай...» — отметил про себя Демидов.

— Павел, Павел! — дважды воскликнул Макшеев.— Погибаю ведь...

Демидов видел, что Макшеев погибает. Павел давно понял, что тут произошло, почему такая длинная полынья. Провалившись, Денис торопливо пытался выползти из полыньи, опираясь на шест, но хрупкий, тонкий лед подламывался и подламывался. Обломки немедленно затягивало под ледяную корку, уносило. Туда же тянуло и самого Макшеева, но он снова вылезал на стылую кромку, и она снова обламывалась. А тело сводило судорогой от холода и страха, силы уходили, вот уж их не хватает, чтобы еще раз лечь грудью на лед. Он висел на шесте крючком, ноги его были где-то подо льдом, за них словно кто тянет все сильнее и сильнее, и скоро сдернет его со скользкой обмерзшей жердины.

— Ты к кому за помощью-то обращаешься? Ты подумал бы.

— Павел! Павел! Павел! — В голосе Макшеева была мольба, способная пронять, казалось, и камень.

— Ишь ты,— бросил ему на это Павел зло и насмешливо.— А вот Гринька этак мне выложил недавно: подлюков человечьих с землей наедине надо оставлять. Порядочных-то людей земля любит, а подлюков и сама умеет наказать. И не надобно ей мешать в этом... В этом, говорит, самая справедливая справедливость. А?

— Павел... Поимей человечность!

— Ведь ребенок, а верно рассудил.

— Поимей, говорю...

— А ты имел ее, когда там... в Колмогорове, возле риги молотил меня? Когда самолично в милицию отвез и поджог на меня свалил? Когда с моей невестой в кровать ложился?

— Я не имел... Я подлый, знаю... Но я ведь и оплатить свою подлость по-всякому пытался. Ты не захотел...

— А человечья подлость разве цену какую имеет? Нет ей цены. Ты это-то понимаешь?

— Не знаю... Не понять мне. Я думал...

— И не за подлость ты расплатиться хотел. Ты от меня избавиться хотел. Потому что боялся.

— Нет, я не боялся. Я знал, что ты не убьешь меня, пальцем не тронешь.

— Это уж врешь.

— Правда, правда. Ну, сперва, может, и думал, что... В самом деле боялся, что... Потом понял — нет, не станешь ты...

— Мараться?

— Ага. Неприятно только было, что ты за нами все таскаешься... все рядом.

— Напоминало, что ль, это... об том, когда возле риги...

— Напоминало.

— Пожалел хоть когда об том?

— Что тебя убеждать? Не поверишь.

— Не поверю...

Они, эти два человека, два старика, разговаривали теперь спокойно, будто сидели вечером за самоваром, вспоминали прошлое, пережитое. Если бы кто увидел, услышал, только по отдельным словам мог догадаться, что разговор их необычный какой-то. Да по тому положению, в котором они находились: один лежал на льду животом вниз, другой торчал в полынье, повиснув на тонкой жердине.

Но видеть их было некому.

Поговорив, они замолчали. Плечи Макшеева, торчащие над водой, были льдистыми, мохнатая баранья шапка тоже обмерзла недлинными густыми сосульками. Неослабное речное течение все тянуло и тянуло его под лед. Силы Макшеева, видно, покидали, он потихоньку сползал с шеста, плечи его все больше погружались в воду.

— Прощай, Денисий,— сказал Павел.— Сейчас тебя... Последние секунды дыхаешь.

Этот ровный голос, эти безжалостные слова будто вернули Макшеева к действительности, помогли до конца осознать то положение, в котором он находился.

— Павел... Павел Григорьевич! — воскликнул он, подвывая по-звериному.

— Ишь ты, и отчество вспомнил.

— Помоги же! Остаток дней буду молиться за тебя! Стелькой выстелюсь под тобой, а заслужу прощение твое... за все, за все! Помоги же...

— А как я, если б и захотел? Лед и подо мной лопнет.

— Не лопнет. Выдержит. Ты худой, легонький...

— Да и сладостно мне на твою гибель глядеть.

— Я тебе деньги обещал... ты не принял. Мало, может? Помоги — все отдам, все...

— А сколько это — все?

— Ну, три тыщи... Пять тысяч... Семь! Слышишь, семь!

— Мало. Рискую все же.

В голосе Демидова была насмешка, но Макшеев не заметил ее, не до этого ему было.

— Девять дам, девять! — закричал он, чувствуя, что его вот-вот сорвет с жердины.— Нету больше. Нету!

— Врешь, больше наворовали с Марией. Что ты все набавляешь по две тыщи? Прибавь еще... сразу с пяток.

И тут Макшеев завыл в полный голос, зарыдал, закричал, пропарывая сильно уже засиневший речной простор.

— Сволочь ты! Не человек ты! Все-все, сказал, отдам. И эти пять! И еще... Дом, все манатки продам... И все — тебе, тебе... Бери все, подавись. Павел! Люди, лю-юди!

«От падаль... мразь такая!» — пламенем заметалось в мозгу Демидова, опаляя все под черепом. И там, под черепом, что-то начало трещать, но Демидов понимал, что это не под черепом, это лед трещит все сильнее и угрожающе, потому что он ползет, извиваясь, к полынье, а под черепом больно отдается этот треск. «Еще и в самом деле провалюсь. А там дома Гринька... Конечно, он не останется один, его Надежда возьмет с Валентином и вырастят. Муж у нее славный парнишка, он сроду не обидит Гриньку...»

Когда до полыньи осталось метра тричетыре, Демидов, все чувствуя, как прогибается под ним тонкая ледяная корка, перевернулся на спину, расстегнул полушубочный ремень, выдернул из-под себя. Затем расстегнул и выдернул брючный, начал их связывать.

— Скорей, Пашенька... Скорей,— услышал он.

— Ништо, продержишься... сволота вонючая... А нет — туда тебе и дорога.

И еще маленько подполз к страшной полынье Демидов, потому что и связанные ремни не доставали до Макшеева.

— Теперь так, Денисий... Хватайся за ремень, я потяну, а ты попробуй вскарабкаться на лед. Да чувствуй его крепкоту, шибко не дрыгайся. Без лишних толчков чтобы, иначе... А то я отпущу свой конец — и пропадай тогда.

— Я легонько, я легонько...

— Держи тогда.

Демидов свил в кольцо связанные ремни, бросил, стараясь попасть в голову Макшеева. И попал. Макшеев тотчас ухватился за спасительный конец. Демидов почувствовал: ухватился крепко, намертво.

— Теперь вылазь,— подтягивая ремень к себе, приказал Демидов.— Да гляди, потихоньку...

Лед, присыпанный снежком, все же был скользкий. Макшеев за ремень только держался, к себе не дергал. Он понимал, что, если начнет лихорадочно дергать, Демидов заскользит к полынье и тоже провалится, если раньше не бросит свой конец.

За ремень Макшеев держался правой рукой, а левой, обламывая ногти, хватался за кромку льда, пытаясь поднять тело из полыньи. Но это ему никак не удавалось. Видя это, Демидов прокричал:

— Вверх по полынье продвинься. Вверх...

— Ага, давай...

Демидов, слыша, как стучат зубы Макшеева, не выпуская ремня, перевернулся на спину, потом снова на живот, откатываясь влево. И опять потянул, помогая продвинуться Макшееву вверх по полынье.

— Теперь так... ноги не свело судорогой?

— Не знаю... Не чую их. Нет вроде.

— Попробуй сейчас закинуть ногу на лед. Ну?

— Ага, ага... Счас...

Макшеев понял, зачем Демидов приказал продвинуться вверх по полынье и что требует сделать теперь: течение распластало его тело вдоль полыньи, надо чуть подогнуть левую ногу и выбросить ее наверх, на лед, а потом... Только ноги вот не повиновались...

— Правильно, волк тебя съешь,— услышал вдруг он и догадался, что хоть ноги и не повиновались, хоть он и не ощущал их, а сделал, видимо, что следовало.— Теперь я потяну, а ты спружинь ногой и выкидывайся поосторожнее на лед. Ремни у меня крепкие, на твое счастье. Ну, по команде. Раз, два...

Слова «три» Макшеев не услышал. Он только почувствовал, что находится уже не в воде, что лежит на льду. Почувствовал и от охватившей его радости опять заплакал.

— Спасибо... Павел. Спасибо-о!

Первое слово он прошептал, последнее выкрикнул.

— Ты еще погодь радоваться, срамота. Отползай теперь от полыньи подальше. Ползи! В воде не скрючило, так сейчас замерзнешь.

И Макшеев беспрекословно пополз, лед под ним трещал, но выдерживал.

— Падаль ты, а приперло — людей на помощь закричал,— донеслось до Макшеева. Он оглянулся, увидел, что Демидов сидит на льду, пытаясь развязать ремни. Будто испугавшись, что старый лесник подойдет сейчас к нему и примется безжалостно, как Марию когда-то, полосовать тяжелым полушубочным ремнем, будто забыв, что снова может провалиться, встал на коленки, потом на ноги, пошел прочь. Пошел сперва осторожно и медленно, разминая ноги, а затем постепенно стал прибавлять шаг. И, наконец, чувствуя, что лед под ногой все крепче, что он почти не пружинит уже, побежал рысцой.

Демидов все сидел на льду, все глядел вслед Макшееву, пока тот не пропал за синим утренним сумраком.

10

Всю зиму Макшеев промаялся простудой, два раза лежал в районной больнице, а по весне, когда заговорили вешние ручьи, начал окончательно поправляться. В солнечные дни он, отощавший и облинявший, выходил, опираясь на палку, на улицу, садился возле дома на солнечном припеке, хмуро оглядывал улицу, проходивших по ней людей, о чем-то думал.

Несколько раз он видел шагающего в магазин или из магазина Демидова, провожал его тяжелым, ненавидящим взглядом. Демидов чувствовал, видимо, как тяжелеют бесцветные глаза Макшеева, ощущал их давящий взгляд. Он усмехался и проходил мимо. Макшеев замечал эту усмешку, складывал свои губы скобкой вниз, нервно постукивал палкой об землю.

Мария, когда Демидов приходил за покупками, никогда с ним почти не разговаривала. Лишь когда Макшеева в первый раз увезли в больницу, она произнесла непонятное:

— Толку-то, что выволок ты его из полыньи. Все равно не жилец он теперь...

Она говорила недружелюбно, будто осуждала за что-то Павла.

Да еще раз спросила как-то:

— Ты что ж... вовсе бросил пить? Уж я и забыла, когда ты последнюю бутылку купил.

Первый раз Демидов ничего не ответил Марии, а тут сказал:

— Чего в ней хорошего, в водке-то?

Демидов замечал: с Марией что-то происходит. За прилавком она стояла всегда хмурая, неразговорчивая. За зиму заметно спала с тела, осунулась. По деревне говорили: об муже переживает,— но Демидов чувствовал: дело тут не в муже. А в чем, определить не мог, да и не старался.

Еще он заметил: когда Денис был в больнице, «волчье око» в доме Макшеевых не горело. Но едва возвращался, тотчас вспыхивало.

Однажды Макшеев окликнул-таки Демидова, встал со скамеечки, врытой у стенки, подошел к нему, опираясь на свою палку. Губы его были сложены все такой же скобкой.

— Ты...— произнес Макшеев и умолк, захлебнулся.

— Ну я. И что?

Глаза Макшеева были налиты, как свинцом, тяжелой ненавистью. Но странно, Демидова это не раздражало, не вызывало прежней злости, хотелось только поскорее уйти от Макшеева.

— Ждешь обещанного-то? Тысяч тех? За спасение.

— Жду, как же. Я ведь сразу поверил: раз обещаешь, то принесешь,— усмехнулся Демидов. Макшеев на мгновение опешил, растерялся. А потом, вскипев, закричал на всю улицу, не сдерживаясь:

— Ты... быдло! Бирюк лесной! Фигу тебе жирную, а не деньги! Понял, понял? Выкуси!

Демидов помолчал и спросил так же спокойно, чуть задумчиво:

— Тяжко, значит, тебе?

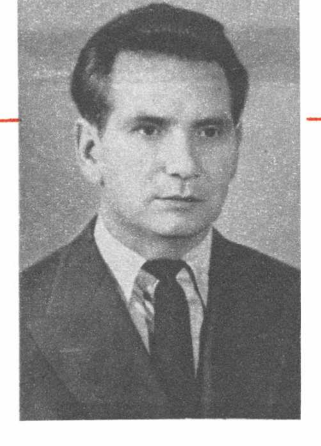
Расколись земля перед Макшеевым на две половинки, рассыпься небо на осколки, он не побледнел бы так, как побледнел после этих слов Демидова. Запрокинув голову, дергая белыми щеками, он хотел что-то выкрикнуть, выдавить из себя — и не мог. Так, с запрокинутой головой, он и стоял, пока Демидов не ушел, не скрылся в переулке.

...В этот вечер долго не вспыхивало «волчье око» в Дубровино, да так и не зажглось и совсем. Демидов, приметив это, опять усмехнулся.

Не зажглось оно и на другой вечер. И вообще никогда больше не светилось в темноте.

Окончание следует.

Анатолий ЩЕРБАК

Земля и небо

Фрагменты из поэмы

ГНЕЗДОВЬЕ

Светает в звездном тереме.
Рассвет.
И вижу я
Сквозь призму
Снов и света
Работника,
Ученого,
Поэта...
Явись и ты,
Галактики поэт!
Явись ты, диво,
Что крылом своим
Коснется щек земли,
И понесется,
И молодость и свет
Возьмет у солнца,
И зорь рассветных
Голубиный дым.
И небо
Громом оглушит раскатным,
Избороздит его
Наш дерзкий плуг,
И космос
Станет близким
И понятным,
Как залитый росою
Отчий луг...
Земля! Земля!
Бессмертна,
Хоть ранима.
В кустах,
В крестах.
(Будь прокляты кресты!)
Земля! Земля!
Как мать,
Неповторима,
Едина
И нерасщеплима ты.
Земля — гнездо,
Где я, птенец, лепился,
Великая земля,
Гадала ль ты,
Что через много лет
Сын обопрется
И выпорхнет
В безмерный мир планет?..

СОТВОРЕНИЕ

День,
На секунды не разбитый,
Зрел и пластался,
Как в забоях.
А уж планета по орбите
Кружилась,
Вся в земных заботах,
Чтоб не мертвело
Жизни море,
Чтоб зарождались
И вставали
Равнин зеленые просторы
И гор крутые перевалы;
Чтоб не сгубить
Меж звезд бесплодных
Дитя — невиданное диво,
Земля
Жизнь в муках народила,
Омыла
В водах нехолодных
И красоту дала
В награду,
Которой мир еще не видел,
И синь таинственную
Взгляда,
Мощь,
Чтобы слабых не обидел.
Еще дала,
Чтоб в ночь согреться,
Когда кострище догорает,
Большое, огненное сердце,
Что, умерев,
Не умирает,
А продолжается
В потомках,
В смертельных схватках
Выживая,
В пещерных яростных потемках
Слезу на камне выжигая.

И в знойный полдень
И в морозы
Земля дитя свое
Хранила,
С Чумацкого крутого Воза
Она его не уронила.
А всколыбелила,
Взрастила,
Для звезд и мира
Сберегла,
А подарила
Разум, силу
И человеком
Нарекла.

ДЕТСТВО

О детство человечества!
О детство!
Давнишняя, дремучая пора.
Как мальчику,
Мне никуда не деться
От мира детства —
Звездного Двора.
Что ж, память,
Словно мать воображенья,
Веди меня
В тот первозданный век,
Где со стихией
Грозные сраженья
Выдерживает
Первый человек.
Где зверь ревет,
И плачет непогода,
Где на виду
У солнца и луны
Учила уму-разуму
Природа
Далеких предков
Нашей стороны;

Где в битве,
В миг слепого отрешенья,
Мифический
В сознании людей,
Познал впервые в жизни
Пораженье,
Вдруг оторвавшись от земли,
Антей.

С тех пор легенда
Породнилась с былью.
И постигал с годами
Человек,
Что, даже если обретаешь
Крылья,—
Не отрывайся от земли
Навек.

ТВОРЧЕСТВО

На камне скальном —
Следы веков.
А кто мне скажет,
Сколь в песне слов?
В той самой песне,
Что пели нам
Земля, и небо,
И океан.

Мы выходили —
Звало ремесло.
Крепили крылья,
Строгали весло.
И уплывали —
Кто вдаль,
Кто ввысь.
Так начиналась
Работа,
Жизнь.

Земля качала,
Как океан.
Рука крепчала,
Редел туман.

И под ногою
Самоцвет
Был просто камнем...
Вставал рассвет.

И поднималось
Солнце дня,
Сжигая темень
И мрак тесня.

Ветвился разум.
И человек
Шел, как в разведку,
Из века в век.
И, прославляя
Мечту, пророчество,
Звучала песня
Творчества.
И — крылья в росах,
А не в золе,
И — небо в звездах,
Зерно — в земле!

Киев.

Перевел с украинского
Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ.

ЗА ЖУРАВЛИНЫМ ГОЛОСОМ

Часто, говоря о том или ином поэте, приводят факты из его прошлой трудовой биографии. И это верно, ибо именно прошлые, прожитые годы кладут свою печать на дальнейшую жизнь человека, формируют его поэтический характер. Однако исследователи современной поэзии еще недостаточно глубоко проследили эту взаимосвязь между характером и творчеством, хотя она и очевидна. Больше говорят о второстепенных вещах: о деревенском или интеллектуальном направлении в поэзии, и тому подобное. Между тем для любого сборника стихотворений поэтический характер служит основным критерием в оценке места его автора в современном литературном процессе.

В самом деле, некоторые получившие широкую известность имена, в сущности, являют собой лишь внешнюю, ничем не подкрепленную схему характера, а не сам характер.

Тем более приятно и радостно встретить в изобилии поэтической продукции сегодняшнего дня книжку стихов, в которой характер поэта и биография его составляют органический сплав. Такова книга лирики Валентина Сорокина, вышедшая на Урале.

Валентин Сорокин — поэт стремительный. «Я навеки влюблен в стремительность», — признается он. И стремительность эта, несомненно, идет от характера, в формировании которого немаловажную роль сыграла трудовая деятельность будущего поэта. А работал Сорокин у мартена, возле огня и металла. Общеизвестно, что профессия металлурга, несмотря на механизацию и технические совершенствования, остается одной из самых трудных рабочих профессий. Юношей пришел Сорокин в мартеновский цех, где он не только варил сталь, но и сам формировался как личность. Ему ведом труд не по творческим командировкам, не как стороннему наблюдателю. Оттого так и прямолинейны и прочны строки его стихов о работе, о труде сталевара, оттого неотделимы его чувства и мысли от потока горячего металла.

В строках из поэмы «Оранжевый журавленок» находим мы объяснение истокам характера, цельного и целеустремленного, активного и созидательного. Каждую строфу Валентин Сорокин делает так, как когда-то делал отливки,— прочно, увесисто, не позволяя своему поэтическому голосу растекаться «мыслью по древу».

Органично и подкупающе просто присутствует в стихах Валентина Сорокина чувство Родины. Оно так же самостоятельно, так же связано с характером, как и чувство гордости за рабочего человека, за его дела и свершения. Родным сыном страны, человеком, связанным с ней неразрывно, предстает поэт в стихах.

Областные издательства выпускают сегодня поэтических сборников больше, нежели столичные, но очень редко среди них встречаются такие, которые, как говорят, ложатся на сердце. Сборник стихотворений Валентина Сорокина, выпущенный в Челябинске, в крае прославленных металлургов,— это не только удача самого поэта, но и уральского издательства. Мы уже не говорим о том, что это и удача тех любителей поэзии, кому попадет в руки новая книга Валентина Сорокина.

В. ДРОБЫШЕВ

Валентин Сорокин. Лирика. Южно-Уральское книжное издательство. Челябинск, 1970.

А. Бенуа. «МОЦАРТ И САЛЬЕРИ» А. С. ПУШКИНА. Эскиз декорации. 1914.

«ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ» А. С. ПУШКИНА. Эскиз декорации. 1914.

А. Бенуа. БРЕТОНСКИЕ ТАНЦЫ. 1906.

«ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ» В. ШЕКСПИРА. Эскиз декорации. 1920.

2 АВГУСТА — 30 ЛЕТ СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ МОЛДАВСКОЙ ССР

«Страна на пути всех бедствий» — так давным-давно назвал Молдавию летописец. Он был прав, и его слова еще не раз подтверждала история.

Сейчас о Молдавии говорят совсем иначе.

— Край зеленолистый! — восклицают поэты, и с полным основанием: Молдавия — это республика-сад, каждая пятая тонна винограда, каждая шестая тонна фруктов, производимая в стране, выращиваются в Молдавии.

— Республика передовой индустрии и высокоразвитого сельского хозяйства,— без эмоций, строго и точно констатируют экономисты и могут добавить: за 30 лет валовое производство промышленности выросло в 23 раза.

— Родина яркой и самобытной культуры,— говорят с восхищением ценители искусства многих стран.

Между порой печальных признаний летописца и сегодняшней Молдавией пролегли столетия. Но есть в истории этого края один рубеж, граница между многострадальным прошлым и радостным настоящим — 2 августа 1940 года—день, когда сессия Верховного Совета СССР приняла закон об образовании Молдавской ССР, день, с которого начинается летопись Молдавской Советской Социалистической Республики.

БУДЖАКСКАЯ БАЛЛАДА

Павел БОЦУ,
молдавский писатель

Похоже на то, что я его раньше встречал.

Была та же бесконечная степь Буджака, распластанная, словно уставшая от полета птица, крылья которой касались далеких волн седовласого Дуная. Под бесцветным жарким небом июля, вдоль невзрачных придорожных акаций, привязанных к иссохшему грунту корнями, красными от напряжения, шел человек.

Дорога казалась без конца, как и эта безжалостная степь, бичуемая всеми ветрами. Но он упорно шел. День за днем, шаг за шагом шел он к своей заветной мечте. Он уже тогда по примеру сказочного Фэт-фрумоса решил чем-то помочь этой богатой и бедной земле.

Имя этого человека могло звучать по-разному: Ион, Георге, Николае. А все богатство его — две жилистые руки. Какую только работу он не задавал им!

Вот я вижу его грузчиком, балансирующим по трапу, разгружающим баржи в порту. От нескончаемого потока мешков с импортным сахаром и гвоздями спина затекла основательно. Сам Дунай диву давался, откуда силы берутся у этого человека. Получить бы ему хоть горсть этого сахара...

Чуть позже находил я его среди встревоженных волн спелой пшеницы. Нравилось ему гладить шершавые колосья, гнаться за этими иллюзорными волнами. Нет, не догнать их. Бывало, упадет ничком на землю, обхватывая ее, близкую и чужую, своими руками. Если бы ему она принадлежала, эта земля!.. Хотя бы частица ее. Тогда бы золотым, душистым свежевыпеченным хлебом накормил бы он всех своих земляков, так на него похожих.

Через некоторое время я обнаружил, что мой добрый и странный знакомый задумал покинуть свою степь. Прощание было нелегким. Однако надо было заработать на жизнь, заработать на хлеб насущный. И вот он уже подмастерье на ковровой фабрике неподалеку от городка Чимишлия.

Нежданно-негаданно очутился он среди невероятного карнавала красок. Перед его удивленным взором вдруг зацвели фантастические сады. Под высокими сводами ярко-синего неба цветными снами забегали стройные лани, и белокрылые лебеди полетели навстречу весеннему ветерку.

«Может быть, это и есть тот земной рай, о котором так много говорили на разных посиделках?» — думал он. Увесистый кулак хозяина вывел его из оцепенения и заставил долго искать оборванную нить на ткацком станке.

Он так и не связал оборванную нить на том старом ткацком станке. В конце концов он решился вместе со своими друзьями соткать новый ковер. На преображенной земле, став ее хозяином, он посадил виноградники и молодые деревья, собирающие сегодня под корой уже 30-й круг жизнетворений. С тех пор прошло тридцать лет...

* * *

Буджакская степь. Наполненная гулом уборочной страды, она напоминает теперь растревоженный улей. Дожди задумали было помешать уборке. Дожди, конечно,— противник серьезный. Однако и здесь, в сельхозартели, носящей имя Владимира Ильича Ленина, люди не упустили ни одного погожего часа и вот-вот закончат уборку колосовых на всей 1 000 гектаров.

Николай Григорьевич Бучацкий, председатель этого крупного хозяйства, кавалер ордена Ленина, трет в тяжелых, затвердевлых ладонях несколько колосьев пшеницы.

— В прошлом году собрали по двадцать восемь центнеров с гектара. В этом году надеемся добиться большего...

Можно не сомневаться, добьются этого жители обоих сел колхоза — Селемета и Михайловки, где живут люди разных национальностей, единые в высоком стремлении сделать еще лучше жизнь советского человека.

На всех 700 гектарах виноградников в прошлом году был собран отменный урожай — 85 центнеров золотых гроздей с гектара. В нынешнем, юбилейном году задумали колхозники одолеть и этот рубеж.

Сопоставление сделанного с тем, что надо сделать, непреложный закон жизни людей, которые хотят видеть то, что находится еще за чертой горизонта настоящего.

Несколько лет тому назад села были связаны друг с другом дорогой из щебня. Крестьяне уже сегодня видят эту дорогу асфальтированной. К двум средним школам прибавится еще одна — на 640 мест. Осенью откроет свои двери Дом культуры, строится книжный магазин «Луминица».

Колхозу около двадцати лет. Николай Григорьевич отдал ему почти восемнадцать. Многие помнят Бучацкого молодым. Впрочем, односельчане, глядя на своего председателя, убеждаются из года в год все больше, что лучшая мера возраста — это дела человека, а не шелест страниц календаря.

* * *

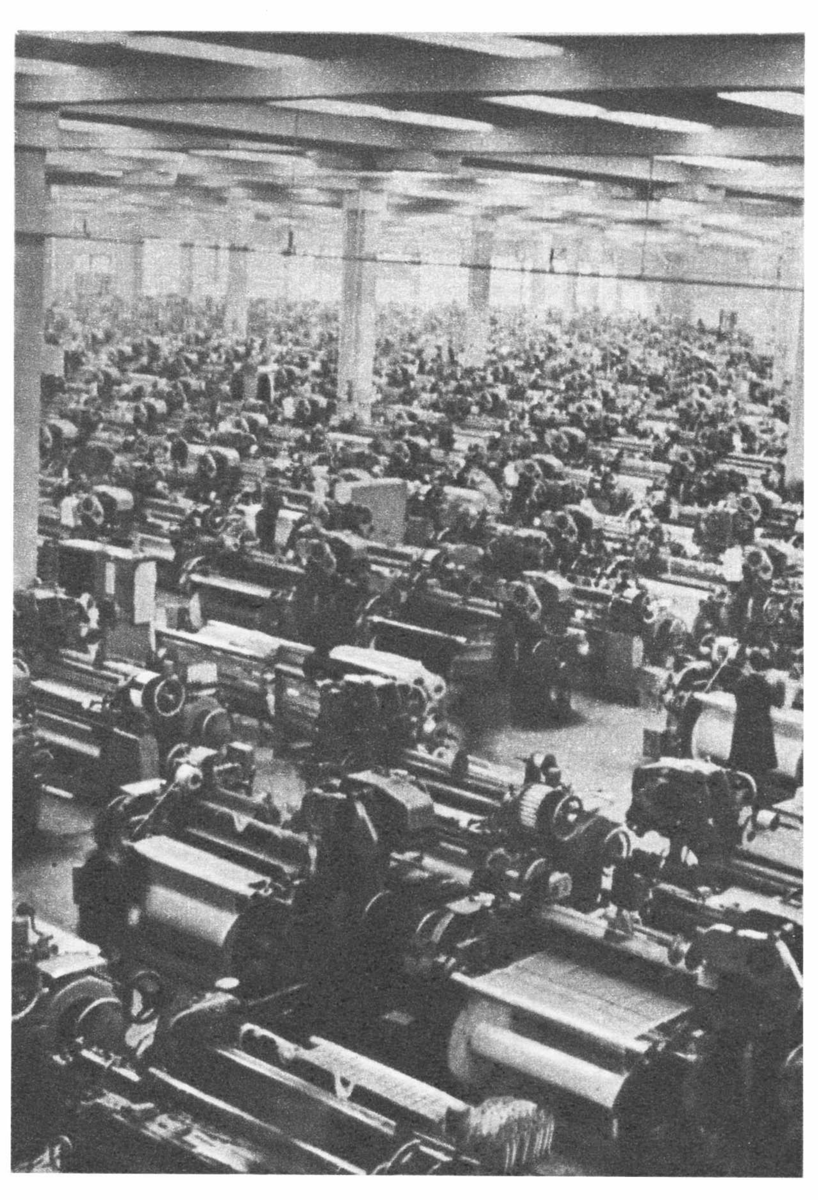
...В Буджакской степи люди собирают крупицы щедрого солнца. Среди них я вижу своих земляков Иона, Георге, Николае. Земля щедро благодарит их за труд и заботу. И моего давнишнего друга она ищет. Хочет вернуть ему сторицей ту теплоту и веру в нее, что он хранил всегда.

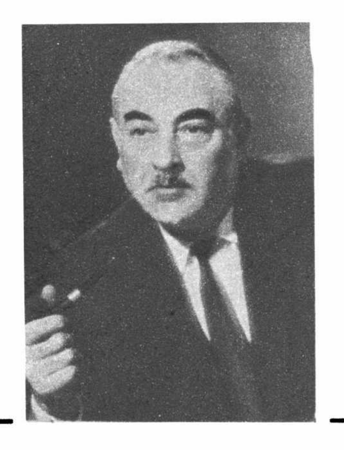

Кишинев. Проспект Ленина.

Фото Я. Берлинера (АПН).

Шелковый комбинат в Бендерах. 30 лет назад в этом городе на самом крупном предприятии было всего 32 рабочих.

43 ГОДА СПУСТЯ...

Кто был

26 июня 1927 года журнал «Огонек» опубликовал статью под заголовком «Кто такой Бородин?». На обложке журнала — фотография М. М. Бородина и его сына Нормана, сделанная в Кантоне.

В статье говорилось, что с именем Бородина, «высокого советника» Центрального исполнительного комитета китайской национально-революционной партии гоминдан, было связано много враждебных выпадов и клеветы в зарубежной печати.

Кто же такой Бородин и почему именно он заслужил внимание империалистической прессы и особую ненависть продажных перьев?

Мы попросили Нормана Бородина, ныне журналиста-международника, политического обозревателя АПН, вернуться к тем далеким годам и рассказать об интересных событиях, связанных с судьбой его отца — Михаила Марковича Бородина.

* * *

На днях я возвратился из поездки в Англию, где встречался с политическими и общественными деятелями, а также с читателями газеты «Совьет уикли» («Советский еженедельник»). С одной из этих встреч мне и хочется начать рассказ. Моим собеседником был лорд Томсон-флитский — некоронованный король Флит-стрита.

Канадец по происхождению, Рой Томсон в 20-х годах скупал радиостанции и провинциальные газеты США и Канады. В 1953 году он переехал на Британские острова и стал брать приступом Флит-стрит, скупая на корню газеты, радио- и телевизионные станции. Сейчас ему принадлежат 30 радиотелевизионных станций, 170 газет (в том числе и влиятельные консервативные газеты «Таймс» и «Санди таймс» и «независимый» «Скоттсмен»), около 150 периодических изданий по науке и технике, причем не только в Англии, но и в Африке, Азии, США и странах Карибского бассейна.

В 1964 году английская королева пожаловала ему пожизненное пэрство (в отличие от наследственных лордов). Пользуясь правом вновь назначенных пэров выбирать себе новое имя, Рой Томсон пожелал называться «лорд Томсон-флитский» (то есть «с Флит-стрита» — улицы, где расположены редакции многих газет Англии).

...Лорд Томсон ответил на все мои вопросы, связанные с недавними выборами. Я попросил его организовать встречу с главным редактором «Таймс» В. Риис-Моггом, который в эти горячие предвыборные дни часто встречался с Вильсоном и руководителями профсоюза печатников, пытаясь предотвратить забастовку.

Лорд распорядился, чтобы вместе с Риис-Моггом был и Ричард Харрис — главный эксперт «Таймс» по Китаю и Дальнему Востоку.

Я заметил Томсону, что буду рад познакомиться с Харрисом, так как сам имею некоторое отношение к Китаю...

— Уж я-то об этом хорошо знаю! — живо воскликнул Томсон.— У меня тут собрано целое досье на вашу семью.— Он похлопал ладонью по папке, лежавшей на столе.

— Насколько помнится, мы никогда не имели никаких дел со Скотланд-Ярдом! — пошутил я.

Томсон раскрыл папку и подал ее мне.

Здесь были фотомагнитные копии статей и очерков о М. М. Бородине, тексты интервью с ним в Китае, опубликованные в «Таймс» и других английских газетах начиная с 20-х годов. Среди них я нашел большое интервью моей матери, данное корреспонденту «Дейли экспресс» 16 июня 1927 года в тюремной камере в Пекине, где она ожидала смертной казни от рук палача — маршала Чжан Цзо-лина. (Впоследствии с помощью друзей был организован ее побег из тюрьмы.)

— В Англии мы знаем только двух Бородиных,— заметил Томсон,— знаменитого композитора Александра и известного революционера Михаила. Когда мне сказали, что ваше отчество — Михайлович, я понял, что вы его сын. Остальное все сделали компьютеры и хорошо организованное редакционное досье. Таким образом, у нас в руках эта папка. Я отдаю вам эти документы. Отец ваш — интереснейшая личность, революционер-романтик, хотя политически, разумеется, я не могу одобрить то, что он делал. Я ведь капиталист,— закончил с усмешкой Томсон.

* * *

Вот уже почти полвека, как имя Михаила Бородина часто появляется на страницах мировой печати и многих научных и псевдонаучных изданий, в которых выступают известные и менее известные востоковеды Запада.

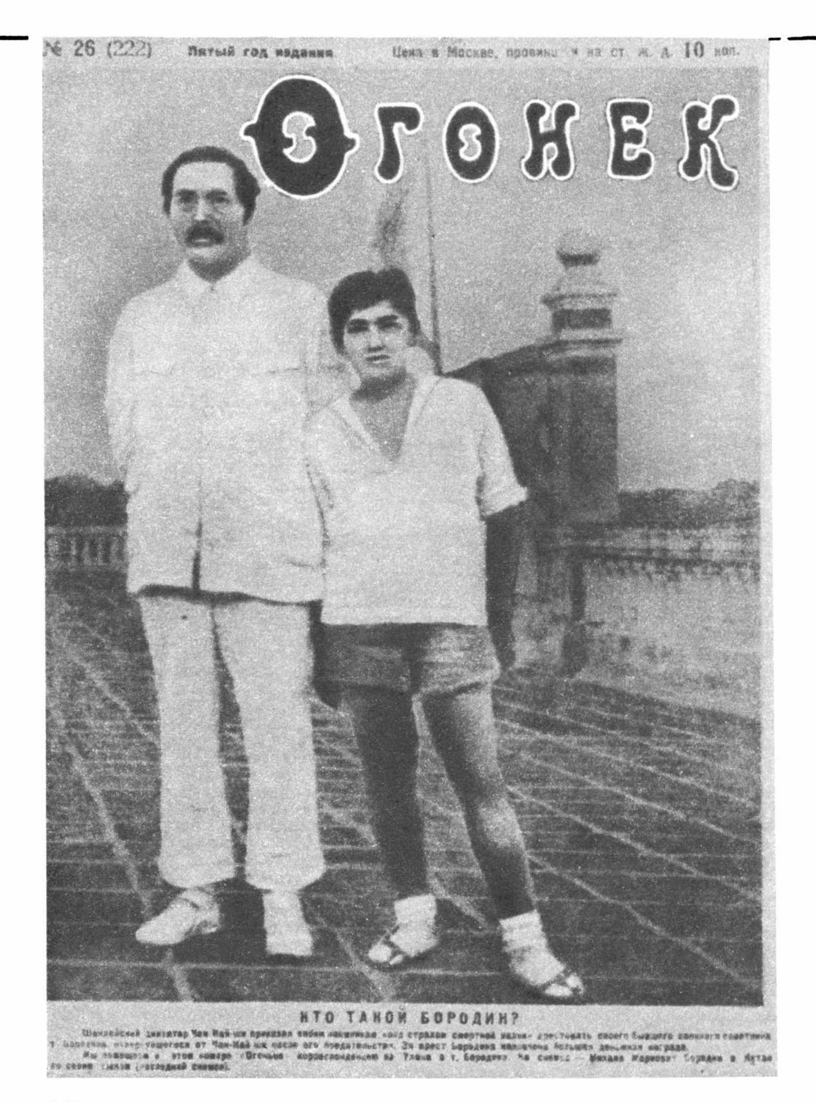
Когда западные историки пишут свои «труды» по истории социалистического и коммунистического движения в США и странах Латинской Америки, как, например, Дрэйпер в своей книге «Корни коммунизма в Америке», они вспоминают, что Бородин имел прямое отношение к доставке ленинского «Письма к американским рабочим» в 1918 году. И то, что в 1919 году с верительными грамотами, подписанными Лениным, он был назначен первым генеральным консулом РСФСР в Мексике.

Не забывают о Бородине и английские историки, когда рассказывают о Компартии Великобритании, в частности о важном съезде этой партии в г. Глазго (Шотландия) в 1922 году. Там Бородин выступал с приветствием от РКП(б) и был арестован прямо на съезде, а затем королевским судом осужден к каторжным работам в тюрьме Барлинни «за попытку организовать революцию в Шотландии»...

Но больше и чаще всего вспоминают о Бородине, когда речь заходит об истории революционного движения в Китае в 20-х годах нашего столетия. Это было то трудное время, когда молодое Советское государство протянуло руку братской помощи китайскому народу, боровшемуся за национальную независимость, против империалистов и китайских милитаристов.

Газета «Таймс» в статье «Имя из прошлого» писала о Михаиле Бородине:

«...Хотя ему было всего тридцать с лишним лет, он являлся одним из наиболее ранних и наиболее

Обложка журнала «Огонек» от 26 июня 1927 года.

Сунь Ят-сен и Михаил Бородин.

Михаил Бородин

деятельных коммунистических агентов в западных странах... Но главным образом его помнят потому, что он был у истоков, у самой сердцевины взрыва, происшедшего в Китае между 1923 и 1927 годами. Китайская загадка была уже достаточно запутана... Но тайна, окружавшая Бородина — агента Коминтерна и русского советника гоминдана,— была бесконечно более загадочной для западных кругов тех лет...»

Враги сравнивали Бородина с кардиналом Ришелье или с хищным зверем, а друзья говорили о нем с теплом и любовью.

Талантливый американский писатель Винсант Шиэн почти половину своей известной автобиографической повести «Личная история» посвятил описанию деятельности Бородина в Китае.

Нурдаль Григ, норвежский поэт, писатель и прогрессивный общественный деятель, побывал в Китае в 1927 году, подружился с Бородиным и посвятил ему свою известную аллегорическую пьесу «Варавва».

Недобросовестные зарубежные журналисты и «ученые» востоковеды хотели оклеветать внешнюю политику нашей страны в 20-х годах, создать у мировой общественности впечатление, будто молодая Советская республика действовала за рубежом какими-то тайными, нелегальными методами, через каких-то секретных агентов, террористов и тому подобное.

Нам нечего бояться рассказывать правду о том, как наша партия, как советские люди выполняли свой интернациональный долг. Слова о международной солидарности трудящихся не являются для нас пустым звуком или только лозунгом. Мы всегда искренне помогали и будем помогать народам, борющимся за свою национальную независимость и свободу, за демократию и прогресс.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ БОРЬБЫ

Михаил Маркович Бородин родился в деревне Яновичи, Витебской губернии. Он рано познакомился с тяжелыми условиями труда сплавщиков леса, перегонявших плоты по Западной Двине к Двинску (Даугавпилсу) и Риге. Как-то после очередного сплава леса он остался в Риге и поступил на учебу в русскую вечернюю школу. Днем работал в порту, вечерами занимался, готовился поступать в политехнический институт.

Девятнадцати лет он активно включился в революционную деятельность, и в 1905 году его избирают одним из секретарей комитета рижской организации РСДРП. Он принимает активное участие в подготовке и проведении всеобщей стачки железнодорожников. В том же году рижская организация направляет М. М. Бородина своим делегатом на Таммерфорсскую конференцию большевиков, а в 1906 году — делегатом на IV Стокгольмский (Объединительный) съезд РСДРП. Ему грозил арест, и М. М. Бородин по решению партии переезжает в Петербург, а затем эмигрирует сначала в Англию, а затем в США, где он по заданию партии вел работу среди русских эмигрантов.

В США отец отправился на английском торговом судне палубным матросом и всегда с большим удовольствием вспоминал эти матросские дни своей наполненной приключениями жизни.

Почти одиннадцать лет Бородин провел в США, работал на фермах и заводах, принимал активное участие в работе Социалистической партии Америки, из левого крыла которой впоследствии образовалась Компартия США. Он делал все, чтобы русские эмигранты не чувствовали свою оторванность от родины, создавал марксистские кружки и школы (в Чикаго), постоянно внушал русским эмигрантам, что они должны готовиться к будущим революционным схваткам в России. Вместе с другими революционерами он издавал журнал «Американский рабочий». Это был его первый опыт журналистской работы. В последние годы своей жизни отец вновь вернулся к этой деятельности, будучи в течение ряда лет редактором газеты «Москоу ньюс» («Московские новости»), издававшейся в Москве на английском языке...

С 1918 по 1923 год М. М. Бородин выполняет поручения партии в ряде стран Европы и Латинской Америки, в том числе и поручение по организации доставки «Письма к американским рабочим», написанного в 1918 году. Слова В. И. Ленина, которыми начинается это письмо: «Товарищи! Один русский большевик, участвовавший в революции 1905 года и затем много лет проведший в вашей стране, предложил мне взять на себя доставку моего письма к вам...» — относятся к М. М. Бородину.

«РУКА МОСКВЫ» — РУКА БРАТСКОЙ ПОМОЩИ

1923 год. Великий вождь китайского народа Сунь Ят-сен обратился к Советскому правительству с просьбой направить в Китай в качестве главного политического советника гуанчжоуского (кантонского) правительства М. М. Бородина, с которым китайский революционер был знаком еще в годы политэмиграции. Сунь Ят-сен был полон решимости реорганизовать гоминдан и превратить его в подлинную революционную партию, которая опиралась бы на широкие народные массы и применяла в Китае русский революционный опыт. Одновременно он просил Советское правительство направить в Гуанчжоу (Кантон) группу советских военных специалистов для создания школы по подготовке офицеров, реорганизации существующих вооруженных сил его правительства и создания новых воинских соединений.

М. М. Бородина вызвали в Центральный Комитет партии, чтобы сообщить о приглашении Сунь Ят-сена. Партия считала своим долгом оказание братской помощи революционному Китаю.

Отец позднее рассказывал мне и брату, что это предложение явилось для него полнейшей неожиданностью. Когда он шел в ЦК, то предполагал, что ему будет предложено выполнение какого-либо партийного задания для обмена опытом с братскими партиями Западной или Центральной Европы, США или Латинской Америки. Но в Китай, да еще главным советником к Сунь Ят-сену! Отец понимал, что это новое задание партии будет самым сложным и ответственным из всех, которые ему приходилось выполнять. М. Бородин понимал также, что солдат партии, имеющий определенный опыт революционной работы, обладающий знанием законов общественного развития, не имел права отказаться от этого задания.

Весной 1923 года М. М. Бородин прибыл в Гуанчжоу (Кантон). Спустя несколько месяцев к нему присоединились моя мать, брат Федор и я. Отец рассказал нам, как тепло и сердечно принял его и других советских политических и военных советников доктор Сунь Ят-сен. Он подолгу беседовал с отцом, подробно расспрашивал о Ленине. Причем характерно, что Сунь Ят-сен спрашивал о Ленине не только как о революционере, но, будучи профессиональным медиком, он интересовался состоянием здоровья Ильича, выяснял, полностью ли он поправился от последствий злодейского выстрела эсерки Каплан на заводе Михельсона.

Сунь Ят-сен хотел подробно знать об отдельных этапах развития революции в России, об истории РКП(б), о причинах поражения революции 1905 года, о том, как готовилась победоносная Великая Октябрьская социалистическая революция... Когда Сунь Ят-сен говорил о Ленине, глаза его как-то теплели, в его вопросах и репликах чувствовалось восхищение личностью Владимира Ильича — революционера и вождя гениального всего мира... Это чувство лось в его отношении ко всем советским людям, которые были командированы в Китай. Сунь Ят-сен неоднократно на собраниях гоминдана и массовых митингах призывал учиться у советских людей и перенимать опыт русских революционеров. В частности, характерной для Сунь Ят-сена была его речь в Гуанчжоу 1 декабря 1923 года, когда он заявил:

«...Русские — люди большого размаха, обширных познаний, поэтому они сумели выработать правильные методы. Если мы хотим успешно завершить революцию, нам необходимо учиться у них... Я попросил господина Бородина, который имеет большой опыт партийной работы, стать инструктором нашей партии, помочь нашим товарищам изучить русские методы борьбы. Я надеюсь, что члены нашей партии отрешатся от предвзятых мнений и будут искренне учиться у него...»

А положение в Гуанчжоу в конце 1923 — начале 1924 года было очень сложным. В одном из своих докладов М. М. Бородин перечислял элементы, из которых складывалась обстановка: двести тысяч войск разбросано по провинции Гуандун. В городах шныряют агенты У Пэй-фу, Чжан Цзо-лина и других милитаристов и создают свои группировки. Гоминдан не функционирует как партия, а гоминдановцы присасываются к тем военным и политическим группировкам, которые сулят им наибольшие выгоды. Все учреждения кишмя кишат шпионами империалистов и милитаристов Северного и Центрального Китая... Извне на Гуандун нападают всякого рода генералы, то сами, то подстрекаемые Гонконгом... «Кантон — это какое-то вавилонское столпотворение, в котором можно совершенно потеряться».

Советская страна прислала на помощь китайскому народу лучших своих красных командиров во главе с героем гражданской войны В. К. Блюхером, которые сумели войти в тесный контакт с передовой частью народа, с коммунистами и революционными гоминдановцами, вместе с ними планировали победу революции, вместе с ними боролись с врагами китайского народа.

В одной из своих работ генерал-лейтенант Черепанов так характеризовал своеобразное положение Михаила Бородина в Гуанчжоу: «...Бородину принадлежало решающее слово при обсуждении важнейших вопросов в суньятсеновском гоминдане, он присутствовал на всех совещаниях, участвовал в подготовке основополагающих политических документов. Неизменно представляя Бородина своим другом и сторонником на собраниях, митингах и т. д., Сунь Ят-сен стремился еще больше поднять его авторитет. На протяжении еще двух лет после смерти Сунь Ят-сена Бородин сохранил среди его последователей свое исключительное положение...»

Советский Союз в ответ на призыв Сунь Ят-сена помогал революционному Китаю не только тем, что направил в эту страну высококвалифицированных военных и опытных политических советников. Несмотря на тяжелое экономическое положение в России, советский народ, отказывая себе в самом необходимом, помогал Китаю оружием и другими необходимыми средствами.

Я хорошо помню, как торжественно и радостно встречали кантонские коммунисты и революционные гоминдановцы советские пароходы, доставившие 8 октября 1924 года в Кантон первую партию оружия и другие грузы.

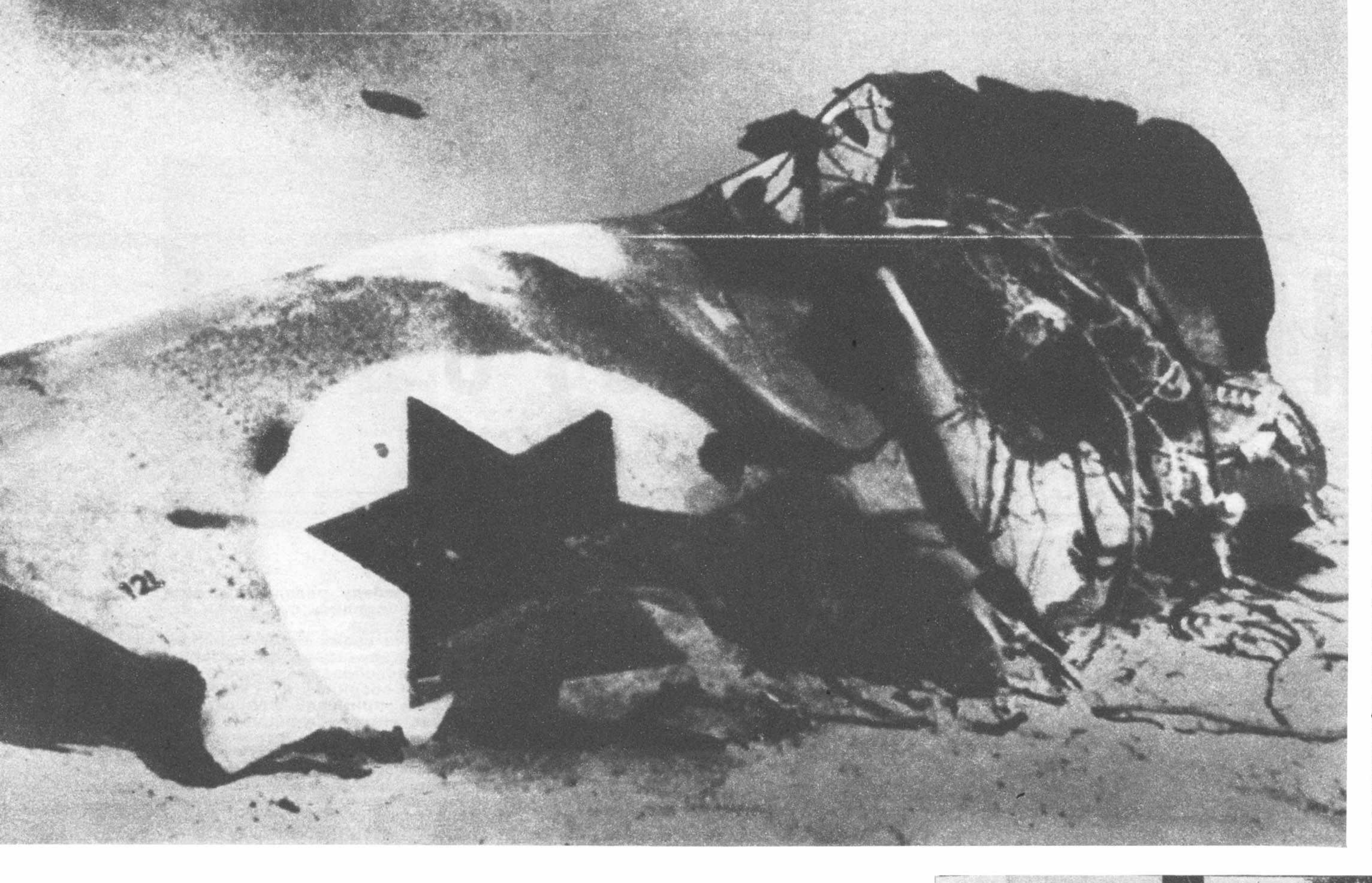
Сунь Ят-сен в этот день вместе с М. М. Бородиным посетил советское судно «Воровский» — первый советский военный корабль, прибывший в революционный Кантон. Сунь Ят-сен долго и по-дружески беседовал с краснофлотцами.

До конца своей жизни Сунь Ят-сен оставался верен не только разработанным им «ТРЕМ НАРОДНЫМ ПРИНЦИПАМ»: национальное освобождение (под этим подразумевалась борьба за национальную независимость и равенство всех национальностей, населяющих Китай), народовластие и народное благосостояние,— но и «ТРЕМ ПОЛИТИЧЕСКИМ УСТАНОВКАМ», также им разработанным: союз с СССР, союз с Компартией Китая, поддержка требований рабочих и крестьян, опора на рабочие и крестьянские массы.

Когда Сунь Ят-сен находился в тисках тяжелой и неизлечимой болезни, перед самой смертью он передал Михаилу Бородину свое завещание и письмо правительству СССР. В этом письме от 11 марта 1925 года вождь китайской революции писал:

«Дорогие товарищи! Прощаясь с вами, я хочу выразить мою пламенную надежду — надежду на то, что скоро наступит рассвет. Настанет время, когда Советский Союз как лучший друг и союзник будет приветствовать могучий и свободный Китай, когда в великой битве за свободу угнетенных наций мира обе страны рука об руку пойдут вперед и добьются победы. С братскими пожеланиями вам всего наилучшего Сунь И-сянь».

Китайский народ никогда не забудет братской помощи советского народа, подвигов советских людей, воевавших с ним плечом к плечу против империалистов и милитаристов, кровью внесших свой вклад в дело победы над общим врагом. Именно об этой совместной борьбе страстно мечтал великий вождь китайского народа Сунь Ят-сен.

Обломки израильского самолета «Фантом», сбитого силами египетской противовоздушной обороны в районе Суэцкого канала, говорят о том, какой конец ждет захватчиков на арабской земле.

Израиль не мог бы продолжать свою агрессивную политику без поддержки Соединенных Штатов. И вот еще одно доказательство этого. Совсем недавно президент Ричард Никсон приказал Пентагону срочно отправить израильским военно-воздушным силам партию реактивных самолетов «F-4E Фантом» и весьма секретное электронное оборудование, сообщил журнал «Ньюсуик». Хотя правительство США пыталось сохранить в тайне это решение, стало известно, что Никсон согласился поставить Израилю в июле в общей сложности 8 самолетов «Фантом» — два уже обещанных на основе действующего контракта и еще 6 из предназначенных для американских военно-воздушных сил. Кроме того, президент заверил Тель-Авив, что начиная с августа израильтяне будут получать по два реактивных самолета «Фантом» ежемесячно.

Фото ЮПИ.

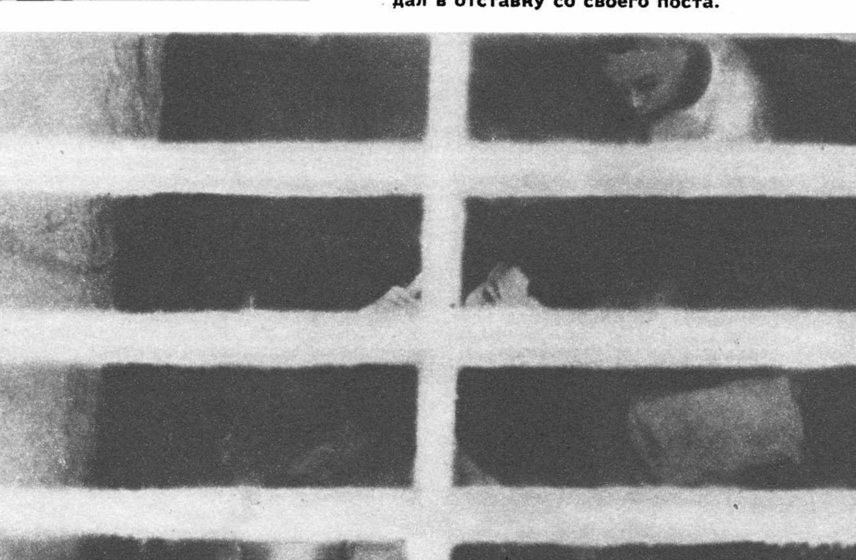

«Мировое общественное мнение — прекратить агрессию в Иерусалиме!», «Неонацизм», «Израиль — это не наш 51-й штат, господа конгрессмены!», «Мы протестуем против вторжения сионистов в Палестину!» — с такими лозунгами вышли на демонстрацию протеста против израильской агрессии члены организации американо-арабских связей в Вашингтоне. В Соединенных Штатах, как и во всем мире, ширится волна осуждения тель-авивских захватчиков.

Американский конгрессмен Томас Харкин в составе специальной комиссии палаты представителей посетил Южный Вьетнам для «изучения положения на месте». В результате двухнедельной поездки стали известны новые факты о чудовищных зверствах южновьетнамских палачей. На пресс-конференции Т. Харкин рассказал журналистам о своем посещении тюрьмы на острове Коншон, где заключенные содержатся в зарешеченных ямах — так называемых тигровых клетках, и показал на рисунке, как устроены эти «камеры пыток». Снимки, сделанные во время этой поездки, уже обошли мировую печать.

Т. Харкин заявил, что большинство членов комиссии стараются скрыть от общественности данные о преступлениях сайгонского режима. Он не согласился с докладом, составленным его коллегами, и в знак протеста подал в отставку со своего поста.

В Риме состоялась первая Международная конференция в поддержку борьбы народов португальских колоний за свою свободу и независимость. Представители 177 международных и национальных организаций 64 стран мира решительно осудили португальских колонизаторов, стремящихся силой подавить борьбу народов португальских колоний за свою свободу и независимость.

Эти два снимка сделаны в Лондоне. У ворот королевских «Альберт-доков» собрались на митинг бастующие докеры. Сорок семь тысяч английских портовиков прекратили работу, требуя повышения оплаты своего труда. Все порты парализованы. В стране объявлено чрезвычайное положение. Хозяева доков наотрез отказались продолжать переговоры, пока идет забастовка. Специальная правительственная комиссия, возглавляемая лордом Пирсоном, начала официальное расследование положения в портах Англии.

О солидарности с борьбой английских товарищей заявили докеры многих европейских портов. Они отказались разгружать корабли, которые шли в Англию, но изменили курс из-за забастовки докеров.

На втором снимке — тоже бастующие труженики Британии. Это строительные рабочие. Они устроили сидячую забастовку в Гайд-парке. Строители выступают против террора властей в Северной Ирландии, требуя запретить «оранжевые парады» в Ольстере. На плакатах написано: «Лондонские строительные рабочие требуют реформ в Ольстере», «Освободите Бернадетту», «Боритесь с фанатизмом в Ирландии».

Так выглядел провокационный парад членов реакционного ордена «оранжистов» в Белфасте, отмечавших 280-ю годовщину победы герцога Вильгельма III Оранского над католиками. На улицах — заграждения из колючей проволоки, отряды полицейских и солдат.

Здесь, как и в других городах Северной Ирландии, уже не первый месяц обстановка остается очень напряженной. Проходят бурные демонстрации, гремят выстрелы, полыхают пожары. Официальные круги пытаются объяснить события на земле Ольстера исконной враждой между католиками и протестантами.

На самом деле причины волнений гораздо глубже. Католики — наиболее обездоленная часть населения, подвергающаяся всяческой дискриминации.

В ответ на выступления североирландцев английское правительство направляет в Ольстер все новые партии солдат, пытаясь силой оружия подавить движение за гражданские права.

Театральные рассказы

Вс. МАЛАШЕНКО

ПОСЛЕ БОЯ

Гул орудийных залпов утихал.

На первом этаже полуразрушенного здания школы, в бывшем спортивном зале, среди разбросанных матов и плохо натянутых турников стояли длинные скамьи. Несколько линялых штор, наброшенных на туго натянутую поперек зала проволоку, служили занавесом.

До начала концерта оставалось менее получаса, и мы — фронтовая концертная бригада молодых актеров, студентов театрального училища — ждали зрителей.

Выступления наши проходили всегда с успехом. Песни, музыка, стихи напоминали о мирных городах и селах, о родных и близких, обо всем том, ради чего солдаты не жалели своих жизней.

Появился лейтенант.

— Артисты на месте?

— Да, да, на месте!

— Сейчас начинаем, народу пока немного, но остальные, возможно, подойдут. Проходите, товарищи!

В дверях появились бойцы. Они двигались медленно, усталость будто висела на их плечах, руках, на расслабленных ногах. Расстегивая на ходу ремни, вороты гимнастерок, не спеша устраивались кто где — на скамьях, матах, а то и прямо на полу...

Хлопотливый лейтенант прикрыл дверь, махнул мне рукой—дескать, начинай.

Я, как ведущий, раздвинул занавес и бодрым голосом приветствовал зрителей от имени нашего коллектива. Солдаты разглядывали мой костюм, галстук, лениво перебрасываясь словечками...

— Чайковский. «Мелодия». Соло на скрипке! — объявил я первый номер.

Наступила тишина. Вышел скрипач. Обстоятельно уложил на плече скрипку. И полилась музыка. Он очень любил скрипку и всегда играл с наслаждением.

«Мелодия» Чайковского — произведение лирическое, мягкое, очень русское. Тысячи воспоминаний кружат и кружат, обволакивая поэзией будничный день, унося мысли то в прошлое, то в будущее.

Сосредоточенные, серьезные глаза солдат были прикованы к рукам скрипача... Музыка разглаживала суровые морщины, глубокие складки бровей и губ...

Вдруг среди тяжкого мужского, прокуренного дыхания я услышал храп. Приглядевшись, я заметил, что многие солдаты дремлют, с трудом разжимая падающие веки. Я посмотрел на музыканта. Он играл, ничего не подозревая, будто в зале была по крайней мере тысяча слушателей и концерт проходил в консерватории. Он играл вдохновенно, легко, с чуть заметной самодовольной улыбкой мастера.

Вот последний аккорд. Готовый принять овации, скрипач опустил смычок. В эту минуту к нему подбежал лейтенант и грозным шепотом произнес:

— Играй дальше! Они спят, ты же видишь! Они устали. Они после боя! И спать им осталось...— он посмотрел на часы...— меньше часа. Играй, милый, а то проснутся.

И скрипка запела вновь. Он играл одну пьесу за другой. Чайковского сменил Бах, Баха — Бетховен, и вновь Чайковский...

Солдаты похрапывали. Изредка кое-кто дремотно открывал веки, но, увидев скрипача, закрывал, видимо, уверенный, что концерт еще только-только начинается.

Но вот отворилась дверь, и чья-то рука растолкала спящего около порога. Тот проснулся, ударил в ладони. Мгновенно проснулись остальные и дружно зааплодировали.

— Выходи! По машинам!— раздалась команда.

На ходу приводя себя в порядок, исчезли наши зрители.

Гул орудийных залпов нарастал.

«ВОЛГА-РЕЧЕНЬКА»

Она пела русскую народную песню:

Волга-реченька глубока
Бьет волнами берега...

И поплыла мелодия, захватывая все пространство зрительного зала, обволакивая слушателей задушевностью, воспоминанием...

Ой, туманы голубые,
Серебристая волна...

Я вспомнил Лену. Леночку Калинкину. Как мы компанией поехали за город и устроили пикник на берегу тихой речки. Гуляли, пели. Лена не отходила от меня ни на шаг, заботливо оберегая то от речной прохлады, то от палящих солнечных лучей. Тонконогая, с длинной косой, она походила на птицу. Ее любимой песней была... Нет, не помню, забыл. Теперь Лена знаменитая балерина, замужем...

Громко зазвучал аккомпанемент, певица подалась вперед...

Неужели ко мне милый
Не вернется никогда...

Ее обиженно сдвинутые брови, опущенные ресницы и интонации голоса такие трепетные, такие нежные... Я закрыл глаза, и в мое воображение пришла смешливая Дигна. Школьные годы. После выпускного вечера мы до рассвета

бродили по набережным Москвы-реки. Дигна мне снится по ночам. Полгода назад я получил от нее письмо из Риги. Какое это письмо! Она любила меня, но теперь твердо решила забыть, вычеркнуть из сердца. Не понял я тогда ее девичьего дыхания, отчаянной смелости...

Издалека с буйным ветром
Милый мне прислал привет...

На мгновение мне показалось, что голос прорвался сквозь темные стены зала и, счастливый, свободный, улетел от певицы, но тут же, поддавшись необъяснимой актерской власти, вернулся и зазвенел колокольчиком про волнистые поля поспевающей пшеницы, про жаворонков, висящих в поднебесье, про стога сена и нерастраченную женскую нежность.

Возле бережка крутого
День и ночь она шумит...

Мелодия притихла, последняя нота, повиснув в воздухе, упала... Пауза. И аплодисменты. С галерки послышалось: «Браво, браво!»

— Браво, Волга-реченька,— вздохнул мой сосед.

Я посмотрел на него.

— Волга-реченька глубока.— И, как бы отвечая на мой удивленный взгляд, добавил: — Нас на переправе было... Одним словом, осталось пятеро...

На его пиджаке в четыре ряда цветные колодки.

ФРАК

Все режиссерские замечания относились не ко мне, а к фраку.

— Фрак висит как мешок! Фрак не ватник! Вы артист, вы обязаны уметь носить фрак.

Я измучился. То сяду на фалды, забыв отбросить их в стороны, то крахмальная манишка надувается, словно парус, то манжеты опустятся, то поднимутся до локтей. Фрак мешал мне сосредоточиться на образе, порой я даже забывал текст.

А до генеральной репетиции оставалось несколько дней, и режиссер категорически заявил: или я научусь, носить фрак, или он снимет меня с роли.

Проклятый фрак! С утра я облачался в него и не снимал до вечернего спектакля. Я ходил в нем домой, в гости, стараясь привыкнуть, вжиться в ненавистную мне одежду.

Все меня учили, делали замечания, советовали, будто всю жизнь прожили среди аристократов. Даже дед вспомнил случай, как однажды с чекистами, нагрянув в старинный особняк и обыскивая какого-то банкира, обнаружил у него во фраке браунинг и полную горсть бриллиантов. А фрак сидел на нем так ловко, что ничего заметно не было.

Я слушал всех, обещая свято выполнять советы, но одно дело советовать, другое — носить фрак.

На одну из последних репетиций пригласили бывшую графиню, не помню, какого дворянского рода. Всем нам было интересно услышать ее мнение. Ведь она повидала на своем веку графов, баронов, князей. Для меня ее слово значило очень много. Если она признает меня, стало быть, успех, а если нет, то не играть мне этой роли.

Репетиция была пострашнее премьеры.

Первые две картины прошли удачно. Правда, в первой я выходил в пальто, действие шло на улице, а во второй вообще не был занят. Но в третьей, на балу, поднимая бокал, я зацепился фалдой за вазу с цветами, она зашаталась, я решил ее придержать и вылил бокал вина на манишку, на лацканы фрака... В кулисах раздался смех... Все, чего мне удалось достигнуть за долгое репетиционное время, я забыл, растерял.

Графине спектакль понравился. Она объяснила нам некоторые правила аристократического этикета, о которых мы понятия не имели, похвалила женщин за красоту и изящество. Жизнь, представленная на сцене, по ее мнению, была показана правдиво.

— Все так похоже на моих прежних знакомых. Вот вы, например,— она еле заметным жестом показала на меня,— ну вылитый Лена, просто копия. Барон фон Гельке... Вечно обливал вином костюм. Фрак на нем висел, как на вешалке, как на вас... Совершенно не умел держаться во фраке. Все у него падало из рук.— Она улыбнулась.— Вы просто вылитый барон. Браво, браво! — И даже похлопала в ладоши.

Я гордо посмотрел на режиссера.

РЕЗНАЯ ШКАТУЛКА

Подходя к дому, я увидел свет в большой комнате. Было уже за полночь. Тихонько открыл я дверь квартиры и вошел в комнату.

Дед не спал. Придерживая рукой очки, он бережно разбирал старые бумаги, письма... На столе стояла небольшая, старинной резьбы шкатулка с открытой крышкой. Я никогда не видел, чтобы дед кому-нибудь показывал ее содержимое, даже маме. Мама иногда говорила в шутку, что в шкатулке старый вояка хранит деньги и бриллианты. Увидев меня, дед старательно собрал все бумаги и уложил обратно в шкатулку.

— Ты что полуночничаешь?— строго спросил я его.

— Да опять разбередил меня театр! — Дед вздохнул. Он был сегодня на премьере.

— Не понравилось?

— Что ты, что ты! Очень понравилось, хотя все случаи и факты переврали. Не так все было на самом деле.

Спектакль рассказывал о первых революционных годах, о крестьянском пареньке, выросшем в комиссара Красной Армии.

— То есть,— говорил дед медленно,— тогда нас действительно окружили, и в этом есть правда. И что Степан нас выдал, тоже правда. А вот дальше уж такая фантазия...

— Какой Степан? В пьесе нет Степана.

— Вот тут-то и вранье! Никакой он не Андрей, как вы его обозначили, а самый настоящий Степан. И пришел он к нам из другой дивизии. Именно Степан, уж я-то помню. И любил он не фельдшерицу, а кулацкую дочь. За нее и пострадал, не доверяли мы ему. Да ты знаешь,— дед ударил кулаком по столу,— что когда измена открылась, то его безо всякого суда чуть шашками не порубали. А начал Кучум. В театре вашем Кучума вовсе нет, а он, может, главный герой. Лихой боец, сажень в плечах, усы в закрутке... Да вот они, свидетели.— И дед стал отыскивать какую-то бумагу.

Я понял, что дед был участником этих или подобных событий и что спектакль вернул его воображение к тем далеким памятным дням. Зная характер деда, я не пытался ему возражать, спорить с ним о театре и жизни, о праве писателя на художественный вымысел и так далее.

— Вот тебе вещественное доказательство! — Дед бережно разгладил порыжевший от времени листок из школьной тетради. Это был протокол заседания ревтрибунала, написанный чернильным карандашом. Верхняя часть протокола была оторвана, на оставшейся с трудом можно было прочесть, что приговор должен быть приведен в исполнение до наступления темноты, и дальше шли подписи трех членов трибунала. Я рассматривал чудом уцелевший, теперь уже исторический документ, на котором неграмотной, видно, дрожащей рукой была выведена фамилия моего деда.

— Дедушка,— я обнял неугомонного старика,— расскажи, как все происходило на самом деле.

И дед поведал мне свою жизнь. Он прожил ее ярко, он всегда был в гуще революционных событий, он скакал на лихих конях с шашкой наголо, лично знал Чапаева, учился в ликбезе, дважды влюбился безответно, пока не встретил бабушку. Вот он какой у меня, дед.

Утром в театре я встретил автора пьесы и передал ему обиды, переживания и, конечно, биографию деда. Рассказал о реликвиях, что хранятся в резной шкатулке. Писатель выслушал меня с интересом, записал фамилию деда, домашний адрес.

Вечером в нашей большой комнате я застал известного писателя, вместе с дедом рассматривающего сокровища заветной шкатулки.

— Гляди,— протянул мне дед два листка вместе.

Из составленных половинок получился полный протокол ревтрибунала. Недостающую часть хранил, оказывается, писатель, в те годы сражавшийся бок о бок с дедом.

— Степана-то, оказывается, не убили! Разобрались. А вот, поди ж ты, считали его виноватым. Меня о ту пору контузило, и уж после я был направлен в другую кавалерию. А он,— дед указал на писателя,— как раз прибыл к нам с пополнением. Так что разминулись мы. А то, глядишь, и я был бы изображен на сцене. Пусть даже под другой фамилией!

Дед вздохнул. Эх, жалость какая!

НАСЫЩЕННАЯ ПАУЗА

Она спала. Косые лучи солнца согревали ее лицо. Ресницы чуть-чуть вздрагивали, вероятно, ей что-то приснилось. Русая коса, туго сплетенная, лежала рядом...

Я откровенно разглядывал ее брови, губы... Так не хотелось будить ее, а надо. Вот сейчас я должен силой поднять ее с земли и, когда она станет сопротивляться, скрутить ей руки за спиной и отвезти в лес, в партизанский штаб. Я даже буду угрожать ей револьвером.

Я смотрю на нее и думаю, что такое лицо, нежное, доверчивое, не может быть лицом предателя. К тому же через полчаса все выяснится и она сумеет доказать свою невиновность, но сейчас об этом знают лишь немногие.

Я смотрю на нее... Она всего второй год в театре, а уже сыграла три главных роли, ее знает, любит театральный зритель. В прошлом году она снималась в кино, теперь фильм выйдет на экраны, и о ней заговорит вся страна. Ее фотографии будут продаваться в каждом киоске, она станет настоящей знаменитостью. И вот я играю с ней в одной пьесе. Меня тоже будут знать...

Вдруг я вижу, что один глаз ее приоткрылся, голова как бы во сне скатилась на сторону и губы, почти не разжимаясь, подсказали:

— «Вставай, ведьма!»

Я вздрогнул, нагнулся, поднял ее с земли, скрутил руки за спиной и закричал:

— Вставай, ведьма!..

А дальше все пошло, как положено в этой сцене.

Когда я привел ее под конвоем за кулисы, она сказала:

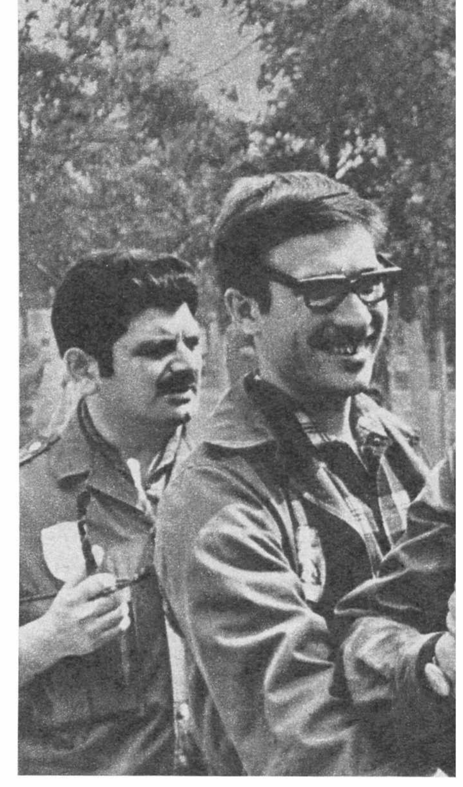
— Ты сошел с ума! О чем ты думал, когда смотрел на меня?

Подошедший режиссер сказал:

— Да, не получилось. Не наполнил ты паузу. Надо восхищаться ее красотой. Какие брови, ресницы, губы! Такое нежное, доверчивое лицо не может быть лицом предателя. Вот о чем надо было думать.

Я вздохнул.

Перед отлетом в Лиму.

МОСТ СССР

Первыми в Лиму прибыли транспортные самолеты «АН-12».

Фото корреспондента «Правды» в Перу В. Боровского и автора.

ДРУЖБЫ:
— ПЕРУ

— «Огонек», это вы заказывали Лиму? Подождите минуточку.— Голос девушки-телефонистки пропал, и ему на смену пришли шорохи и скрипы. Иногда в них звучали названия далеких городов, переговоры телефонисток разных стран и снова растворялись в неясном шуме эфира. Со связью что-то не ладилось. Прошло 10 минут, потом еще 10. И вдруг я поймал себя на том, что вспоминаю Шереметьевский аэродром, и ребят из молодежного медицинского отряда, и те сутки, которые я провел в отряде перед их отлетом в Перу...

Десять дней отряд жил ожиданием, «в состоянии готовности номер один», как говорил его командир Генрих Бычков. Запас самых необходимых лекарств и инструментов, упакованных в несколько ящиков, покоился в углу, рюкзаки были собраны и гитары спрятаны в целлофановые пакеты. Отъезда ждали с часу на час, тем более что утром газеты сообщили: в аэропорту Хорхе Чавес, близ Лимы, приземлился первый советский самолет. После вечерней линейки отряд погрузился в сон...

Не спал только Ренат Акчурин. Он ждал часа ночи, когда его должен был сменить другой дневальный. Ренат писал открытки маме и друзьям в Узбекистан, сидя на ящиках с медикаментами. Когда он начинает говорить, то на лице появляется широкая, добрая улыбка:

— Мама мне говорит: «Ренат, куда ты опять едешь?» «Опять» — это потому, что я прошлым летом тоже дома не был. Работал в строительном отряде. Но ведь я же приезжал к себе в Андижан, на зимние каникулы... Эх... Маме все равно не объяснишь, она беспокоится, как я обедаю. Мамы, они, наверное, все такие. Вот отец — другое дело. «Раз надо,— говорит,— езжай!..»

Ренат был в Ташкенте после землетрясения. В составе студенческого строительного отряда работал бетонщиком в Узбекистане и уверен, что это пригодится ему в Перу, хоть едет он туда санитаром.

Да, в Перу Ренату Акчурину из Андижана может пригодиться профессия бетонщика. Так же, как свердловчанину Володе Шинкаренко, восстанавливавшему в 1968 году Ташкент, пригодится полученное до медицинского института образование электро- и радиотехника.

Константин Гадакчан, начальник штаба отряда, кандидат медицинских наук, рассказывал мне, что в отряде медиков почти все владеют одной-двумя строительными специальностями, большинство прошли школу студенческих строительных отрядов и могут работать плотниками и монтажниками, каменщиками и столярами. Они готовы не только лечить, но и строить больницы, жилые дома, детские сады...

Но больше всего пригодятся ребятам хорошие медицинские знания, практический опыт, приобретенный в работе на «Скорой помощи», в больницах и амбулаториях.

— С такими ребятами,— говорит Гадакчан,— я со спокойной совестью могу поехать куда угодно...

— «Огонек», «Огонек», я вас соединяю с Лимой...

Треск в трубке пропадает, и становится слышен далекий, но четкий голос:

— Здравствуйте, Москва! Я вас слушаю.

На том конце провода, на другом полушарии, «Огоньку» отвечает советник-посланник посольства СССР в Перу Леонид Михайлович Романов. Я прошу его рассказать о том, где сейчас находится молодежный медицинский отряд, прилетевший в Лиму 18 июля.

— Медики-добровольцы уже вылетели в Урас, административный центр департамента Анкаш, наиболее пострадавшего от разрушительных землетрясений. Туда же отправлено оборудование полевого госпиталя на 200 мест. Дороги в этом районе были разрушены и восстановлены совсем недавно. В настоящее время ребята совместно с прибывшими туда врачами разворачивают на месте госпиталь и оказывают медицинскую помощь населению долины Уайлас.

— Леонид Михайлович, как оценивают советскую помощь в Перу?

— Здесь очень хорошо, очень тепло встречают наших людей. На аэродроме сотни перуанцев встречают наши самолеты, хотя стоит прохладная, сырая погода.

— Благодарим вас за интервью. Передавайте привет ребятам из медицинского отряда, всем советским людям в Перу.

— Спасибо! Привет от нас москвичам!

Часы на стене показывали восемь вечера — значит, в Перу был полдень. Рабочий день у наших парней, у добровольцев медицинского отряда, был в самом разгаре.

Я перелистал блокнот:

«В отряде шесть кандидатов медицинских наук; все фельдшеры — выпускники медицинских вузов страны, почти все, учась, работали на «Скорой помощи», в медицинской авиации, в госпиталях...»

«В «аптечке» отряда все необходимое. Есть даже комплекты для оживления организма...»

«В отряде трое мастеров-альпинистов. Двое из них — врачи. Работали в спасательных отрядах в горах...»

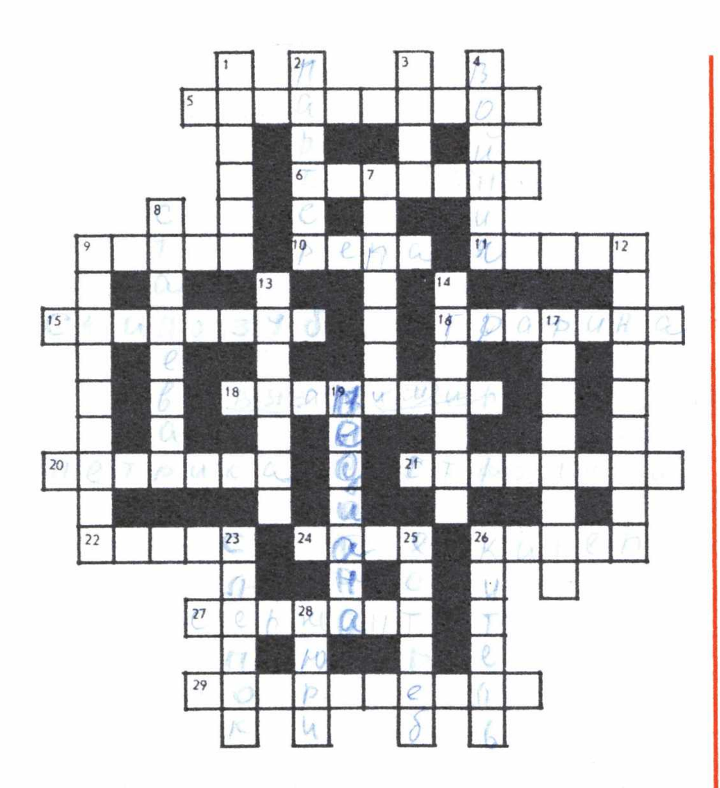
«Среди медиков есть русские, украинцы, белорусы, татары, армяне, всех не перечислишь. «География» еще шире — Кривой Рог и Москва, Киев и Хабаровск, Челябинск и Калинин, Орел, Свердловск, Днепропетровск...»

«Слушали лекции по Латинской Америке и альпинизму, по технике безопасности при борьбе с эпидемиями и тропической медицине, занимались испанским языком. Первые выученные фразы — «Разрешите вам помочь» и «Мы денег не берем»...»

«Очень простые ребята. Много семейных... Ни у кого из них нет лишних денег, но ни один, записываясь в отряд, не поинтересовался, сколько он сможет заработать, даже будут ли им вообще платить...»

...Один из бойцов этого отряда удивительно просто сказал: «Едем, потому что надо... Если не мы, то кто же?» Какая это прекрасная «обязанность» — помогать в беде!

Владислав ДРОБКОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский живописец. 6. Союзная республика. 9. Герой древнегреческой мифологии. 10. Корнеплод. 11. Приток Вятки. 15. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 16. Жанр изобразительного искусства. 18. Областной центр в РСФСР. 20. Свидетельство о рождении. 21. Химический элемент. 22. Созвездие южного полушария неба. 24. Порт на Дунае. 26. Небольшое судно. 27. Воинское звание младшего командного состава. 29. Итальянский физик и математик XVII века.

По вертикали: 1. Цветок. 2. Театральные ложи. 3. Озеро в Эфиопии. 4. Автор романа «Овод». 7. Рыба семейства лососевых. 8. Рабочий металлургической промышленности. 9. Музыкальный инструмент. 12. Прибор для измерения скорости ветра. 13. Река в Красноярском крае. 14. Название первой печатной книги в России. 17. Оперетта Ю. Милютина. 19. Отрезок прямой, соединяющий вершину треугольника с серединой противоположной стороны. 23. Точное воспроизведение предмета, отлитое из гипса. 25. Хищная птица. 26. Форменная куртка. 28. Комиссия, присуждающая призовые места, награды.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали: 7. Карамзин. 8. Зоология. 10. «Рожь». 11. Контрабас. 12. Илим. 13. Пижама. 17. Апатит. 19. Томский. 20. Лексикография. 22. Пигмент. 24. Курган. 26. Эстамп. 30. Фуле. 31. Циклотрон. 32. Болт. 33. Купавина. 34. Каллисто.

По вертикали: 1. «Свадьба». 2. Плотина. 3. Калория. 4. Силок. 5. Гопак. 6. Сицилия. 9. Трансформатор. 14. Мережка. 15. Боливия. 16. Витрина. 18. Папирус. 21. Бузулук. 23. Смальта. 25. «Гренада». 27. Таблица. 28. Вишня. 29. Посад.

На первой странице обложки: Герой Социалистического Труда Николай Алексеевич Феноменов (см. в номере очерк «...Поле перейти»).

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Фламинго.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 14/VII-70 г. А 00420. Подп. к печ. 28/VII-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1374. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1964.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

САМАЯ ВЕРНАЯ ЛЮБОВЬ

Татьяна ЛОТИС

Фото Б. КУЗЬМИНА.

До чего же неугомонные бывают люди! Есть у них интересная работа, верные друзья, любимая семья, уютный дом,— казалось бы, что еще нужно для полного счастья? Но вот почему-то недостаточно, оказывается, им после трудового дня посидеть у телевизора, почитать книгу... Перекусив на ходу, торопятся эти люди в заводской Дворец культуры или в сельский клуб, институтскую студию, народный театр...

Что ведет их туда? Желание просто «убить время»? Конечно, нет! Их собирает вместе самая верная любовь. Любовь к искусству.

Почти каждый день сто пятьдесят москвичей приходят на репетиции, спектакли в народный оперный театр при Центральном Доме культуры железнодорожников. Рабочие, инженеры, молодые ученые радостно, увлеченно занимаются вокалом, сольфеджио, готовят декорации, колдуют над костюмами... Право, начинаешь думать, что главное для них не результат — спектакль, идущий на сцене, а сам процесс его творческой подготовки. Процесс будничный, кропотливый, но такой захватывающий!

Вряд ли получила бы столь широкую известность оперная студия, возникшая десять лет назад при Доме культуры железнодорожников, если бы руководителем ее был менее увлеченный, страстный человек, чем Анна Исаевна Соколова.

Народный оперный театр упоминается на афишах рядом с профессиональными театрами. Билеты на спектакли продаются во всех театральных кассах. Вместе с самодеятельными певцами в спектаклях поют многие оперные знаменитости — скажем, Алексей Большаков, Зураб Анджапаридзе, Зиновий Бабий... А началось все, когда семеро энтузиастов во главе с Анной Исаевной готовили первую свою концертную программу.

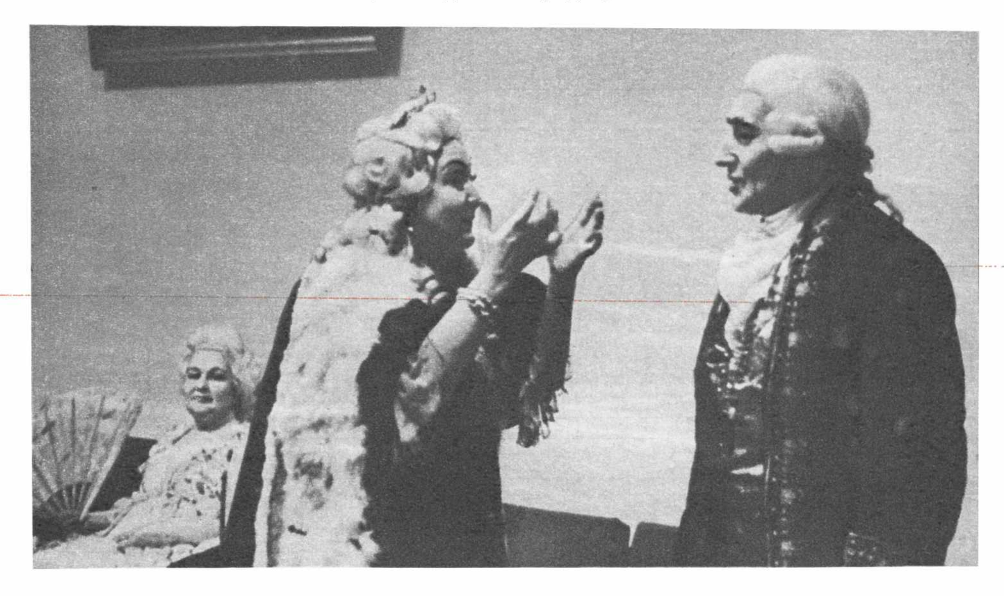
Сегодня в репертуаре народного театра «Евгений Онегин», «Отелло», «Пиковая дама», «Ванина Ванини»... Оперы, требующие высшей степени профессионализма.

Достигается этот профессионализм упорным, ежедневным трудом.

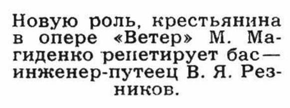
Сегодня «Риголетто». Главный дирижер И. Б. Байн, режиссер А. И. Соколова.

Дома глава семьи — Александр Иванович Козырин, а здесь, на спектакле, «главенствует» его жена — Нина Гавриловна; она сегодня играет Екатерину Великую, а ее муж — один из придворных.

Десятки раз выходил на сцену слесарь завода малолитражных автомобилей Василий Бахирев. Но всегда волнуется за него концертмейстер Ефим Диамант.

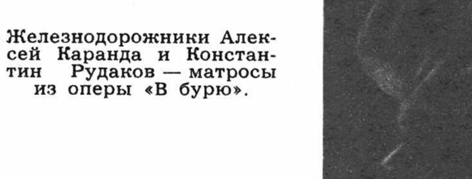
Новую роль, крестьянина в опере «Ветер» М. Магиденко репетирует бас — инженер-путеец В. Я. Резников.

После спектакля «Риголетто» к исполнителю главной роли конструктору Валентину Муслаеву пришел сын Саша поздравить с успехом.

Зина Абашина — инженер-связист. В роли Лизы она сама ясность, чистота, молодость...

Железнодорожники Алексей Каранда и Константин Рудаков — матросы из оперы «В бурю».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.